

МАРК ГОЛЬДБЕРГ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ...

Марк Гольдберг

Из воспоминаний о...

г. Артемовск

1999 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Трем поколениям Гольбергов досталась тяжелая судьба. В бесправии и бедности закончилась жизнь ослепшего, когда-то богатого деда. Мучительной смертью умерли мои отец и мать, и вскоре за ними сестра и бабушка. Моя жизнь висела на волоске. Незавидна судьба остальных потомков деда. Все мы жили в системе, умершей естественной смертью, но умертвившей миллионы. Социальную направленность мышления я видел у отца, скрытной тети Лиды, которую знал лучше других, из второго поколения Гольбергов, у ее внука и, что для меня важно, у моей дочери Инны. У Инны будут дети, а дочка родится через несколько недель. У внучки, дочери американки и израильянина, будет интерес к своим европейским предкам генеалогический и, вероятно, социологический. В частности, интерес ко мне.

Мое поколение начало жизнь в период разрухи после поражения России в первой мировой войне, а потом гражданской войны (для кого поражение, для кого победа) и заканчивает жизнь после поражения в холодной войне, пройдя через Вторую мировую войну. Мы были свидетелями арестов невиновных людей, испытали на себе голод 1932-34 годов, стали пассивными или активными соучастниками строительства фальшивого экономического строя, воевали в самой кровопролитной и разрушительной войне в истории человечества и России, в частности, одобряли действия коммунистической партии против своего и других народов, голосуя за коммунистических марионеток. Нас мало трогало наше бесправие, как и бесправие других. Причиной многому был страх за новое положение или жизнь, и желание получить от государства то, на что такое же право имеют другие. Мы, наверное, самое коррумпированное поколение в истории человечества. Теперь, после развала коммунистической империи, страх позади, и я вместе с одноклассниками пишем воспоминания. Помимо внуков они, может быть, заинтересуют бахмутчан.

ДЕД

Деда я помню седого, с белыми усами, облысевшего. Совсем не таким, каким запечатлелся в памяти молодым на портрете, висевшем у нас в столовой: с короткой бородой и усами, вырази-

тельными глазами, с непокрытой - как и в жизни - головой. Был он, по словам, высокого роста, что я, а не его дети, унаследовал от него. Носил брюки, заправленные в сапоги. Говорил только по-русски, без акцента. Книги у него были на русском языке, в том числе нам доставшиеся после него энциклопедия Брокгауза и Эфрона (помню один том "Идумея по Китченер") и книга по астрономии. Я был его старшим внуком и единственным в Артемовске. Он рассказывал мне сказки. На прогулках покупал конфеты домашнего производства у женщин, торговавших на улице подсолнечными семечками. Мне конфеты не нравились, я их называл "бабскими" и предпочитал в свои 4-5 лет конфеты из магазина. До революции 1917 г. дед имел мыловаренный завод, построил дома, вел вместе с сыновьями торговлю бакалейными товарами. В социальной иерархии он был купцом 2-й гильдии. По словам моего отца, торговый оборот был равен обороту купца первой гильдии. В первую гильдию дед не перешел, потому что увеличился бы налог. О масштабе его дела можно судить по тому, что в 1916 г. он послал в Харбин за товаром двух сыновей. Говорили, что дед был скуп. Его младшая дочь Лида, не получавшая от отца достаточно денег, в знак протеста поступила работать официанткой, что было предосудительно в обществе моего деда. Дед был сыном писаря при синагоге где-то на границе Польши с Россией. Из бедности выбился тяжелым трудом в сочетании с умением считать деньги подобно всем, кто прошел подобный путь. Можно ли было обвинять его в скупости, если всех детей учили игре на скрипке или фортепиано (большевики конфисковали пианино и поставили его в... больницу), мальчики обучались в гимназии или реальном училище, моего отца после гимназии дед отправил не в ближайший город Харьков, а в Петербург, где обучение стоило дороже, но было лучше?!

В 1916 г. умерла его жена - помощница и, кажется, инициатор мыловаренного производства. Была она из рода Тесменицких, среди которых потом были профессор, военный врач, и вообще, по словам младшей дочери моего деда, из незаурядной семьи. Умерла она за семь лет до моего рождения от инфекционного полиартрита. Не помогло ей лечение в Карлсбаде (ныне Карловы Вары, Чехословакия) минеральными ваннами, куда она ездила в 1912 г. с младшей дочерью. Инфекционный полиартрит и сейчас неизлечим.

Большевики отобрали у деда завод, дома, торговлю. Потом выселили в кухню его же дома. По иронии судьбы на фронтоне кухни была лепка с тремя буквами - МЯГ - сокращение Михаил Яковлевич Гольберг. Гольберг, а не Гольдберг, так как при оформлении первоначального документа, удостоверяющего его личность, в фамилии по небрежности опустили букву "д". Так, все пятеро детей стали Гольбергами. С такой фамилией сейчас один человек, мой двоюродный брат Виктор. После него Гольбергов не будет. Я Гольдберг, и дети тоже. На нашей улице подобный дому деда был только один дом, построенный до дедова дома. Помню, в спальне во всю стену был нарисован пейзаж с преобладанием зеленого цвета. Когда я его видел, дед уже жил на кухне. Потом деда выселили из кухни. Надо было дать жилье дворнику. Так у нас появился дворник со старшей дочкой Лидок, младшей дочкой Манёк, потом родился Васек. Пейзаж на стене забелили. Пережиток капитализма?

В период гражданской войны 1917-20 гг. эксцессы белых и красных его не очень задел. Как-то продержали его в тюрьме три дня и выпустили. У него не было личных "классовых" врагов. Помню, как у нас останавливались на ночлег крестьянки, в прошлом прислуга у деда, когда приезжали в Артемовск торговать на базаре. Они угощали меня неходкими грушами - маленькими, коричневыми, не очень вкусными, наверно, дикими, но в большом количестве. Как-то папа брал меня, в мои 7-8 лет, в ближайшую от города деревню Ступки, где, помню, в прохладной с завешанными от жары окнами комнате с глиняным полом и неприятным запахом, беседовал с бывшим дедовым работником, скорее всего конюхом.

Был в жизни деда после 1917 г. светлый промежуток, когда большевики попятнулись, видя, что у них без капиталистов в экономике ничего не получается. Начался НЭП. Провозглашение новой экономической политики позволило деду открыть мыловаренный завод, но уже другой. Конфискованный завод деду не вернули. Вернуть - значит реставрировать капитализм. Пусть лучше развалится! Так и случилось с мыловаренным заводом деда. И, наверное, со многими другими. Помню себя в 4-5-летнем возрасте, приведенным на завод молодым рабочим. Он подвел меня к возвышению у котла, приподнял, и я увидел в котле булькающую серую массу. Дед производил хозяйственное мыло. Несколько лет

спустя, когда я шел с купленным в магазине мылом, дед остановил меня и, заинтересовавшись мылом, лизнул его. Позже я спросил отца, зачем дед лизал мыло. Отец объяснил мне, что дед проверял мыло на содержание соды. Завод потом закрыли. Деда выселили из кухни. Он переехал в частный дом на окраине города. Кто был владелец дома, я не знал, но его сын выкручивал мне руки, требуя при этом, чтобы я крестился. Немного спустя дед переехал в другую, тоже частную квартиру, еще дальше на окраину города. В государственных квартирах ему жить было нельзя, так как он после НЭПа стал лишенцем. Теоретически лишенным права голосования, практически никто. Настоящий призрак в коммунизме! Купили, наконец, домишко под соломенной крышей среди таких же домов. На одном из них, напротив деда, жили аисты. Что такое переезд, каждый знает. Что такое переезды для почти ослепшего с женой после 60 лет не знает никто. И не дай Бог знать...

На этих словах я остановился, так как слезы подступили к глазам. Через 57 лет я осознал то, что видел, не понимая, в 13-летнем возрасте. У нас, евреев, нет великомучеников. У нас так много мучеников, что великомученики нам не нужны.

На последней квартире дед был уже совсем слепым. Умер он в возрасте 74 лет от уремии - почечной недостаточности. Если сопоставить его слепоту с почечной недостаточностью, получится картина сахарного диабета, конечно, нелеченного. Если объяснить слепоту глаукомой, а ею болел мой дядя и говорил, что это наследственная болезнь, то дед страдал хроническим нефритом.

На похороны пришел наш многолетний сосед Сангурский, владелец большой коллекции дореволюционных граммофонных пластинок. Очень жизнерадостный, остроумный человек евнухоидного вида и потому не женатый. Пришел он с вестью: статус лишенца отменили. У Сталина родился новый план. Что у деда не отняли? Право быть погребенным на еврейском кладбище. Если бы тогда были крематории в достаточном количестве, и этого права лишили бы умерших представителей элиты довоенной России. Жечь убитых большевики начали 1-2 годами позже, в Москве, на пять лет опередив нацистов.

Похоронили деда по еврейскому обычаю. Запомнилось как тело, завернутое в белую ткань, опускали в могилу, и развернувшаяся простыня обнажила ступни в коричневых носках.

На похороны приехал сын из Киева. Обе дочери и младший сын не сочли возможным.

Летом 1956 г. я еще мог разыскать след его могилы. Потом и его не стало. Построил дед 6 домов и мыловаренный завод. В городе было три завода: гвоздильный, стекольный, мыловаренный.

Председатель Артемовского горсовета в 1991 г. построил один дом. Себе. Его запомнят. Тех, кто строили город, не вспомнят. Даже если захотят. Все следы уничтожены.

ОТЕЦ

Был он среднего роста, сутулый - не в отца, с высоким лбом. Облысел, как и его отец, рано. Волосы были темные, к 50 годам без заметной седины. Зачесывал волосы на пробор. Носил пенсне с двояковыгнутыми линзами, отчего глаза казались меньше. На переносице были следы от зажимов пенсне. Курил, но не много. В комнатах запаха папиросного дыма не было. Одет был по моде до 1914 г. Однобортный пиджак, узкие брюки, узкий галстук с маленьким узлом. Ничего другого ему после революции купить не удалось. Разве что брюки и туфли. Брюки как-то незаметно перешли ко мне. Туфли были комбинированные: черная кожа, серый текстиль, подошва резиновая - дешевые. Сначала он износил темный пиджак, потом светлый - в черных и белых мелких квадратиках. Рубашки были только серые. Помню, как и у второго пиджака обтрепались обшлага рукавов, и я думал, что же папа будет носить потом. Ботинки он носил с заплатками. Бедность, наверное, спасла его от ареста, не миновавшего ни наш, ни соседний двор в 1937-39 гг. Был он к тому же скромный, как все заикающиеся люди, и должность занимал, оплачиваемую хуже, чем у соседей, живших в домах, принадлежавших когда-то деду и знавших об этом. Квартира наша в свое время предназначалась дедовой прислуге, так что дворовые соседи жили в лучших, чем наша квартира, и потому не зарились на нее. Значит, не писали в доносах, что их сосед "недобитый буржуй". Очень не походил на "недобитого буржуа", как нас величали соседи, мой папа. Буржуев тогда изображали толстыми, со шляпами на голове. Так было до тех пор, пока стоявшие на трибуне мавзолея Ленина на Красной площади в Москве не стали походить и внешне на выдуманый ими образ капиталиста.

Родился папа 30 ноября 1892 г., не знаю где. В пятилетнем возрасте родители с ним приехали в Бахмут. Тогда он был единственным ребенком в семье. После него появились еще четверо детей: два брата и две сестры. Большой перерыв между первым и вторым ребенком в семье из пяти детей можно объяснить трудным периодом у родителей в первые годы жизни папы. В возрасте 5-6 лет пала стал заикаться, испугавшись, как папа мне объяснил, полицейского свистка. Так с ним пошутил полицейский.

Из трех братьев только папа учился в гимназии. В городе с населением 25-30 тыс. человек тогда были одна гимназия и одно реальное училище. Процентная норма в учебных заведениях России разрешала принимать не более пяти евреев на сто учащихся. Папа попал в их число. Дед тогда еще был небогат, поэтому мне приятнее думать, что папу приняли благодаря его способностям. Вероятно, папа учился хорошо, так как родители послали его учиться на доктора Психоневрологический институт в Петербурге. И его, еврея, приняли в институт в городе, где евреям жить не разрешалось (околоточный полицейский знал, что папа живет в его квартале, и папа регулярно платил ему по три рубля. Что такое три рубля тогда? Пирожное, по словам папы, стоило три копейки). Февральская революция не помешала учебе в институте. Октябрьская революция и затем гражданская война вынудили его вернуться в Бахмут. Ни в царскую армию, ни потом в армию белых или красных, как тогда называли противоборствующие силы, его не призывали из-за плохого зрения.

Женился папа в 1922 году на соседской бедной девушке. Она стала его спутницей ровно на 20 лет - до смерти обоих... За мной дело не стало, и я украсил их жизнь через год. Не по своей воле, конечно. Простите за нескромность.

Мое первое воспоминание о папе относится примерно к трехлетнему возрасту, когда я болел и проснулся от страшного сновидения. Думаю, что именно папа вынул меня из кровати и успокоил на руках. Помню, что он водил меня гулять со словами "Пойдем прутьи и зайдем до тети Ути". Мы действительно заходили к давней папиной знакомой. Однажды, в возрасте 15-16 лет я услышал в разговоре знакомый женщины с мамой, что папа хорош собою, на что мама ответила, что не теперь. У меня в памяти сохранилось лицо папы на фотографии не в молодости, а на

последней в его жизни фотографии паспортного размера, тогда 4x5 см, не больше. Каким он был на фотографии со своим братом Натаном и учителем игре на скрипке Берменсоном, не помню.

По воскресеньям, не часто, папа доставал скрипку и играл. В такие дни он рассказывал о довоенной жизни в Бахмуте и в Петербурге во время учебы. Он называл имена известных тогда представителей искусства. Говоря об игре скрипача Цимбалиста, папа сказал, что его исполнение серенады Чайковского повергало слушателей в слезы. Папа видел игру Шаляпина на сцене Мариинского театра и так описал сцену сумасшествия мельника в опере "Русалка" Даргомыжского, что я до сих пор помню подробности рассказа. Игру Шаляпина папа ставил выше его пения.

Папа на меня никогда не кричал (как я на своих детей) и не поучал (я им читал морали), за исключением одного раза, когда, видя, как я мою руки под умывальником, сказал, что я расходую много воды. Наказал меня только один раз. Мне было около четырех лет и, вопреки запрету, я повис на открывающейся стеклянной дверце маленького и потому неустойчивого буфета, чтобы покататься. Шкаф не выдержал моего веса и перевернулся на меня. Посуда в шкафу была немецкая, привезенная покойной бабушкой из Карлсбада и подаренная папе на свадьбу. Она, конечно, разбилась. Дед был инициатором наказания, и папа послушался своего отца (я за послушание детей родителям, но не в этом случае). Меня увели в спальню от маминых глаз. Дед перегнул меня через колено и спустил штанишки (может быть, сначала спустил с меня штанишки) и папа отшлепал меня ремнем. Страх от ожидания порки, когда дед клал меня через колено, запомнился больше, чем боль. Очевидно, папа меня побил ремнем слегка и согласился наказать меня, чтобы утихомирить деда.

Папа был сдержан в разговорах с мамой, более экспансивной, и не реагировал на критику бабушки.

Первую работу отца я отношу к работе кассиром в магазине по продаже семян. Вторая работа была на автостанции счетоводом. Третья и последняя – кассиром - счетоводом в райкиноконторе. Он получал деньги от киномехаников, уезжавших в деревни с киноустановками, чтобы показывать там фильмы. Киномеханики же продавали билеты и сдавали непроданные билеты и деньги папе. Папа был высокого мнения о начальнике конторы Кучеруке и

бухгалтере, его непосредственном начальнике Меримском. И обо мне у него было хорошее мнение, особенно после того, как узнал, что Женя Меримская, дочь его начальника, осталась в 9-м классе на второй год, а я перешел в 10-й класс с четверками и пятерками. Женя и я учились в одном классе.

Помню, где-то в 1930 или 1931 г. отец был безработным. Тогда безработица была во всей стране. Меня удивило, что папа безработный, а деньги в кошельке есть. Мелочь в кошельке для кого угодно в возрасте 7-8 лет кажется деньгами.

К советской власти отец неприязни не питал. Её недостаток в его глазах был бы устранен, если бы, как он мне сказал незадолго до арестов 1937-38 гг., советская власть вернула принадлежавшую семье собственность.

У папы был школьный друг. Он умер еще в студенческие годы, и, как говорил папа, верховодил в их дружбе. Другой гимназический приятель как-то приезжал к папе. Это был высокий, сильный физически мужчина, с громким низким голосом, внесший сумятицу в нашу бедную семью, неспособную финансово к приему гостей. Папина зарплата была 200 р. в месяц. У моей учительницы русского языка и литературы в школе - 500 р. Как известно, школьных учителей зарплатой не балуют. Значит, наша семья из 4-х человек была на грани бедности. По какую сторону от нее? Что получил народ от Гольбергов "экспроприировав экспроприаторов"? Мыловаренный завод, который развалили, да пианино для горбольницы. А что потеряли? Доктора Льва Гольберга (потом сына М.Гольберга, рентгенолога, а потом еще одно поколение докторов - И.Гольдберг, мою дочь).

Папа никогда не встречался с соучениками по гимназии и не говорил о них. Вероятно, люди с гимназическим образованием продолжали учебу или рамки уездного города были для них узкими.

Я не помню, чтобы он читал книги, но как совет мне, передал сообщение в газете о смерти человека, прочитавшего в течение жизни чуть ли не 100 000 книг. После этого я некоторое время записывал названия прочитанных книг. С работы папа возвращался с газетой и прочитывал ее всю. Почерк у отца был ни на чей не похожий - все буквы были четкие, мелкие, без соединительных черточек. Индивидуальность его почерка намного превышала видимое отличие его от других людей. Значит, было в нем что-то мне не

открывшееся. В своем последнем письме в сентябре 1941 г. он писал, что записался на эвакуацию. Райком, райисполком и коммунистов эвакуировали. Евреев нет, хотя правители знали, что происходило с евреями в Германии и оккупированных немцами странами. Не думал папа, что немцы 1941 г. - это не те немцы, которые были в Бахмуте в 1918 г. - люди высокой бытовой культуры, как он мне рассказывал.

В первые же недели после прихода в Артемовск немцев отца арестовали, хотя он не был ни коммунистом, ни командиром Красной армии или высокопоставленным советским служащим. У немцев не было на уме заниматься с одним евреем, если уже существовал план уничтожения всех евреев. Сработал донос соседей: их сыновей забрали в Красную армию, может быть, на погибель, а у этого еврея, недорезанного буржуа, сын будет отсиживаться в военной академии в глубоком тылу?!

В магистрате за антисемитами дело не стало, и арестовали сначала отца, потом мать. Магистрат возглавлял учитель немецкого языка Главня - отец моего одноклассника в течение пяти лет учебы в школе им. Тимирязева, не раз видевший меня у себя с его сыном - мы жили друг от друга в пяти минутах ходьбы.

Отца и мать расстреляли до массового уничтожения евреев города - 22 января 1942 г. Кто расстрелял? Немцы или соседи, как Колька Медведев, сын пьянчужки Митьки из нашего двора, или мой одноклассник в первые 5-6 лет тоже Колька Деев?

Немцев, не зная их в лицо, если не в военной форме, ненавидеть трудно, а их женщин и детей - невозможно. Знаю по собственному опыту. Своих ненавидеть легко, знаешь за что. И нет у меня симпатии к их братьям и сестрам, отцам и матерям. Вот почему я не искал встречи с ними в мои приезды в Артемовск даже много лет спустя.

МАТЬ

Я попросил тетю Лиду рассказать мне о маме. Тетя ограничилась словами: она была красивая и неграмотная. Действительно, красивая той красотой, какую можно встретить и у евреек, и у испанок, и у женщин других восточных народов. Красивая в свои 20 лет в подвенечном платье на фотографии, подаренной Маневичем, из дома которых была выдана замуж.

Неграмотная, но почему на нее в детстве произвела глубокое впечатление книга Диккенса Давид Копперфильд, и почему мама говорила по-русски без акцента, живя в доме, где единственный разговорный язык был идиш? Еще до начала войны 1941 г. мама сказала мне: "Если будет война, нам, евреям, будет хуже, чем всем". 3 августа 1941 г., когда война началась, но немцы были еще далеко, от перрона вокзала отходил поезд, увозивший меня в г. Куйбышев, куда я был направлен военкоматом сдавать приемный экзамен в Военно-медицинскую академию. Из окна вагона я услышал голос мамы: "Марочка! Мы больше никогда не увидимся". Мне запечатлелись ее красивые плачущие глаза. Скольким бы грамотеям и эрудитам-евреям эти мысли спасли бы жизнь, если бы родились в их головах и определили их действия?!

Мама родилась в Полтаве в 1902 г. С родителями переехала в Кременчуг, где ее отец Наум Корецкий, получил низкооплачиваемую работу в конторе мукомольного бизнеса. В 1911 г. он один отправился в поисках лучшей жизни в США. В 1913 г. он прислал шиф-карту, т.е. оплаченный билет на пароход 14-летнему сыну и тот благополучно добрался до отца в Бруклине. Мама с моей бабушкой Хайей, девичья фамилия Бережинская, были приняты в Екатеринославе в семью Маневичей - родной сестры моей бабушки, Берты Марковны. Затем все переселились в Бахмут, где Маневич Михаил Маркович открыл магазин по продаже готового платья. Жили они в доме соседнего двора. Предполагалось, что мама и бабушка уедут в США, когда получат шиф-карты от бабушкиного мужа. Сестры были очень дружны. Замужество Берты было удачным, так что никто не тяготился друг другом. Мама нянчила своего двоюродного брата с его младенческого возраста. Ни о какой учебе в те времена десятилетней девочки в чужой семье речи быть не могло.

Когда пришли шиф-карты из Америки, в стране была разруха, и получать шиф-карты в Москве бабушка не решилась - опасно было тогда ездить и на более короткие расстояния.

Знакомство, переросшее в любовь и завершившееся замужеством, изменили планы мамы и бабушки. Так они и остались в Бахмуте. Через год после замужества появился я, еще через семь лет моя сестра. На отцовскую зарплату семья жить не могла, и маме надо было искать оплачиваемую работу. К этому времени на развалинах

мыловаренного завода построили детские ясли для детей работниц недавно построенной швейной фабрики. Папа подучил маму грамматике русского языка и мама начала работать воспитательницей в детских яслях - ухаживать за детьми до трехлетнего возраста. Проработала мама там до конца своей короткой жизни. Маминым любимым занятием было рукоделие - вышивка цветов на ткани разноцветными нитками, называемыми мулине и мережка. Мамины изделия придавали квартире уют, который я не видел в других домах. Мамины вышивки, это то единственное, что могло быть подарено из нашей семьи. После войны я видел у тети Лиды диванную подушку маминой работы.

После прихода немцев маму арестовали вслед за папой. Их расстреляли вместе за городом - через неполных 20 лет после замужества.

Я

Мое существование - случайность, счастливая для меня и несчастливая для несостоявшегося брата или сестры из-за нераспорочности или вежливости их жизненных начал. Так я стал первенцем. Мое рождение было для меня неожиданным и нежелательным, так как я встретил его плачем, и мой плач был слышен соседям по утрам еще много лет спустя, судя по словам очень авторитетного для меня мальчика Бори Грумберга (Лумбец, как я произносил в те годы), завоевавшего авторитет тем, что родился на 4 года раньше меня. Никогда потом в моей жизни не было большего авторитета, чем Боря Лумбец.

Извлекла меня на свет акушерка Грумбер - Борина мама. У нее на хранении стояли уцелевшее от конфискации имущество моего деда: две высокие резные тумбы черного цвета. 23 октября перед акушеркой предстала проблема: у кого из соседок по двору принимать первые роды, у 21-летней невестки Гольберга или у 31-й жены доктора Махлина, жившего, как и Грумберги, в доме, совсем недавно принадлежавшем М.Я.Гольбергу. Я победил.

Во время родов я отделался легким испугом: ни ссадин, ни переломов, ни петли вокруг шеи - у меня не было (и до сих пор нет). При инвентаризации у меня все оказалось на месте.

В первые три дня я своим плачем радовал папу и маму, судя по тому, что папа заплатил 27 октября за регистрацию моего

рождения в качества человека один рубль золотом. Никогда позже папа на меня золото не изводил. Переплатил?!

Итак, я - Гольберг Марк Львович. Родился у Льва и Софьи 24 октября 1923 г. согласно свидетельству о рождении, сохранившемся у меня хуже, чем я: я еще целый, свидетельство расчленилось на четыре части.

1923 г. был серединой послевоенного бэби-бума: у одной половины моих одноклассников были старшие брат или сестра, у другой половины - младшие брат или сестра. Семьи с одним ребенком были тогда в меньшинстве. Ни в одной семье моих соучеников не было троих детей.

В первое же лето меня увезли за 1000 км в Кусково - дачу под Москвой к Маневичам. Так началось мое странствование. Когда мамино молоко перестало поспевать за моим аппетитом, меня начали докармливать, а затем прикармливать манной кашкой (люблю до сих пор, особенно ночью). Кормить меня надо было двумя ложками сразу, так как я опротестовывал всем своим видом кормление одной ложкой (какая у меня была тогда артистическая выразительность? Как у мимов). Когда каши в тарелке не оставалось, я сбрасывал тарелку на пол. Поэтому меня стали кормить из эмалированной миски. Она уцелела и потом была в хозяйстве, я ее помню.

Второй раз в Москву меня привезла мама в пятилетнем возрасте. Мне запомнился и понравился запах бензина автомобилей в морозном воздухе. Как-то с двоюродной сестрой мамы мы остановились перед витриной магазина с ограждением перед витриной в виде трубы. Она была на уровне моего рта, и я от скуки лизнул ее. Язык немного примерз, и с него начала сочиться кровь. Тетя увидела, и поняв в чем дело, в гневе сказала: "Лизни еще". Это не было очень больно, и я исполнил ее просьбу. Я тогда уважал взрослых.

Другой раз тетя взяла меня утром (ребенку надо гулять) в ателье по пошиву одежды, чтобы сделать какой-то заказ. Прием заказов был ограниченным, и мы пришли до открытия ателье, чтобы быть в числе счастливиц. Вдруг за нами образовалась очередь. Люди становились в очередь, ничего не спрашивая. Очередь также мгновенно распалась, когда люди узнали, за чем пришли такие же, как моя тетя, заказчики. Это было мое первое социологическое наблюдение. Другое социологическое явление

тоже сохранилось в памяти в шестилетнем возрасте. Мне запомнилось посещение так называемой чистки. Так называлось публичное слушание членов разбухшей компартии. В зрительных залах клубов беспартийная публика, т.е. не члены компартии, могли присутствовать и видеть как на сцене за столом, покрытом красной тканью, сидят члены партийного руководства и допрашивают членов компартии об их поведении на работе и дома. Если обнаруживались проступки в пределах допустимого для того времени, люди в зале, обычно члены компартии, выкрикивали одобрительно: "Хай живэ!"

Мои первые научные познания относятся к еще более раннему возрасту. Шутки ради меня днем спрашивали: "Где луна?" Я пальцем указывал на землю или пол, если вопрос был вне дома или в доме соответственно. Несведущие, например, Борин папа, потешались моему ответу, не задумываясь, что луна днем освещает ночную часть земного шара, которую я указывал правильно. Боря учил меня правильно!

О моем первом проступке, перевернутом посудном шкафе и о первом коллективном наказании, я уже сказал. Первое преступление я совершил глубокой осенью 1928 г. Под вечер, стреляя из рогатки, я наконец попал в стекло уличного фонаря по Екатеринославской 16 (наш адрес: Екатеринославская, 18) и разбил его. Никто этого не видел. Но я испугался, и этот испуг у меня был особенно большой, когда задолго до рассвета на следующий день я и мама на извозчике уезжали на вокзал мимо разбитого фонаря. Так я быстро укатил за 1000 км от места преступления.

Хулиганством я занялся позже. Когда научился мелом выводить буквы на стенах. Первая же попытка написать ругательство из нескольких букв на уличном фасаде дедова дома окончилась неудачно. Надо же было маме именно в этот момент выйти со двора на улицу и увидеть меня за работой!

До семилетнего возраста я убедился в том, чем две девочки моего двора, такого же со мной возраста, отличаются от мальчиков - такая высокая у нас во дворе была трава. Что одна девочка может быть лучше всех других, я почувствовал в 5-6-летнем возрасте, не зная ее имени. Вот что значит девичья коса!

Ощущение, точнее восприятие красоты природы, относится тоже к пятилетнему возрасту. Когда зимой 1928 г. я с мамой был в

Москве у Маневичей, к тете Рае как-то пришел знакомый и сказал, что покажет изумительную картину. Мы вошли с ним в тетину комнату с окном во всю стену. Он отдернул с окна штору и открылся вид зимнего лунного света и безоблачного неба, усеянного звездами.

Критическая направленность моего мышления относится к пятилетнему возрасту. На Пасху за дедушкиным пасхальным столом я сказал: "Если бы советская власть знала, какие вкусные вещи бывают на Пасху, она тоже праздновала бы Пасху". За эту критику советского строя я не пострадал. Но страх мне был известен. Символом опасности было слово «хоха». Хоха была всеобъемлющим понятием. Более конкретным обозначением опасности было слово «дедыван». Мне говаривали: дедыван заберет. Через 40-50 лет я уяснил, что дедыван - это дед Иван. Символическая личность.

Первый несчастный случай произошел в четырехлетнем возрасте. Между гардеробом и стенкой стояла вертикально плетеная корзина-сундук. Я через него перегнулся и завалился головой вниз на что-то мягкое. Моментально меня извлекла, кажется, бабушка, обычно занятая делами наподобие кухни. Ее отделяли от спальни с гардеробом три двери, комната и коридор.

Первый обман относится к четырех-пятилетнему возрасту. За воротами двора я был с детской гармоникой. Проходившие по улице мальчики, жившие на окраине города, посулили мне шоколадку, если дам поиграть на гармошке. Так я расстался с гармошкой (но не с доверчивостью)

С вероломством женщины я познакомился в пятилетнем возрасте. Тетя Фрида, другая сестра папы, приезжала в Артемовск. В свой приезд она пообещала подарить мне настоящие часы, когда мне исполнится семь лет. Я ждал. Тетя Фрида приехала и не привезла мне часы. Она умерла в возрасте 92-х лет, давно "искупив" свою вину. Но что поделаешь? Не забывается. Как не забывается все хорошее, сделанное своими и чужими людьми. Например, тетей Лидой потом.

Музыку я полюбил в четыре-пять лет. Летом по вечерам в городском саду играл симфонический оркестр, меня брали с собой, кажется, дед. Говорили, что я подходил к эстраде и размахивал руками, подражая дирижеру, и как будто бы в такт. Моей первой мечтой было стать танцором. Когда в пятилетнем возрасте я с

мамой был Москве, ей в больнице удалили желчный пузырь. Меня приводили к маме в больничную палату и просили потанцевать. Я, вероятно, охотно выполнял просьбу. Что я помню, так это какое-то выступление, когда на меня надели юбку из жатой цветной бумаги, и я танцевал в роли девочки на сцене. Но это было в Артемовске. Несколько позже у меня была говорящая роль. С дореволюционного времени сохранилась потом умершая традиция ставить детские спектакли. Мои первые семь лет жизни, т.е. дошкольный период, прошли в обществе мальчиков старше меня. Поэтому в спектакле мне доставались очень скромные роли. В одном из них мне нужно было произнести только одно из слов: «Удивительно! Поразительно! Замечательно!» А может быть и все три слова в разные моменты.

Был в моей жизни первых лет момент, которым горжусь. Вторая жена моего деда, Елизавета Григорьевна, пошла к зубному врачу, взяв меня с собою. В один из моментов, сидя в зубо-врачебном кресле, она вскрикнула от боли. Я схватил доктора Ротенберга за руку и закричал: "Не смей трогать мою бабушку". Так впервые проявилось мое уважение к женщине.

Об игрушках я мог мечтать. Мечты уводили меня далеко, помню, как много раз просил папу, уходящего утром на работу, купить мне живого слоненка. Вслед ему я часто кричал: "Купи мне все-все и ладно" вместо правильной фразы: "Купи мне все-все! Ладно?". Папа обещал исполнить все мои просьбы. Никто не отнимал у меня мечты. Мне сейчас больно до слез думать, что переживал при этом папа.

Благословение перед заграничным имеет в России исторические корни. Меня оно не обошло уже в ранние годы. В задней части двора, заросшего травой, обитали кузнечики разные по виду: у одних подкрылки были прозрачные бесцветные, у других - окрашенные в красный и, кажется, голубой цвет. Я почему-то называл кузнечиков с окрашенными подкрылками уважительно "заграничными кониками" (кузнечики по-украински). Когда, примерно 60 лет спустя, я прогуливался в степной Монтане, мне встречались кузнечики с бесцветными подкрылками тоже. Логично их было считать "заграничными кониками" для Америки.

Если я запомнил фамилию акушерки, которая преподнесла мне мир, существующий уже почти 70 лет, то фамилию бородача в

камелавке, хладнокровно вонзившего нож в мое самое чувствительное место в первую неделю моей жизни, я не стал запоминать. Не помню, и как вознесся на руках у мамы по лестнице вверх в храм Христа-Спасителя в Москве в 1924 г. Что запомнилось, так это посещение с дедушкой синагоги в Артемовске, потому что испытал страх, когда услышал громкие звуки, извлекаемые из рога кем-то, закрывшим чем-то голову и лицо.

ДОМ

Родился и прожил в родительском доме я 17 лет и 10 месяцев - с 23 октября до 3 августа 1941 г., не считая времени трех поездок в Москву - в 1924, 1928 и 1938 гг. Дом был пристройкой - уже не кирпичный, но с таким высоким потолком и такими большими окнами, как дом деда, и предназначался для прислуги. Следующей пристройкой была дедова кухня. Мы занимали две из шести комнат. Комнаты были смежные, примерно по 10 м² каждая. Вход в квартиру был со двора, через маленькие деревянные сени - бабушкину кухню с тремя ступеньками. Далее следовала массивная дверь в маленький тайный коридор. Из него одна дверь вела в нашу квартиру, другая в 4-6-метровую комнату, занимаемую одинокой телефонисткой - массивной обрусевшей немкой. В спальне стояли кровати для родителей и сестры, в столовой - кровати для меня и бабушки. В спальне был одностворчатый гардероб и черный овальный стол с резьбой. На стенах висели известные репродукции из жизни французских крестьян (три женщины-жницы в поле - на одной, парень с девушкой - на другой), кисти не помню какого художника. В столовой стояли два старых массивных кожаных стула, горка с посудой, что-то вроде ящика, но с мраморной крышкой (в ящике были книги), и висели портреты дедушки и бабушки в возрасте примерно 35 лет. Умывальник стоял в спальне. Был он из белого мрамора, с ведром для стока воды внизу за дверцей и резервуаром для воды за вертикальной мраморной плитой. Обеденный стол занимал почти половину комнаты. На стене висел черный бумажный репродуктор, по форме напоминавший китайский головной убор. Освещали комнату два окна днем и лампочка за маленьким матовым стеклянным абажуром вечером. В спальне была люстра с подвесками - длинными полыми стеклянными трубочками. Постепенно их становилось все меньше и меньше, благодаря моим

стараниям. Меня за это не наказывали. Теперь я понимаю почему. Не было у меня игр. Не могли родители купить мне игры по бедности.

Окна закрывались на ночь ставнями снаружи, а потом запирались изнутри. На зиму вставляли в окна внутренние застекленные деревянные рамы с открывающейся, как и наружные оконные рамы, форточкой.

Все, что принадлежало мне в дошкольном возрасте (в основном, ржавые гвозди), хранилось под деревянным крыльцом.

ДВОР

Двор был большим по тогдашним масштабам. В нем было еще три дома, расположенных буквой П, каждый на три квартиры с отдельными входами. Ближе к воротам стоял амбар, разделенный при советской власти на изолированные секции по числу квартир, для хранения угля. Летом на чердаке амбара дворовые дети спали. У меня не получилось - жестко, неудобно. Когда-то была беседка, но ее помню очень смутно. В глубине двора стоял сарай с неконфискованным у деда конторскими книгами и журналами по мыловарению. В середине двора, напротив кухни, был колодец. В него, по рассказам, я бросал ботинки, чтобы услышать всплеск воды (любопытным был мальчиком). Задняя часть двора граничила с мыловаренным заводом, от которого остались каменная стена да сторожка с маленьким окном. В нем поначалу жил алкоголик Митька Медведев. Забор между дворами на моей памяти уже не было, и наш двор стал проходным на пути от электростанции к центру города или от вокзала к южной и юго-восточной части города. Ворота все время были открыты, потом створки исчезли. В один из дождей с шумом рухнуло перекрытие между кирпичными стойками ворот. Задняя часть двора летом зарастала высокой сорной травой, в которой можно было прятаться. В ней гнездились кузнечики и, наверное, другая живность. Со двора открывался вид на трубу электростанции и градирню. Из-за сажи, извергаемой трубой, сушить белье было нельзя, когда ветер был северо-западный, со стороны трубы.

Во дворе летом кое-кто складывал из кирпичей маленькие печки для приготовления обеда. Была и у нас перед домом.

В первые, примерно 10 лет моей жизни, жильцы менялись.

Позже наступила стабилизация жильцов, по-видимому, от невозможности сменить жительство из-за отсутствия жилищного строительства. Вижу подтверждение этому в том, что моему деду, как и другим лишенным гражданских прав, нельзя было жить в государственных квартирах. Поэтому его выселили из кухни.

Постепенно снижался образовательный уровень соседей. Доктор Махлин переехал в собственный дом. Акушерка Грумберг с мужем-фармацевтом и забываемым Борей переехали в ставший областным городом бывший шахтерский поселок Юзовка. Так наш двор заселился представителями рабочего класса, для которых мы были недорезанными буржуями. Кроме нас во дворе жили еще две еврейских семьи: преподавательницы истории Софья Берменсон, дочери учителя игре на скрипке сыновей Гольберга, и заведующего сапожной мастерской, в прошлом сапожника, потом члена компартии Филиппа Ромма, расхаживавшего по двору в носках (сапожнику позволительно). С первой - мои родители не контактировали, с женой второго - не разговаривали. У мамы был свой круг - из русских и украинок, у папы - никого. Жильцы, бывало, ссорились между собой. Мы никогда ни с кем. Мы для них были "недорезанными буржуями", для моих родителей они были "дворовыми". Дворовыми называли крепостных крестьян, взятых в услужение в помещичий двор.

Были запоминающиеся события. Вечерами по украинской традиции женщины садились перед домом и за разговорами делали традиционную работу: вышивали, вязали, сбивали сметану в бутылках в масло путем катания бутылки на коленях вперед и назад. Очень скучное для меня занятие. В солнечные дни на окна ставили или выносили во двор трехлитровые бутылки со свежей вишней, пересыпанной сахаром, для винного брожения, чтобы получить сладкий алкогольный напиток под названием «наливка». Митьку Медведева переселили в одну из квартир двора, и он завел свинью. Когда она выросла, ее вывели на середину двора и попытались убить. Довольно неумело, так свинья долго визжала и из ее левого бока с каждым вздохом или сокращением сердца выплескивалась кровь. Соседку Меланью мертвой вынесли из квартиры, завернутой в простыню: умерла от аборта в домашних условиях, оставив шестилетнего сына. В этой же квартире потом девушка родила внебрачного ребенка. У милиционера, пренеприят-

нейшего типа, умерла 2-3-летняя дочь. Умер наш сосед через дверь - молчаливый алкоголик от запоя, участник гражданской войны на стороне красных, конечно, и потому имевший у себя дома карабин иностранного производства. После его смерти жена-машинистка уступила примыкавшую к нашей столовой шестиметровую комнату. В нее перешли мои родители. Мою кровать переставили в их прежнюю спальню. Так решались в стране жилищные проблемы. Благо одних строилось на смерти других. Не повезло ей и с сыном. Толя Зимин был на два года старше меня. Через год после смерти отца он окончил школу, и его призвали в армию. Он него долго не было писем, и мать поехала в воинскую часть, где служил Толя. Там, а не письменно, ей сообщили, что Толя погиб, когда автомобиль с красноармейцами перевернулся на воинских учениях. Мне в армии пришлось однажды быть в автомобиле, который вел шофер-лихач. Такие были виновниками автомобильных катастроф. Их командиров мало трогало опасное вождение. Главное, чтобы автомобиль ездил быстро.

В первые годы моей жизни я общался с сыном доктора Махлина. Нянька называла его украинским именем Грыня (Герш по паспорту), так он и остался для меня Гриней до последней встречи с ним в 1979 г., когда нам, родившимся в одну ночь, было уже по 56 лет. Что я помню, так это то, что его кормили за детским столиком во дворе, на воздухе, полагая, что аппетит на воздухе лучше. В него вталкивали яйца, чему я завидовал, так как меня яйцами не кормили. Были у Грини маленькие пилюльки для подпиливания ампул с лекарствами для инъекций. Доктор Махлин практиковал также на дому, т.е. занимался и частной практикой.

УЛИЦА

Если, скажем, в пятилетнем возрасте я вышел бы через калитку или ворота на улицу, то очутился бы у фасада дома с крыльцом и навесом над крыльцом под номером 18 на Екатеринославской улице. Пятью годами позже я вышел бы через несуществующие калитку или ворота дома теперь уже с номером 22 по той же, но уже Комсомольской улице. Дедов дом располагался примерно на одинаковом удалении от центра и железной дороги. Я бы не сказал, что в сторону центра был бы один, а в сторону железной дороги два жилых дома лучше дедовского. Улица имела тротуар из плит, зем-

ляную панель и мощеную гранитными булыжниками мостовую. Что такое булыжная мостовая, я узнал, когда меня, школьника в 12-13 лет, посадили на мотоцикл в качестве пассажира на заднее сиденье. Я тотчас же попросился в пешеходы. На панели у дороги росли акации и клены. Акация цвела с тяжелым сладковатым запахом и съедобными цветками, нередко с насекомыми, опыляющими цветки. Акацию ели без энтузиазма, скорее по традиции. Конечно, только дети. На соседней Садовой улице стояла водоразборная колонка с будкой и окошком. За окошком сидела женщина и продавала воду. Сначала ведро воды стоило полкопейки, позже - одну копейку. Когда в городе построили водопровод, примерно к 1930 г., будки с улицы переместились во дворы. Они были без окошек и без женщин. В будки закладывали солому, чтобы вода не замерзала, но она замерзала зимой. Иногда с крана срывалась резьба - низкое качество продукции, и тогда вода растекалась по двору и находила дорогу на улицу.

Если стать на середину мостовой, то можно увидеть движение поезда по железной дороге. Вагоны на таком расстоянии представляются маленькими, и я удивлялся их большим размерам, когда позже подходил к железной дороге.

ГОРОД

Если выбрать путь в город с вокзала не по улице перпендикулярной к железной дороге, а через кладбище от южного конца перрона, то город не виден: открывается вид на далекую степь. Затем дорога спускается, и открывается вид на город. Что это значит? Мутно-голубое небо над промышленным Донбассом, загрязненное промышленными отходами, повисает над городом без циркуляции воздуха. Твердые примеси оседают и становятся достоянием дыхательных путей. Как же не болеть мне там долго и бабушке тяжело воспалением легких, а папе экссудативным плевритом, а моим сверстникам, прожившим всю жизнь в Артемовске, не умирать задолго до наступления старости?!

Были в городе стекольный, гвоздильный, цементный заводы, спиртоводочный завод, издававший исключительно приятный аромат, как от вишневой наливки. К городу подходили две железные дороги. Бесперебойно работала электростанция на каменном угле с трубой и градирней для охлаждения воды. В центре города возвы-

шалась каланча пожарной команды. Центр города украшал памятник революционеру Сергееву, чьим именем назвали город. Выполненный в кубическом стиле, модном в первые годы коммунистического правления (потом его запретили в угоду любви Сталина к классицизму), памятник по праву считался бы теперь историческим. Построили в центре города уродливое серое здание с названием "Палац ім. Леніна" - дворец имени Ленина. В нем помещались театральный зал, музей и библиотека для взрослых. Невдалеке открыли детскую библиотеку. Были в городе два кинотеатра, один из них с летней площадкой, городской сад с летним театром и эстрадой для оркестра. Сад был довольно большой, судя по тому, что он получился от объединения в один трех до революции частных садов. Летом открывали пионерский сад с библиотекой. Одно время был свой театр, в основном, с выездными спектаклями. В его репертуаре был "Тевье-молочник". Учиться можно было в русских и украинских школах, еврейской школе, фельдшерско-акушерской школе, позже - в двух годичном учительском институте. Выходили две газеты - на русском и украинском языках. Два памятника революционного содержания стояли в городском саду и на вокзале. Было две больницы, построили большую поликлинику. Самым красивым зданием снаружи, а еще больше изнутри, был банк, конечно, дореволюционной постройки. Центр города решили украсить строительством швейной фабрики. И построили. Было еще одно учебное заведение. Партшкола. Ее разместили в здании духовной семинарии. В памяти сохранились рысистые испытания, игры в гандбол, потом запрещенные, осенняя сельскохозяйственная выставка. Позже выставлять было нечего - колхозам нечем было гордиться. В городе был расквартирован батальон танкеток - карликовых танков. Гулливер, наверно, видел их у лилипутов. Близко от города было озеро, за железной дорогой росли чахлые искусственно посаженные деревья. Была в городе радиостанция, но ее перевели в Юзовку, ставшую областным центром. С ней уехал симфонический оркестр радиостанции и наш сосед - корнетист оркестра, у которого собирались музыканты и где я бывал с родителями. Фамилия соседа была Крымский. Очень странная для еврея.

По последней переписи населения перед Второй мировой войной в городе жили 56 тыс. человек. 10% жителей были евреи. Поэтому были христианское и еврейское кладбища. И тюрьма для

всех, включая цыган.

Люди? Разные. На далекой от меня окраине, за речушкой Бахмуткой, были кулачные потасовки взрослых.

На более близкую от меня окраину было боязно появляться. Чужой мальчик, значит, нужно побить. Психология собак, набрасывающихся на чужую для их улицы собаку. Я избегал появляться на окраине. Если у кого из запустивших змея обрывалась нить, упавший змей становился достоянием одного, а оторвавшаяся нить того же или другого счастливого. Парни держали голубей. Единственной целью было заманить летающего голубя из чужой голубятни в свою и захлопнуть выход. Улучшением породы никто не занимался. Помню, как во дворе напротив в припадке пьяной ярости кто-то свернул головы всем голубям своего родственника. Помню трезвого, немного старше чем я, мальчугана, бывшего котенка об стену. На моих руках умер воробей, которого кнутом хлестнул какой-то проходивший возчик. Да так сильно, что у воробья на моих руках потекла кровь. Я заплакал. Перед кассой кинотеатра во время дневных детских сеансов стояли физически крепкие любители чужих денег, поэтому билет в кассе старались покупать без сдачи. Больше, чем воровство зеленых яблок или слив в чужом саду, я не помню, как не помню случаев обворовывания квартир, грабежей, убийств или изнасилований. Ходить по городу в ночное время было безопасно. Алкоголизм не был бичом рабочих. О наркоманах или гомосексуалистах ничего не слышал. Но в бане на гомосексуалиста наткнулся. Баня граничила с задней частью нашего двора и была рассадником грибковых заболеваний.

ШКОЛА

О школе я узнал от своего кумира Бори Грумберга. Он сказал, что в школу опаздывать нельзя. О других правилах он мне ничего не сказал, за что поплатилась мама - ее часто вызывала учительница. В школу родители меня хотели определить годом раньше, когда мне было шесть лет, основываясь на моем длинном росте, но мой инфантилизм подвел меня. И как хорошо! Что было бы, если я окончил школу не в 1941, а в 1940 г. В военно-медицинскую академию меня не приняли бы по молодости, в институте надо было бы платить за обучение (в 1939 г. ввели плату за высшее образование, на что у родителей не было денег). Забрали бы меня в армию

весной 1941 г., и на том закончилась бы моя биография, как почти у всех призыва 1939-41 гг. - никто не уцелел в войне из тех, кого я знал.

Школа была в здании гимназии, где учился папа. Широкая лестница, большие коридоры, окна и, наверное, учебные классы.

Помню, что нас было по сорок человек в группе, а группы было четыре: А, В, С, D. Нас разделили по предполагаемым способностям: в группу А - по виду умные, в группу D - по виду глуповатые, в остальные группы - с неподдающимися определению умственными способностями. Я попал в группу В и всем своим поведением доказал правильность распределения. И не только я. Гриня Махлин тоже. Его зачислили в 1-ю А группу, но тотчас же перевели во 2-ю А, благодаря способностям и подготовленности. Я говорю группа, группы, а не школьные классы. Слова класс в лексиконе закрепили за гегемоном - за рабочими. Рабочий класс. Класс помещиков и капиталистов имел общность с рабочими в слове класс. Поэтому пропагандистская машина разделила общество на рабочий класс и противостоящих ему капиталистов и помещиков. Несколькими годами позже школам предоставили привилегию: называть группы классами. Произошло это незаметно, без объяснения, поэтому не помню точно, когда такое событие случилось. Во всяком случае, на пятом году обучения я был в 5-м классе, а не в 5-й группе.

Сначала солидной кирпичной кладки здание школы находилось на Николаевской улице, потом на улице имени 3-го Интернационала, хотя школу не перевезли, как некоторые многоэтажные дома в Москве. Улицу переименовали из царской (царь Николай) в коммунистическую (худосочный, развалившийся во время войны по приказу Сталина Интернационал). Это было не последнее название улицы.

Название улицы меняли, и последнее название им. Горбачева - писателя, некоторое время жившего в Артемовске, кажется, не последнее. Зачем Украине имена второстепенных русских писателей?!

Моей первой учительницей была Наталья Николаевна. Высокого роста, худая, сутулая, скуластая, с выпуклыми карими глазами шатенка с гладко зачесанными на пробор волосами, собранными в небольшой пучок. Она была незамужней, и мы занимали в ее

жизни, наверно, видное место. Она же вела физкультуру, пение, рисование, а в 4-м классе немецкий язык. Я ее еще больше оценил, когда услышал, как разговаривает учительница, ведущая параллельный класс. Когда в 5-м классе каждый предмет стал преподавать другой учитель, я себя почувствовал осиротевшим.

Рассаживала нас за партами Наталья Николаевна по двум критериям: мальчик с девочкой или слабый ученик с сильным учеником, конечно, по успеваемости. Когда после четвертого класса открылась возможность выбирать места, задние парты пользовались большим спросом, и кто первым врвался в первый день нового учебного года в классную комнату, тот имел свободу выбора. Я выбирал задние парты. Чем дальше от учителей, тем меньше их внимание. Кто в нем нуждался?!

Учитель пения играл на скрипке, и мы разучивали песни такого содержания:

Заводы вставляйте, шеренги смыкайте,
На битву шагайте, шагайте, шагайте -
Не страшен нам белый фашистский террор!
Все страны охватит восстания костер!
Все страны охватит восстания костер!

Или такую песню:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть,
В бой последний, как на праздник, собирайтесь.
Кто не с нами - тот наш враг, тот должен пасть.

Так в нас импрегнировали готовность умереть, нетерпимость к чужому мнению и готовность убить, кто думает не так как мы. Слова и ноты были отпечатаны на бумаге хуже, чем оберточная, с поверхностью шершавой, как у наждачной бумаги. Уроки труда вел бывший рабочий, седовласый, с пышными усами, как тогда изображали рабочих на плакатах. Был он очень добродушный. Вспоминаю его великодушие к моему неумению работать с напильником и пилой по металлу.

Как-то несколько учеников, и я в их числе, шли из школы в

обществе Натальи Николаевны и спросили ее как мы учимся. Тогда не было дневников, в которые заносили учителя оценки по устным вопросам или письменным работам. Меня обидел ее ответ, когда она назвала меня средним учеником, как и Гриненко. Я его считал плохим учеником. Он оставил школу после 7-го класса и поступил учиться на фельдшера - очень не престижную профессию в стране, нацеленную на высшее образование в те годы. Для индустриализации страны нужны были инженеры, а их то и дело арестовывали по разным предлогам. Когда почти что никого не осталось, кинули лозунг "Кадры решают все" и открыли высшие учебные заведения: заходи учиться, кому не лень. Лень учиться в средней школе? Приходи на пару часов вечером после работы. Диплом о среднем образовании получишь, а в институт примем по направлению с завода. Путь только попробуют институтские экзаменаторы поставить тебе двойку на вступительном экзамене!

В первом классе у меня была неудовлетворительная оценка по поведению. Проявились мои повышенная возбудимость и инфантилизм. Не более, так как особых проступков за мной не было. В младших классах мою маму часто вызывали к классной руководительнице из-за моего плохого поведения. Из-за этого я часто был в угнетенном состоянии.

Однажды, в актовом зале было общее собрание родителей, учеников и учителей. Один родитель, явно рабочий, начал поучать учителей как надо учить. Даже мне, мысленно переведенному в D - класс было ясно, что он говорит чепуху. Никто его не прерывал, не высказал несогласия. Говорил рабочий! Гегемон.

Учились мы, как всюду, по-разному: плохо дети физического труда, хорошо - дети служащих. Были, конечно, исключения. Гриша Шульви́г - сын служащего, дальше 5-го класса не пошел. Был он высок, голубоглазый, крепкий. Видел его несколькими годами позже уже с пробивающейся бородкой, крайне развязного. Учась вместе, мы были дружны и вместе ходили во двор, где жила на втором этаже красавица Маргарита Коробова, наша одноклассница. Одно время со мной сидел вновь пришедший ученик. Когда нужно было написать свой домашний адрес, он написал «Силавянское сیشه» вместо Славянское шоссе. Как говорили дома, так и написал. Не помню его уже с 5-го класса.

В начале каждого сентября учительница раздавала нам новые

учебники и чистые тетради. За день-два до получения школьных пособий мы отдавали за них деньги, кажется, старосте класса, а он (она) - учительнице. Дети партизан и участников (тогда слово «ветеран» не знали - государство было молодое) гражданской войны получали учебники и тетради бесплатно. Петя Грищенко был сыном партизана, и, вероятно, поэтому его папа занимал высокую должность - самую высокую из всех пап, если не считать должность председателя горисполкома (мэра) одной девочки. Пети отец был начальником отдела коммунального хозяйства горисполкома. Петя был скромным мальчиком и хорошим товарищем.

Революция принесла рабочему классу одно несомненное благо: право работать четыре дня и отдыхать на пятый день – пятидневку. По пятидневке работала вся страна, в том числе школа. Несомненное благо - не значит неоспоримое. Когда стало ясно, что пятидневка утопия, с пятидневки перешли на шестидневку, в том числе и школы. Шестидневка же увеличила производительность труда в желаемой мере. Тогда большевистское руководство, в своей массе необразованное и технически необученное, пошло по тому же пути, по какому прошел ненавистный ему капитализм в период своего становления - по пути интенсификации труда рабочих. Нужны были идолы для подражания. Такими стали шахтер Стаханов, как-то сделавший около десяти норм дневной выработки угля в одну рабочую смену, и паровозный машинист Кривонос, водивший товарные поезда с большим, чем обычно, количеством вагонов или весом. Всем трудящимся полагалось выбрать для себя кумира и брать с него пример, дав письменное обязательство, и причислить себя таким образом к сонму стахановцев или кривоносовцев. Не обошли этим и нас, учеников. Так как Стаханова превозносили больше, чем Кривоноса, я, считая это несправедливым, записался в кривоносовцы в отличие от большинства, причисливших себя к лику стахановцев. Обонх кумиров потом отблагодарили назначением на должности, которым они не соответствовали. Один стал директором шахты в тысяче километров от той, где его знали, другой получил должность начальника одной из многих железных дорог, где прославился хамством с подчиненными (каким иным мог быть стиль руководства у неуча?!). У стахановцев и кривоносовцев судьба сложилась по-разному. Что общего между ними, так это то, что никто не вспоминает, кто был стахановцем, а кто кривоно-

совцем. Но так как никто не объявил о своем выходе из стахановцев и кривоносовцев, в их числе и я, значит, до сих пор я - формально кривоносовец.

Переход с пятидневной рабочей недели на шестидневную был нелегким я для учительницы и для нас. Сорок учеников в одном классе, детей послевоенного бэби-бума. Впереди нас ждал переход на семидневную рабочую неделю.

Учеба в первых классах была скучной, ориентированной исключительно на обучение умению читать, писать и считать. Ничто из внешнего мира, развивающее любознательность, в школу не проникало. Помню, что Восток ассоциировался с сушей. От папы я узнал о существовании большого водного бассейна на Востоке - Тихого океана. Мы даже не знали, почему школа носит имя Тимирязева.

В 4-м классе ввели устные экзамены. До этого, т.е. до 1935 г., индивидуальных экзаменов не было. Помню волнение перед экзаменом, легкость, с какой ответил на вопросы очень короткого экзамена (учительнице надо было принять экзамен у сорока человек!) и радостное чувство облегчения и самоутверждения после экзамена.

Учеба в младших классах совпала с трудными для народа годами. Коллективизация, т.е. экспроприация земли у крестьян, неурожай и близорукая экономическая политика неучей-большевиков оставили страну без запасов зерна и вызвали на Украине голод и, как теперь стало известно, голодные сельские бунты. Помню опухшую от голода крестьянку, по виду, выпрашивающую кусочек хлеба возле продовольственного магазина "Церабкоопа" напротив нашего двора. В школе нам давали бесплатные завтраки. На столах оставались ломти черного хлеба, не все дети ели его. Кое-кто подбирал хлебные ломти.

Моя бабушка Аня (Хая) была в переписке с мужем. Он не оставил нас в беде и начал посылать бабушке по 5 \$. Вместо долларов банк выдавал боны, которые принимались как деньги в особых магазинах, называемых "Торгсинами" - сокращенным названием торговля с иностранцами. Был торгсин и в Артемовске, хотя иностранцев там, наверное, никогда не было, разве что немцы в 1918 г., когда они получили Украину от Ленина по Брестскому миру. Бабушка и мама покупали в Торгсине растительное масло, пшено, может быть, муку и конфеты мне и сестре. Карамель с яблочным

вареньем внутри.

От голода я не опухал, но заплатил сполна. В 4-м классе у меня долго была какая-то легочная болезнь. Много дней была высокая температура. Тогда же состоялось мое первое знакомство с рентгенологией - мне сделали просвечивание (а не снимок, как теперь) и ничего не обнаружили. Как-то, вернувшись с мамой после очередного посещения врача, мама измерила температуру, в течение нескольких предшествующих дней нормальную, и она оказалась вновь повышенной. Мама в бессилии обрушилась на меня. До сих пор помню незаслуженное обвинение. Когда я наконец выздоровел и пришел в школу, мой одноклассник Вова Секирков на перемене сказал мне: "А мы думали, что ты умер". Слух о моей смерти оказался преувеличенным, как сказал до меня Марк Твен. В течение многих лет у меня были глубокие незаживающие язвы на щиколотках и чуть выше - от недоедания. Я ходил с перевязанными щиколотками, как лошадь, по чьему-то сравнению. Рубцы от заживших язв видны и теперь, спустя 55 лет.

ИГРЫ

Одной из первых и желанных игр была рогатка.- миниатюрная катапульта, выбрасывающая камешек благодаря сокращению растянутых полосок резины примерно в полтора см шириной, концы которых прикреплялись к Y-образной развилке из ветки дерева. Из рогаток стреляли по многочисленным воробьям, утоляя охотничий инстинкт, с небольшой вероятностью попадания. Один раз и я попал в воробья, но камень был на излете и воробей отделался легким испугом. Не менее увлекательным было катание металлического колеса без спиц примерно 20 см в диаметре с помощью изогнутой в виде перевернутой буквы «П» жесткой проволоки. Катание сопровождалось приятным детскому слуху звоном металла, слышимым издали. С 8-9 лет я начал запускать монаха, потом змея. Змей делали сами. К прямоугольнику прочной бумаги приклеивали тонкие плоские палочки - строительную дранку, четыре по периметру бумаги и две накрест. К центру змея и двум концам короткой палочки привязывали по нитке. Затем три нитки соединяли вместе, получались путли, направлявшие полет змея на присоединенной к путлям нитке. К концам другой короткой плоской палочки привязывали хвост из полосок материи. Удоволь-

ствии от запуска змея было многочасовым, был бы ветерок. Монах был без опорных деревянных планок. Летел он невысоко, был неустойчив в воздухе и часто делал круговые движения в воздухе - козырял. Другой летающей игрушкой был пропеллер. Вырезанный из жести и изогнутой как самолетный пропеллер с двумя дырочками в центре, он насаживался на две патефонные иголки, вбитые в катушку из-под ниток. На катушке была намотана прочная нить не более метра длиной. Катушка была насажена на стержень так, что могла вращаться, если дернуть за нитку. Если быстро вращающуюся катушку резко сместить вверх, пропеллер, пришедший во вращение вместе с катушкой, отделялся от нее и поднимался вверх метров на 20. По примеру старших детей, игравших в "стаканчик" на деньги, младшие дети играли на конфетные обертки. Их сворачивали, как фармацевты заворачивают порошки. Свинцовой битой, которую каждый мог выплавить сам, используя маленькую банку из под вазелина как форму для жидкого свинца, ударяли по картинке. Если она переворачивалась, ударявший становился владельцем картинке. Били по очереди, свои и чужие картинке, в зависимости от точности броска биты к выставленным на игру картинкам с расстояния примерно 5-6 метров. Когда стал постарше, стал играть на медные деньги - 1, 2, 3, 5 копеек. Другой игрой в деньги была "пристеночка". Нужно было ударить монету ребром о кирпичную стену так, чтобы она отлетела в сторону ранее посланной таким же образом монеты на расстояние не более расстояния между концами большого и безымянного пальцев растопыренной руки. Это была игра не для моей руки, но очень удобная в интервалах между уроками - переменками. Конечно, учителя запрещали эту игру. Играли в "цурки". Суть игры заключалась в ударе длинной палкой по короткой палке с зауженными концами. Если ударить точно по зауженному концу, палка поднималась в воздух и тут ее надо было ударить так, чтобы отлетела возможно дальше. Опасной игрушкой был самопал: латунная трубка со сплюснутым концом и близко от него выпиленным отверстием. Трубка крепилась на обрезке доски в форме пистолета. В несплюсненное отверстие трубки вталкивалась сера, соскобленная со спичек, затем бумага, служившая пыжом. Если к выпиленному отверстию у сплюсненного конца поднести огонь, сера загоралась и получался выстрел. Иногда трубки разрывались и

осколки металла увечили «стрелков». Самопал я хотел иметь, но желание не осуществилось. На таком же физическом законе работало другое занятие. Ямку в земле с небольшим количеством воды и карбида кальция закрывали плотно пустой перевернутой жестяной банкой из под консервов с маленьким отверстием в центре, залепленным мокрой глиной, чтобы образовавшийся в результате химической реакции водород не улетучивался из под банки. Через 2-3 минуты отверстие открывали и к нему быстро подносили источник огня на палке. Водород загорался со взрывом, и банка поднималась вертикально вверх на 10-15 метров в лучшем случае. Все эти забавы были доступны малообеспеченным детям, к числу которых я относился. Детям более обеспеченных родителей, находившимся под лучшим присмотром, к таким занятиям был ограничен доступ. Во дворе напротив у кого-то был крокет, и я помногу играл в эту интеллигентную игру. Нигде больше эту игру я не видел. Еще дальше, на соседней широкой немощеной улице играли в футбол, самую популярную игру детей и взрослых на Украине. Величину футбольного поля определяли по числу игроков. Границами ворот были обломки кирпича. Ширина ворот зависела от возраста игроков по взаимному согласию. Если игроков было мало, по 2-3 в команде, вратарь тоже бегал по полю, играя полевым игроком. Утратившей популярность была игра в городки: прицельное бросание палки в квадрат, где в определенном порядке расставлялись деревянные чушки, которые надо было выбить из квадрата. Один из таких порядков назывался "бабушка в окошке". Летом группами от двух человек и более ходили на ставок - озеро в трех км от города. Зимой катались по городу на коньках. В более старших классах я стал кататься на лыжах, играть в бильярд на маленьких столах с металлическими шарами примерно три см в диаметре. Других не было. Пристрастился к волейболу во дворе на параллельной улице.

Как бездумное отношение чуть не стоило мне жизни или увечья, расскажу на двух примерах. Как-то, когда я был в 4-м классе, я пошел вместе с Митей Деевым, двумя годами старше меня мальчиком из дома напротив, купаться на озеро. Мы остановились на ближайшем от города обрывистом берегу с круто опускающимся дном. Пляж был на противоположной стороне. Я, неумевший тогда плавать, вошел в воду и в один момент потерял дно под ногами.

Вода понесла меня. Мои руки были подняты вверх, глаза закрылись, и я затаил дыхание. Становилось светлее, когда вода поднимала меня и темнее, когда я опускался глубже. Вдруг чьи-то руки схватили меня так, что я не мог шевельнуться. И я был вытасчен на берег. Это был один из двух молодых людей, оказавшихся на пустынном берегу. Он перегнул меня через свое колено и приказал делать рвотные движения. Я сказал, что воды не наглотался. Дома сообщил родителям: "А я сегодня тонул". Запрета ходить на озеро не последовало. Через два года Митя, цепляясь за движущийся поезд, попал под колеса, ему отрезало ноги, и он умер на железнодорожном полотне.

Катание на коньках зимой по городу надоедало, и мы цеплялись за грузовики на дорогах с помощью длинного крючка из жесткой проволоки, чтобы быть немного сзади и в стороне от автомобиля: нужно было видеть, что впереди. Если прицепиться к автомобилю без крючка примерно за середину заднего борта, видимости впереди не будет. Так я и прицепился. На ухабе подбросило автомобиль и меня с ним. Я отцепился от автомобиля и перевернулся через голову. Ни голова, ни шея не пострадали. Урок был недостаточный, так как я понял, что цепляться за автомобиль нельзя, но только если на коньках. Еще одно происшествие со мной случилось, тоже как с учеником, которого должны были бы принять в D-класс. По какому-то поводу, не помню • кем, я поехал за город на бричке, запряженной лошадей. Что-то случилось, и бричка перевернулась. Заднее колесо переехало мне ногу в области ахиллова сухожилия. Ни тотчас, ни потом боли не было. Так моя ахиллова пятка меня не подвела. Наверное, у всех в классе D такие крепкие пятки, шеи и головы. Я ничего не сказал о спуске с горки на санках на проезжую часть дороги, но это было не опасно, так как по Кладбищенской или Привокзальной улице (точно название не помню) автомобили ездили не часто.

ЕЩЕ ШКОЛА

Итак, я в пятом классе. Младшие классы позади. Хотя я благополучно сдал свой первый переходный из класса в класс экзамен, за мной остался долг: работа по рисованию на лето. Если мои летние рисунки сочтут удовлетворительными, то моя неудовлетворительная оценка по рисованию за 4-й класс уберет препятствие к

переходу в 5-й класс, т.к. с неудовлетворительной оценкой за год по любому предмету в следующий класс перевести нельзя. Никто ни 1-го сентября, ни в последующие дни у меня в 5-м классе не попросил рисунки для оценки, так рисунки яблок, чайников, чашек пропали для истории.

Не запомнил никого из учителей 5-го класса, кроме одного, бывшего директора шахты. Уж очень он был не похож на других учителей. Не помню ни одного события того года, разве что митинга с выступлением картавящего, как Ленин, ученика старших классов. Одному из учеников поручали сказать то, что хотели услышать власти, и директор школы назначил для выступления говоруна. И в нашей школе им. Тимирязева и в соседней, так называемой опытной школе, говорунами были евреи. Стандартным призывом было обращение к нам со словами: "Давайте же ребята", что звучало как: "давайте жеребята". Примерно 18 лет спустя, на строительстве так и незаконченного тогда Туркменского водного канала через Каракумскую пустыню я встретил нашего говоруна в построенном среди песков рабочем поселке Тахиа Таш. Был он маленький, черный, усохший. Женат, с тремя детьми - мальчиками. Работал инженером где-то на трассе. Занял у меня деньги и не подумал вернуть. Уж очень бедно ему жилось, если согласился взять жену и детей и приехать в среднеазиатскую пустыню, куда никто по доброй воле не ехал работать, и я в том числе.

Говоруном в соседней школе, разделявшей с нами один и тот же школьный двор (и такое наследие оставил царизм), был Заславский Мишка - рыжий. Жил он в моем же квартале, на моей же стороне буквально в трех домиках от меня, так что я был частым гостем в его дворе по разным поводам. Жил он с матерью, бабушкой и дядей. Дядю звали Пашка, и был он моложе своего племянника Мишки на два года. Была у них одно время корова, обещавшая давать молоко в будущем. С обязательством заплатить мне молоком, Мишкина бабушка поручала мне нарвать травы для стоявшей в сарае коровы. Дали мне мешок и нож резать траву. С трудом нарезал я четверть мешка. Доилась ли потом корова, не знаю. То ли бабка, то ли корова не оправдали возлагаемых на них наших надежд.

В 5-м классе я начал собирать марки. Предпочитал коллекционировать заграничные почтовые марки как продолжение предпоч-

гения "заграничных" кузнечиков с цветными подкрылками отечественным кузнечикам с бесцветными подкрылками. Марки стоили дешево, если я мог их покупать. Откуда у меня были деньги, не припомню. Единственным источником могли быть деньги, не потраченные на школьные завтраки, что я помню относящимся к 6-му классу. Как правило, завтрак я брал с собой, и в старших классах это были два ломтя хлеба, намазанные сливовым, самым дешевым повидлом, сваренным бабушкой. На сэкономленные от завтраков деньги я купил свою первую книгу Марка Твена "Приключения Тома Сойера". Книга была в мягком переплете, я ее любил, и гордился своим первым приобретением. В 5-м классе или немного раньше появился интерес к фотографии. Как все, что было доступным, фотоаппарат не должен был стоить денег. Им была деревянная коробка с иглочным по диаметру отверстием на передней стенке. Задняя стенка была съемной. На ее внутренней поверхности в гемноте укреплялся лист фотобумаги. Отверстие было закрыто с помощью укрепленной на передней стенке баночки из-под вазелина. Если снять крышечку с баночки, свет через иглочное отверстие проникал в деревянную коробку и экспонировал фотобумагу подобно фокусирующей линзы. Экспозиция для портрета составляла 60 секунд в солнечный день. Фотоаппарат был не у меня. Я был объектом фотографирования, но уступал в этом качестве трубе и градирне электростанции, способным оставаться неподвижными любое время, даже при нужной в течение нескольких минут экспозиции.

Стране требовалась авиация. С летчиками, инженерами. Чтобы привлечь молодежь, повсеместно открывали авиамodelьные кружки или что, то же самое, кружки авиамodelирования. В кружках, - их нельзя назвать мастерскими из-за убогого оборудования и убогих целей - склеить подобие самолетов из бумаги и бамбуковых полосок, - проводили время мальчишки моего возраста. Первым делом нужно было согнуть в дугу бамбуковые полоски для крыльев, нагревая их на огне спиртовых горелок. Нетерпеливые подносили полоски близко к огню, и они обугливались, или сгибали полоски чрезмерно, и они ломались. Я был в числе нетерпеливых и перестал портить государственное добро.

В 5-м классе меня начали учить игре на скрипке. Я дорос до размера полной скрипки, тогда как учить надо с возраста игры на

«четвертушке», а затем "половинке" (так называются размеры скрипки). Поэтому я считал, что мне учиться игре на скрипке поздно и стеснялся ходить со скрипкой, ничего не умея на ней играть. Через два года родители отказались от этой идеи без уведомления меня, но я не обиделся. Поздно меня начали учить игре на скрипке, потому что раньше не было денег купить мне инструмент. Купили скрипку на деньги Маневничей, стоила она очень дешево - 8 рублей. Только написав эти строки, я понял, что бабушка была мотором в этой истории. Она написала Маневичам о возможности купить дешевую скрипку и о желании учить внука музыке. Вот такой была баба Аня. Любили ее сестры при жизни, полюбил ее внук после смерти, нет раньше, но осознал позже.

До 5-го класса я физически не уступал потом более сильным, чем я, например, Коле Смиренномудренскому или Мише Белоконову. Позже мое физическое развитие замедлилось. Результаты проявились в определенных ситуациях. Я рос в среде ватаги мальчишек, известной в городе благодаря присутствию в ней Яшки и Петухи, сыновей чистильщиков обуви - сирийцев по национальности. Асоциальные поступки, мелкие по значимости, были составной частью нашей активности. Так мы лазили через забор электростанции, чтобы купаться во всегда теплой и чистой воде охладительной установки - градирни. Конечно, нас старались вылавливать сотрудники электростанции. Не будучи таким же проворным, как остальные, в один из таких "банных дней" я спрятался от "сторожа" за одну из многочисленных стоек, тогда как все убежали. В этот раз успешно. В следующий раз он меня заметил и вывел через главный вход электростанции. Когда ребята лазили в соседний двор в сад за зелеными яблоками, меня ставили снаружи в качестве дозорного. Однажды я вместе с другими перелез через забор и нарвал яблок. Нас заметили. Все убежали, я остался. Из меня вытрясли яблоки и вывели на улицу. Не имело отношения к физическому развитию другое, тоже асоциальное поведение. Я перелез через забор кинотеатра и вошел в зрительный зал, когда начался фильм. Мест свободных не было, и я, как купивший входной билет без определенного места, стоял у стенки. Меня, безбилетного, легко было распознать и вывести из кинотеатра. Так мой социальный опыт научил уважать правила. Никогда позже я не вступал в конфликт с законом. Я относился негативно к стране и строю, с которыми приш-

лось иметь дело в течение 56 лет, но уважал законы страны.

Весной, перед окончанием 5-го класса, заболела моя сестра Ира. Ее, больную scarлатиной, положили в инфекционную больницу, и мама была с нею. Мне не разрешили ходить в школу - карантин. Когда закончился карантин, занятия в школе завершились и экзамены подходили к концу. В один день мне пришлось сдать три экзамена. Я перешел не только в следующий класс, но и в другую школу вместе со всем классом. Школа была в двух кварталах от моего дома, а до этого функционировала как начальная школа, т.е. четырехлетка. Мы оказались самыми старшими - 6-м классом. Но к 6-му классу начался отсев. Прекратили учиться мои близкие товарищи Гриша Шульвиг и Миша Белоконь (мы трое представляли класс D в классе B и весьма достойно, не подвели ребята своих из класса D). Миша, живший рядом со школой, не порывал с нами связи и приходил в школу на переменах. У него была синяя кепка с лакированным козырьком, надвинутая на лоб. В разговоре он подражал кому-то из старших, часто поплеывая. Наши разговоры тогда были в основном о кинофильмах. Каждый старался рассказать какой-нибудь интересный эпизод из фильма, чтобы быть в центре внимания. Коле С. это удавалось чаще, чем другим. Я не был в числе хороших пересказчиков, и это меня огорчало. Из учителей мне запомнилась преподавательница украинского языка хорошим преподаванием, готовностью заниматься с желающими лучше знать язык, ясностью мышления и грубоватостью. Она была типичной украинкой в хорошем значении этого определения. Как-то на уроке она сделала мне, сидевшему, конечно, на последней парте, замечание: "Гольберг, не делай из класса уборную". Я поправлял, наверное, часто и подолгу мой серый трикотажный галстук (уже тогда я был при галстукe!) на такой же серой трикотажной рубашке. Уборная, в представлении нас, учеников, отождествлялась с отхожим местом, утратив первоначальное значение - костюмерной. Все удивленно оглянулись, заставив меня покраснеть или, во всяком случае, смутиться. Учительница могла бы быть и более деликатной. Но для этого надо быть интеллигентом второго поколения. Запомнился и директор, выходец из Кавказа. Однажды перед строем учеников во время судебных процессов над его единомышленниками-большевиками, ставшими неугодными Сталину, он сказал, что они признались в вине и плакали "крокодильими слезами".

Другой раз он выступил, помню, не перед учениками нескольких классов, а перед небольшой группой моих соучеников. Мы пропустили какой-то урок как проявление самоутверждения. Мне это было не по душе, но решил быть со всеми. Директор произнес угрожающее внушение, но дурных последствий не было. Наоборот. Я вскоре получил от школы в подарок книгу Ставского (я так и не прочитал ее) за хорошую учебу.

Вместе с переходом в 7-й класс следовал переход в другую, только что построенную новую школу. Построили ее на северной окраине города, потому что там были два завода - стекольный и гвоздильный. В этом районе некому было учиться в старших классах, поэтому нами, учениками школы им. Тимирязева, решили заполнить брешь. Школа им. Тимирязева перестроилась в соответствии с таким планом. Но новую школу не построили во время. Тогда-то и решили, что мы один год "перебьемся" в промежуточной школе начального обучения. По пути в новую школу я и большинство моих соучеников проходили мимо двух русских и двух украинских школ. Мне нужно было идти 45 минут от дома до школы. Сейчас меня утешает то, что в США было и похуже, когда занимались перетасовкой черных и белых школьников. Но тогда такое утешение было преждевременным, и я выразил мой первый социальный протест. После уроков в новой школе я приходил в 7-й класс к ученикам, оставшимся в школе возле моего дома, и сидел третьим учеником за партой, уже занятой двумя учениками. Не сразу кто-то из учителей решился предложить мне покинуть класс. Кому из учителей приятно сознавать, что к нему на урок приходит ученик из другой школы?! И было ли когда-либо подобное вообще?

Не перешла с нами в новую и не осталась в старой школе, красивейшая черноглазая Маргарита Коробова, прекрасно читавшая стихи.

Мой одноклассник Игорь Главня, сын учителя немецкого языка, остался в Тимирязевской школе, несмотря на то, что весь класс был переведен в другую школу. То же случилось с Леней Разумовским, сыном учительницы русского языка: Леня удержался на год в промежуточной школе прежде, чем перейти в новую школу. В обоих случаях сработало знакомство. Вспоминается, как в одно из посещений Грини Махлина в новом доме его отца доктора

Махлина, он спросил, знаю ли я, как расшифровывается аббревиатура СССР, и объяснил - Свой Своего Снабжает Регулярно. Конечно такое "богохульство" родилось в голове взрослого человека. Сочинили после голода 1933-34 г. и такое, известное тогда всем и открыто распеваемое детьми:

Товарищ Ворошилов, война на носу,
А конная Буденного пошла на колбасу.

Ворошилов был народным комиссаром обороны. Буденный с таким же, как Ворошилов четырехклассным образованием казак-кавалерист, возглавлял кавалерию страны. Теперь, почти 60 лет спустя, можно сказать, что в шуточной песенке, сложенной по поводу продажи в магазинах конской колбасы (очень жесткой на вкус), народ предвосхитил грядущую трагедию: войну и неподготовленность армии к войне, унесшей миллионы жизней. Народ простил товарищам-большевикам и это. Как могли пройти мимо подобных мыслей в народе большевики? Не прошли мимо. Ответили. Террором, запугиванием, поощрением доноительства. В 5-м классе функцию доноительства в школьном аполитичном варианте возложили на меня. Классной руководительницей в моем классе стала С.Берменсон, дочь учителя игры на скрипке моего отца и его брата Натана. Она преподавала историю и жила... в моем дворе. Она назначила меня старостой класса и обосновала это перед классом, что мы живем в одном дворе и это облегчит ей труд классного руководителя. Все, и я, тогда поверили этому. Моей дополнительной обязанностью было ставить птички рядом с фамилией ученика в алфавитном списке учащихся, когда кто-либо получал устное замечание во время урока от учителей. Ставил я птички и себе под неусыпными глазами соучеников. Для запугивания использовали декламационный материал. Такого рода выступления с хоровой или индивидуально-хоровой декламацией заменили детские театрализованные представления и полностью соответствовали агитационным целям. Так помню выступление моей соученицы Веры Владимировой, голубоглазой блондинки с искусанными ногтями, когда она с другими девочками произносила хором: "Мы знаем все, мы знаем все" и потом каждая по очереди: «Кто ты», «Кто я», «Кто он», выйдя вперед на шаг или два, чтобы сказать порученные ей два

слова. Если я помню это выступление, значит, сила воздействия на меня была очевидной. И ГПУ-НКВД достигли своей цели – запугивания. Перевожу себя поэтому из D-класса в класс выше рангом – в C-класс.

Перейдя из Тимирязевской в промежуточную, а затем в новую школу, я стал учеником A-класса. К тому времени латинские буквы из обозначения классов изъяли и заменили буквами русского алфавита. Я разрешу себе оставить прежнюю номенклатуру в моем условном перемещении из A – в D-класс и обратно.

Пришла очередь рассказать о терроре, хотя террор никогда не стоял в очереди.

АРЕСТЫ

Начались они вдалеке. Как-то в нашей маленькой квартире остановились на два дня две пожилые женщины-сестры, папины дальние родственницы. Приехали они из Сталино – областного города, бывшего совсем недавно шахтерским поселком Юзовка. Их племянник был арестован в Сталино, но помещен в нашу тюрьму (какая честь!). Видно, в Сталино тюрьма была переполнена, а до Артемовска волна арестов не докатилась. Приехали женщины на прием к начальнику тюрьмы с твердой убежденностью в невинности их племянника. С чем приехали, с тем и уехали. Начальник тюрьмы не был всесильным человеком и, по всей видимости, разделил судьбу своих бесправных подопечных. Позже, когда я учился в четвертом классе, арестовали отца моей соученицы – председателя горисполкома. Учительница, к нашему удивлению, тотчас перестала ставить девочке незаслуженно высокие оценки. Девочка, не вызывавшая симпатии за незаслуженные, высокие оценки, не могла рассчитывать на наше сочувствие. Она сникла. И вскоре исчезла. Заведующий городским отделом народного образования (Наробраз) Пренер, небольшого роста, лысый мужчина, был знаком нам по выступлениям перед строем учеников. Его арестовали. Некоторое время в 5-м классе нам преподавал какой-то второстепенный предмет очень обособленно от нас державшийся учитель. До революции 1917 г. он был директором шахты. Забрали. Так тогда называли арест. Потом аресты приблизились вплотную. В соседнем дворе арестовали Петра Петровича Нужного, потому что он был ветеринарный врач. Арестовали примерно 30-летнего Шуру

Васильева, нашего соседа по двору. Он был сыном полковника царской армии. Такая же судьба постигла нашего соседа по дому, жившего в двух комнатах дедовых апартаментов. Он работал директором единственного в городе ресторана при вокзале. Говорил только по-украински, очень красиво. Его фамилия была Снежинский. Впоследствии я узнал, что окончание фамилии на «ский» считалось основанием для обвинения в шпионаже в пользу Польши. Значит, ему судьба уготована и как украинскому националисту, и как польскому шпиону. При таком тяжком обвинении нельзя было не арестовать его молодую жену от второго брака. Будучи очень привлекательной, не старше 24-х лет женщиной, жена Снежинского смогла убедить, что она не националистка, так как была русской, и каким-то иным способом, что она не шпионка, а всего лишь мать трехлетней девочки. Сына Снежинского, моего сверстника, и его сестру отправили в детский дом для сирот. Жена Снежинского вскоре уехала из Артемовска. Освободилась еще одна квартира. За нее началась война. Победителем вышла многодетная семья продавцов сельтерской воды Зельдовичей. С помощью телефонного звонка Сталину и, по уверению мамы Зельдович, разговора с самим, с очень невнятной артикуляцией, как она сообщила. Так в доме деда, в семье которого было 5 детей, опять появилась семья с 5-ю детьми, но уже занимавшая только две комнаты из шести.

Арестовали мужа моей тети Фриды, директора техникума, коммуниста. А затем и тетю Фриду. Большевики любят коллективные действия. Через сорок лет я узнал, что у маршала Тухачевского (опять «ский») арестовали всех трех жен и держали их в одном и том же лагере. Так трагедия превратилась в трагикомедию. Дочь тети Фриды - Эльвиру, тетя Лида вызволила из детдома и забрала в Москву. Эре было тогда семь лет.

Из моих соучеников арестовали отца Коли Смиренномудренского. Во-первых, фамилию такую носили люди духовного сословия, значит, он был из священнослужителей; во-вторых, фамилия заканчивается на «ский». Был он хромоногий и настолько кривой, что его можно было узнать за милю. Что мог сказать нам Коля о причине ареста отца, бухгалтера конторы "Заготзерно"? И Коля сказал немыслимое: "Арестовали за растрату". Назвать отца вором, казнокрадом ему было проще, чем сказать, что не знает причины

ареста. Обида за беспричинный арест отца и за невозможности сказать правду у Коли была. Обида привела Колю к неправильному поступку, за что он потом поплатился жизнью.

Была в нашем классе красавица Маргарита Коробова. Я с Гришей Шульвигом, тогда ученики 4-5-х классов, стояли под ее окнами на втором этаже. Ее папу, командира Красной Армии, арестовали. Мы ее не спрашивали. В 6-м классе она уехала куда-то с мамой.

Еще раньше, с 4-го класса, начали появляться ученики и ученицы, у которых не было отцов. Первым появился Леня Разумовский. Леня был блондин с очень белой кожей, резко отличаясь от нас, смуглых южан. Его мама была красивой блондинкой. Фамилия Разумовских принадлежала представителям русской знати. Леня никогда не говорил об отце и не сказал потом, что у него появился отчим. Мы были, в те годы, близки, и однажды он прочитал стихи поэта Некрасова о тяжелой доле крестьян и отождествил слова Некрасова с нашей тогдашней действительностью. Позже появились Нина Земборская и Люся Кошечкина. Как мне стало известно через мам, у Люси была папина фамилия с окончанием на «ский». Ее папу арестовали, и мама сочла разумнее иметь явно украинскую фамилию. О том, что у Нины Земборской арестовали отца, я узнал вместе с признанием в любви или с интервалом в один-два дня.

Почти одновременно в классе появились Ильюша Эйхенвальд и Майя Вайнштейн. У обоих были арестованы и отец и мать. У Эйхенвальда потому, что почти однофамилец социал-демократ Айхенвальд был меньшевик. У Вайнштейна, потому что отец был большевик, к тому же на "ответственной" большевистской должности – комиссарил, т.е. подстегивал людей лозунгами и, возможно, угрозами.

Теперь немного о "сильных мира сего", тоже арестованных. Была в Артемовске вновь открытая школа. Назвали ее именем министра, тогда народного комиссара просвещения*. Министра арестовали, вывеску сняли. По какой-то причине разрешили отмечать Новый год елками, разукрашенными гирляндами и игрушками. Это благо для детей приписывали Постышеву. Он комиссарил то ли в Москве, то ли на Украине. На одном таком праздновании я кричал

* Затонский

вместе со всеми по команде взрослых: "Да здравствует Павел Петрович Постышев". Сначала его куда-то убрали, потом арестовали.

Что было в тюрьмах, было под секретом. По секрету Бэлла Васильева, носившая мужу Шуру передачи в тюрьму, рассказала, что подследственных заключенных бьют. О том, как заключенных убивали, рассказал много лет спустя первый секретарь компартии Хрушев на съезде коммунистов, тоже по секрету. От нас, от народа. Народ узнал правду от ненавистных капиталистов, чужих, конечно.

Слово НКВД (наркомат внутренних дел) внушало страх. И большим, и нам, малым. Здание районного отделения НКВД было по пути в школу. Проходя мимо здания с кем-либо из соучеников, я становился на приступок перед входной дверью и делал вид, что хочу войти внутрь. Поступок достойный оболтуса, принятого когда-то в 1-й D класс. Страх, витавший в воздухе, был куда сильнее призрака коммунизма, болтающегося где-то по Европе. Взрослые общались между собой редко. Дети на лето далеко не отсылались. Школьники общались в пределах своего, редко соседнего класса. Любили одноклассниц мальчики и одноклассников девочки. Ко времени окончания школы в июне 1941 г. в классе было 9 влюбленных пар из 24 учеников. И ни у кого любви на стороне.

Так в мои детские и ранние годы я, как и все мои сверстники, стал свидетелем неосознанной нами деградации большевистского режима, проявившего свою сущность в преследовании сначала созидателей благ и рабочих мест, каким был мой дед, потом в арестах людей, причастных к дореволюционному обществу в разряде неимущих, каким был Шура Васильев, сын полковника, или мой учитель, кажется, географии, в прошлом директор шахты, в аресте Петра Петровича Нужного, только потому, что он был ветеринарным врачом (их всех арестовали), или Снежинского, говорившего только по-украински и потому обвиненного в украинском национализме (чего легче!), в аресте людей с фамилией, оканчивающейся на «ский», как у отца Нины З. или Коли С., или Люси К., или потому, что фамилия как у меньшевика у отца Илюши Э., в аресте командиров Красной Армии, каким был отец Маргариты К.; деградации, достигшей апогея арестами и уничтожения своих же единомышленников, оправдывавших действия заплечных дел мас-

теров[°]. Все это прошло перед моими глазами, в пределах виденного в моем или соседнем дворе с одноэтажными домами (всего 4) или класса в школе.

Все мои соученики видели почти то же. И все они, может быть, кроме Вовы С. стали членами компартии.

БЕДНОСТЬ

Последняя зарплата у папы была 200 руб. в месяц, у мамы - 130 руб. Тогда скромная зарплата педагога старших классов составляла 500-550 руб. Жизнь была однообразной, без надежд и ожиданий. Однообразие нарушалось, когда надо было купить что-либо для мамы. Бабушке ничего не надо было. Сестре мама шила сама. Папа донашивал дореволюционную одежду, его серая рубашка и трикотажный галстук - очень красивый - казались вечными. Мне кое-что подбрасывали Маневичи. Но пришло время надеть на меня пиджак. Где-то как-то купили по дешевке большой пиджак, и я с мамой пошли к портному. Мама сторговалась, и меньше чем за 10 руб. пиджак был переделан. В нем я с гордостью пришел на какой-то вечер в школе, но никто не обратил на него внимания. К окончанию школы родители решили пошить мне пальто (готовые вещи были безобразного вида). У товарищей большевиков вкус остался таким, каким был в дореволюционной рабочей слободе. Шили пальто в мастерской, где заведующим был отец Изн Зильберова, из материала мастерской. Нужно было найти самый дешевый материал и его нашли. Он был жесток как картон и шершав как крупнозернистая наждачная бумага. К весне пальто было готово. Надел его не более трех раз.

Недоедание началось с тех пор, как я себя помню. Помню, как Гриню Махлина кормили во дворе яйцами. Мне родители яиц не давали. В возрасте четырех-пяти лет меня в гостях вкусно накормили, и я согласился остаться там жить. Я был очень недоволен, когда меня увели домой. Запомнились именины в пять лет у Римы Кречмера, моего ровесника из соседнего двора, тем, что на стол ставили все новые и новые блюда, а я спрашивал маму всякий раз: "А что это?". Чуть в более старшем возрасте с одним из мальчиков

[°] Как у Майи В.

я был в полуподвальном помещении столовой при совпартшколе, где его папа был поваром и накормил нас макаронами или лапшой, перемешанными с прокрученным в мясорубке вареным мясом. У соседей с другой улицы я узнал вкус хлеба с маслом и медом. У Алика Колесниченко впервые ел простоквашу с сахаром, а позже колбасу домашнего приготовления - сальтисон (они откармливали свиней, держали кур). У Лени Разумовского меня угостили керченской селедкой, у Софьи Израилевны Французовой, матери мужа моей тети Лиды, я пил какао. Дома еда была однообразная. На обед был борщ или суп из лапши, сделанной бабушкой. Вторым блюдом обычно была пшенная каша. Чтобы она не была сухой (масла в ней было мало), я добавлял в нее борщ. На сахар была норма - две ложечки. Когда я вырос, и мне не стало хватать одного стакана чая, я пил два стакана и в каждый клал по одной ложечке. Потребность в молоке была настолько подавлена, что, когда в старших классах мне давали деньги на школьный завтрак, я покупал три стакана молока - на все деньги без остатка. Выпить я мог и больше. В мои первые 18 лет жизни, рыбные консервы я ел один раз - на пляже. У всех мальчиков были именины. Я решил устроить именины сам. Отказывая себе в школьных завтраках, я накопил в 6-м классе деньги и купил соевых конфет и вафли. Дома сказал, что они для моего дня рождения. Это тронуло родителей, и они устроили мой день рождения. Я пригласил моих соучеников. Открыли дверь, разделяющую нашу квартиру от квартиры Зиминых, и Толя Зимин играл в своей квартире для нас на рояле.

Был у нас однажды запомнившийся обед. К нам заезжала сестра бабушки с мужем. Маневичи ехали из Тифлиса, где у Михаила Марковича была временная работа - командировка. Суп рисовый куриный, на второе - курица, на третье блюдо - компот.

У меня нет интереса к чаю. Когда бабушка заваривала чай, она добавляла соду для более темного цвета чая. Никакого аромата или вкуса такое приготовление чаю не давало, поэтому чай я оценивал по его сладости. С таким критерием я не расстаюсь по сей день.

В 9-м классе я стал допризывником. На медосмотре меня взвесили. Мой вес был 48 кг. С тех пор мой вес увеличился до 84 кг, рост - не более чем на 5 см.

За обедом мне говорили: ешь больше хлеба. Когда бабушка

уехала в гости к сестрам в Москву, мама купила сало, чтобы я "поправился" - поднабрал вес. Я поступал учиться на врача с мыслью, что если я буду доктором, буду есть мясо каждый день. Мечты сбылись частично. Доктором я стал, но к мясу равнодушен.

Я знал о приеме воздействия детей на родителей. Нужно было сказать: "Не буду есть", и тогда родители выполняли просьбу. Однажды за столом я решил его применить. Я сказал: "Не буду есть" и вышел из-за стола. Мой протест родители встретили так безучастно (если не хуже), что я до сих пор помню этот момент. Больше мне не приходило на ум пользоваться этим приемом.

НОВАЯ ШКОЛА

Новая школа-новостройка, как ее называли, была двухэтажным зданием, меньшим по размеру, чем Тимирязевская. Все в ней было меньшим: классы, коридоры, окна, лестницы, ниже были потолки "Русским революционным размахом" на деле оказалось воспользоваться нельзя. Вместо актового зала была пионерская комната, очень удобная для танцев.

Мой класс был единственным 7-м, тем не менее, ему дали название 7-А, хотя 7-Б не было. Шестой класс тоже был единственным. Сказался дефицит учеников в рабочей окраине города для относительно старшего класса. Учителей в школу набрали, в основном, плохих. Лучшим был преподаватель математики - инженер по образованию Сахновский Михаил Ильич. Его отец был картузником - шил фуражки в Бахмуте. Носил он бородку клинышком и короткие усы, что делало его похожим на троцкиста в нашем представлении, сложившимся под влиянием карикатур на меньшевиков и троцкистов. Он стал вскоре зав. учебной частью, когда заведующего учебной частью, преподавателя истории Горского Георгия Моисеевича назначили директором школы. Директора школы, видно, найти не могли. Третьим хорошим учителем был Иосиф Иванович Тищенко - безобидный, скромный, влюбленный в свою профессию преподаватель физики. Без уважения мы относились к другим учителям и в частности к классной руководительнице Зинаиде Григорьевне Степановой. Ее имя мы переделали в Зануда Брехорьевна, что отражало ее сущность. Мое участие в этом определилось нетерпимостью к любой лжи (ее утверждение, что замужем, было ложью). Она могла сказать на

уроке ученику "сам дурак" на его реплику, "ну и дурак", когда она, рассказывая о поэте, сказала, что он не любил математику. Украинский язык преподавал педагог с лицом алкоголика или язвенника. Скорее, алкоголик, так как его дочка была неспособна к школьным занятиям и была оставлена на второй год в 9-м классе. Как не легко было придти к такому выводу учителям моей школы. Черчению нас учил странный человек, решивший учиться игре на фортепиано, пользуясь школьным роялем в свои 40-45 лет. Был он неряшлив и ходил в пиджаке, распоротым по шву в проеме рукава. Географию преподавал Василий Васильевич Дыгин. Так он себя назвал. Когда мы не поняли, он написал свое имя на классной доске: Василий Васильевич Дрыгин. Он любил говорить о международном положении, и мы пользовались его слабостью. Дисциплина на уроке географии была слабой. Помню, что как-то играл на уроке с моим соседом по парте в шахматы. Это не мог не заметить учитель и сделал нам замечание в очень вежливой форме.

В 7-м классе произошел окончательный отсев неуспевающих учеников. Перестал учиться Н.Деев, наиболее недисциплинированный ученик, ставший впоследствии полицейским во время немецкой оккупации Украины.

Мое окончание семилетки, наверное, с хорошими оценками, отметили тем, что меня на лето послали в Москву. Один месяц я провел в пионерском лагере на реке Оке. В этом лагере от Кинохроники работал пионервожатым сын другой сестры моей бабушки Анюты - по мужу Березовской. Однажды в лагере нам выдали "испанки" - вид летних годовых уборов, посадили в лодки и засняли на киноплёнку. Шапочки потом забрали. Так я впервые участвовал в показухе о том, как отдыхают советские школьники. Но лагерь был хороший, особенно для меня, "сидевшего" в Артемовске на полуголодной диете. В это, мое третье посещение Москвы, я полюбил город. Я садился в троллейбус и ездил из конца маршрута до его конца, чтобы смотреть на дома и считать этажи. В этом я так натренировался, что мог назвать число этажей, не считая их. На станциях метрополитена, недавно построенного, я описывал их архитектуру, чем привлек однажды внимание милиционера. Москва стала для меня притягательной силой, можно сказать, на всю жизнь.

В Москву я ехал, сопровождая девочку года на два-три моложе меня. В благодарность за это ее московская тетя купила мне об-

ратный билет в Артемовск. Round trip билеты не продаются и до сих пор. За билетом я поехал в Прокуратуру СССР, где работала тетя моей спутницы, там, а не в ж.д. кассе я получил билет. Прокуратура СССР делала свое основное дело, конечно, и очень успешно, судя по миллионам осужденных людей. Ко мне проявили особое внимание - не отправили в чистилнище, чтобы потом переадресовать в ад живьем.

Восьмых классов стало два: 8-й Б укомплектовали из окончивших 7-й класс промежуточной школы и 7-й класс еврейской школы. Ученикам из еврейской школы пришлось идти в школу еще большее расстояние, чем мне - с южной окраины города в северную. Несмотря на то, что школа была новая, классовых помещений было недостаточно, и ученикам 8-го Б класса достался класс-лаборатория, где стояли шкафы с учебными пособиями по физике, биологии и химии. Когда класс-лаборатория были нужны для демонстрации, ученики Б-класса должны были переходить в свободное от занятий классное помещение. Очень неудобным был их класс, заставленный шкафами под замком.

То ли в 7-м, то ли в 8-м к нам перевели несколько учеников из Тимирязевской школы, в том числе Изю Зильберова и Риму Кречмера. Кажется, в 7-м классе к нам пришла Майя Вайнштейн, кругленькая девочка с копной густых, черных непослушных волос - двоюродная сестра Римы. Она, или с ее слов учительница, представлявшая Майю классу, сказала, что Майя у нас временно. Майя была убеждена, что арест ее папы и мамы - какая-то ошибка. Она была абсолютно права. В отношении мамы ошибку исправили через 12 или больше лет, в отношении папы не успели: папу-коммуниста постигла та же судьба, что и Николая II. Но папу реабилитировали и даже выдали денежную компенсацию маме за папу. Маме потом дали комнату в Москве, и Майя живет в этой комнате. На костях палы?!

Пусть это не кажется обидным для Майи. Израиль возник на костях миллионов евреев. Моя эмиграция из СССР и затем благополучие мое и моих детей стали возможными только благодаря существованию Израиля. Так что наше благополучие тоже зиждется на костях моих родителей, сестры, бабушки, родственников и миллионов евреев.

ОПЯТЬ ШКОЛА

Годы с 7-го до 10-го класса, т.е. с 1938 до 1941 гг. были примечательны изменениями внутреннего состояния, доступного пониманию. К 7-му классу, т.е. к 14-ти годам я отмежевался от дворовой компании, никто из моих сверстников по компании не доучился до 7-го класса. Перестал курить, хотя курить начал с семилетнего возраста, заворачивая в бумагу сухие листья, а то и вату. Денег на курение не было, а если и бывали, то было что-либо поважнее, чем папиросы. Поэтому курил по случаю, когда угощали. Потом ограничил себя папиросами сравнительно хорошего качества. Но как часто могли быть у мальцов хорошие папиросы? А вскоре и от них отказался. Необычно для тех, у кого в доме кто-то курит. Мамин контроль за моим курением, выразившийся в требовании "Дыхни", когда возникало подозрение, что я курил, (я послушно открывал рот и выдыхал носом и это спасало меня от порки - из носа шел воздух без запаха никотина, так как я не вдыхал папиросный дым при курении. Никто меня этому не учил. И до сих пор держу свое открытие в секрете), решающей роли не сыграл. В 7-м классе я уже не курил. Мои соученики ходили курить в туалет для учеников во дворе. Там иногда появлялись дежурные педагоги для пресечения курения. Если меня оценить, беря за основу курение, то меня можно перевести условно в класс А.

Я пристрастился к чтению. Началось с приключенческих книг. Жюль Верн, Майн Рид, Вальтер Скотт, Эдгар По, Джек Лондон, Дюма, Конан Дойль и Нат Пинкертон были нежелательными для большевиков, поэтому достать их книги было нелегко, особенно книги Н.Пинкертона. Книги Дюма библиотека на дом не выдавала: они были в единственном экземпляре, и читать их можно было только в читальном зале. Школьные занятия у меня были в вечернюю смену, т.е. с двух часов дня. До 10 утра я делал домашние задания и спешил в библиотеку к открытию. Читал до 13³⁰ и потом неся в школу. Дома читал часами лежа или во время еды. Однажды прочитал 600 страниц Дюма за один день. Что в этом хорошего, кроме сиюминутного удовольствия, не знаю. Единственный вывод: чтение лежа зрение не портит. То ли под влиянием книг, прославляющих человеческое совершенство, то ли от унаследованного от папы снобизма, я начал относиться иронически к окружающим, в

частности к мои соученикам, не проявлявшим совершенства (откуда ему быть в таком возрасте?!). Мои иронические замечания породили сдержанность во взаимоотношениях. Наглядно это проявилось в 10-м классе. По настоянию родителей я, наконец, подал заявление о вступлении в комсомол - коммунистический союз молодежи. В комсомол надо было поступать, так как не комсомольцев в институты, как правило, не принимали. К этому времени большинство моих соучеников уже стали комсомольцами. На классном комсомольском собрании за мой прием в комсомольцы голосовали далеко не все мои одноклассники. И вовсе не из политических соображений (если бы тогда знали, что у меня будут выговор и выговор с предупреждением, а потом вообще исключат из комсомола, вряд ли кто стал бы голосовать за мой прием в комсомол). В комсомол я вступать не хотел. Надо было заполнить анкету с вопросами о социальном происхождении родителей. Писать о папе, сыне заводчика и домовладельца, без обмана было нельзя. Мама из мещан – социального сословия, презираемого большевиками. Наверно был вопрос, есть ли родственники за границей. По всем статьям я не подходил в комсомольцы, и жизнь доказала это. Не только мой отец, но и я оказался недобрым буржуем.

Продолжаю о чтении. Позже я начал читать научно-популярные книги по астрономии, математике, геологии, биологии. Больше всего меня привлекли астрономия и биология. Я даже сделал телескоп из двух линз для очков, купленных в аптеке. Когда меня на уроках спрашивали учителя, оказывалось, что я знаю и внепрограммный материал. По социологии популярных книг не было. Тем не менее, мне удалось прочесть воспоминания Керенского - премьер-министра временного правительства, низвергнутого большевиками. Поразительно, что Ленин и Керенский учились в одной и той же школе-гимназии в г. Симбирске. Ничего не помню из этой книги, кроме фразы "Революционер чуть ли не с пятилетнего возраста". Книга была издана где-то в 1923-25 гг. Тогда еще не было строгой большевистской цензуры. Эта фраза перекликалась с моим высказыванием о Пасхе, как о празднике и для советской власти, если бы она знала, какие вкусные вещи бывают на Пасху. Мне тогда тоже было не более шести лет. У Алика Колесниченко я увидел дореволюционные книги и мне открылось, что у России бы-

ла история и до советской власти. До этого школьные знания о дореволюционной России ограничивались упоминанием царей и войн, ведших к расширению ее владений. Если Россия расширяла свои границы, это считалось прогрессивным событием. Расширение границ Британской империей учебники называли колонизаторством. В моей голове это не укладывалось. Мне была непонятна злобная хула Троцкого. В тот период ожесточенного красного террора я спросил учителя истории: "Были ли у Троцкого заслуги перед революцией?" Ответ был очень краткий: "Были". Как им не быть, если он считался создателем Красной Армии, был народным комиссаром военных дел (Наркомвоенмор) и командовал Красной Армией во время гражданской войны. Вопрос был достоин ученика, условно переведенного из D-класса. Верну себя обратно в D-класс. Тем не менее, учитель похвалил мой стиль контрольных письменных работ по истории за лаконичность и освещение основных моментов. Ставил он мне пятерки до тех пор, пока я не сказал ему, что я не знаю историю на пятерку. Не помню, чем мое поведение ему не понравилось, и он пригрозил мне арестом с политическим обвинением. Я понял, что сидеть мне в A-классе нужно тихо.

И я сидел тихо. Но замахнулся благодаря интересу к астрономии на святую святых - большевистское мировоззрение. Согласно коммунистическому представлению о мироздании Вселенная бесконечна. Этим устраняется идея Бога. Доказать обратное - конечность Вселенной, раскинувшейся на миллионы и миллионы световых лет, казалась невозможным. Исходя из представления о бесконечности Вселенной, можно придти к выводу о повторяемости солнечных систем, подобной нашей, и о существовании жизни на некоторых из них. Это допускалось теорией и даже радовало большевиков. Дальше я двинулся без большевиков. Пользуясь той же логикой, можно утверждать, что в мире бесконечности каждое явление повторяется многократно. Так существует множество солнечных систем таких, как наша, существуют Земли с такой же географией и такими же биологическими видами, как на нашей Земле. Есть Земли с таким же социальным устройством, с таким же календарным летоисчислением, короче говоря, абсолютный двойник нашей Земли и с таким же, следовательно, Марой Гольбергом. А так как любое явление множественно, то у меня не двойник, а миллионы копий: и моего возраста, и с первого до последнего дня

жизни (вот бы заглянуть в 7 июля 1979 г., когда я покинул коммунистический рай?!). Никому о своих рассуждениях, изображающих большевистскую науку о природе, как химеру, я почему-то не рассказал, не понимая тогда, что я высмеиваю большевистскую науку. После войны я узнал, что конечность Вселенной доказана научно Эйнштейном. Я бы написал ему о моих логически построенных в поддержку выводов, но это было опасно. Переведу себя мысленно в класс А, к моим соученикам, из класса D, но с правом обратного отчисления в D-класс.

Когда в школе создали математический кружок и бюро докладов, я предпочел бюро докладов. Ни в моей натуре оказалось быть в школе, а в будущем и на работе, вне часов обязательного нахождения. Действительно, свобода начинается, когда выходишь из рамок обязательности. Сделал доклад, кажется, по астрономии, длиннющий, отняв время как у уроков, классной руководительницы и соучеников.

Шахматы любил и помногу играл с, недалеко от меня жившим, Владиком Хожилиным из параллельного, т.е. B-класса. В последствии он вырос до перворазрядника по шахматам. В то время мы играли на равных. Проигрывал только ученику из B-класса по кличке Ушко. Он был наиболее способным в B-классе. После войны его выбросили на ходу из пригородного поезда такие же как он фронтовики, ставшие бандитами (или антисемитами).

В старших классах появилось стремление к физическому совершенствованию. Начал делать утреннюю гимнастику. Прочитал брошюру с описанием системы Мюллера. И, согласно рекомендации, обливал ноги от колен холодной водой для предотвращения простуд. Зимой катался на лыжах по городу по утрам. В другое время года делал утренние прогулки. Бабушка использовала время моих прогулок по-своему: отправляла меня рано утром в центр города стоять в очереди за покупкой белого хлеба. Днем его уже не было в продаже, а в других магазинах белый хлеб продавали нерегулярно. Помню сорт белого хлеба с желтым оттенком. Он назывался кукурузным. Был вкусным, когда свежий, но быстро черствел и крошился. Физкультура государством поощрялась. Ввели нормы на получение значка ГТО - готов к труду и обороне. ГТО 1-й степени был для старшеклассников, для спортсменов - ГТО 2-й степени и для детей - БГТО: будь готов к труду и обороне. С одним

требованием я не справлялся: подтянуться на руках на турнике 6 раз. Остальные нормы я сдал благодаря длинным ногам (прыжки в длину и высоту) и здоровому сердцу (бег на короткую и длинную дистанции).

Музыка сопровождала меня в прямом смысле. Я свистел, идя в школу или возвращаясь домой со школы. Настенный репродуктор городской радиосети не выключался. Передачи были в основном музыкальные - из областного города. Надоедал игрой на баяне слепой баянист Сычев. Когда в Артемовск приехала на гастроли областная оперетта, родители дали мне возможность посмотреть все представления. Только мои родители.

В школе была пионерская комната с лозунгами и плакатами агитационного содержания и, наверное, бюстом Ленина. Комната привлекала радиолой. Под музыку из радиолы мы танцевали обычно фокстроты и танго на больших, 30-минутных переменах. Я никогда не упускал возможность потанцевать. Так мое первое детское желание стать танцором не прошло бесследно. Как-то Шура Разуваева учила меня какому-то танцу в классном помещении и после того, как прозвенел звонок на урок. Преподаватель истории - директор школы вошел в класс и пронзил нас гневным взглядом. Не часто учителя, придя в класс, видят ученика и ученицу в обнимку! При всей моей любви к танцам на танцплощадку я не ходил. Принципиально. И не изменил принципу, когда он подвергся серьезному испытанию. После пяти лет служения в армии, т.е. нахождения в обществе исключительно мужчин. Детский заскок!

Вечерами летом мы стайкой ходили, как многие молодые люди, по центральной улице. Шутя называли улицу Гапкиштрассе. Гапка - нарицательное пренебрежительное украинское женское имя, штрассе - нем. улица. Слово это было известно всем, так как единственным иностранным языком в школе был немецкий. Его преподавали, чтобы читать в подлиннике "Капитал" Маркса. Абсурд, если вспомнить, что даже Ленин в свои юные годы в прошлом веке мог читать русский перевод "Капитала".

Страна оказалась накануне войны. Когда Германия решила подготовить 75 тыс. летчиков, Советский Союз ответил намерением обучить 150 тыс. летчиков. Мой одноклассник Сазонов после окончания 8-го класса поступил в военное летное училище и через два года пришел в школу покрасоваться в новой форме военного

летчика, еще трое моих одноклассников учились летать в городском аэроклубе.

Когда началась вторая мировая война (большевики не стали называть ее империалистической, как называли первую мировую войну, потому что в результате приобрели территорию, большую, чем любая другая страна из союзников), СССР вместе с Германией захватил Польшу согласно тайному сговору. Мы, ученики, никогда не видевшие друг у друга (или не замечавшие) обновок, стали свидетелями появления одежды с толстыми ватными подплечниками польского производства, казавшейся нам последним криком моды. Все приобреталось в оккупированной Западной Украине и Белостокском воеводстве за малые деньги и даже на облигации Государственных займов, не имеющих никакой цены, у несведущих людей. Польские товары были не для нас. В магазинах исчезла обувь. Летние тапочки стала шить ремонтная обувная мастерская. Потребность в тапочках была велика, а производственные возможности ограниченные. Поэтому нужно было ждать в очереди несколько месяцев, чтобы заказать, а потом опять ждать, когда сошьют тапочки. Регулярно по утрам, затемно, потому что очередь была большой, делали перекличку. Не пришедших на перекличку три раза вычеркивали из списка очередников.

Началась затяжная война с крохотной Финляндией с населением около трех млн. человек. Провал молниеносной войны, на которую рассчитывали, как в 1904 г. в войне с Японией - "шапками закидаем" - объясняли мощной оборонительной линией Маннергейма. Я недоумевал, для чего финны построили военные укрепления на границе: чтобы нападать или защищаться. У Франции была оборонительная линия Мажино. У Германии не было пограничных военных сооружений. Германия напала на Францию. При всей серьезности ситуации в Европе - война Германии с Англией и Францией - и в Азии - война Японии с Китаем - мысль о возможности вовлечения СССР во вторую мировую войну как-то отстранялась сознанием. Приятнее было слышать, как наркоминдел В.Молотов в выступлении перед депутатами Верховного Совета заявил, что обстановка в Европе изменилась, так как Германия не хочет продолжать войну. Агрессором стала воюющая с Германией Англия. На Востоке Красная Армия нанесла сокрушительный удар японцам, когда они попытались вторгнуться в подвассальную Советскому

Союзу Монголию. Народ успокаивали, но к войне готовились. Председатель Совета Министров подал в отставку де по состоянию здоровья, но получил пост наркоминдела и потом пережил на 20 лет заменившего его на посту Председателя Совета народных комиссаров И. Сталина. Началась тихая мобилизация в армию старших возрастных групп. Мобилизовали отца одной из моих соучениц в младших классах. Однажды Рима Кречмер, секретарь комсомольской организации школы, идя из школы домой, доверительно сказал мне, что знакомый его родителям пропагандист, - конечно, коммунист, - сказал, что разочаровался в "Кратком курсе ВКП(б)" - настольной книгой коммунистов, обязательной для изучения всеми, начиная со школьной скамьи. Книга была написана по заказу Сталина, под его редакцией и с его авторством. Рима был всю жизнь - и теперь тоже - очень осторожным. Так мог сказать человек, в чьем доме советский строй не считался благом для семьи. Когда его родители взяли дочь врагов народа на воспитание, это уже было протестом, иначе Майю бы сдали в детдом.

Выступления Сталина, опубликованным в печати, всегда сопутствовала ремарка "раздаются бурные аплодисменты. Все встают". Когда подобные сообщения зачитывались в классе, Вова Секирков, сидевший за мной, неизменно после слов "все встают", тихо добавлял: "и уходят". Не хотели больше слушать?! Одного ученика из параллельного класса арестовали в школе. Причину ареста нам не сообщили. Арестовала милиция.

ЛЮБОВЬ

К окончанию последнего, десятого, класса ко мне пришла любовь. К соученице по классу, как у всех одноклассников, ближе всего ко мне живущей, как у папы - к соседке-маме. Я мог бы полюбить и других соучениц, но с моим инфантилизмом опоздал, их "разобрали" другие соученики. Нина жила в двух кварталах от меня и нам было по пути. Нина появилась с мамой в Артемовске после ареста отца. Мама преподавала русский язык в какой-то украинской школе, старший брат был курсантом военно-морского инженерного училища в Ленинграде. Как он, сын "врага народа", мог быть принятым в военное училище, непонятно.

Я не умел признаваться в любви (и не научился). Нина не решила быть первой. Майя В., подруга Нины, стала нашей пос-

редницей. После переговоров через посредницу, состоялось наше первое свидание. Вечером, у Нины во дворе, на скамейке перед домом. Я нес какую-то чепуху об обращенной и никогда не обращенной к Земле половинах Луны и отождествлял себя, конечно, с обращенной к людям половине Луны, а Нину - с холодной, мрачной половиной, не называя наших имен. Если бы я сейчас мог сопоставить смысл моих сентенций, обращенных к Нине, и мой лепет, когда Боря Грумберг фигурировал как Люмбец, отличие было бы небольшим. Нина не утруждала себя анализом моих высказываний. Нине достаточно было видеть и слышать меня. Нина была шатенка с карими, пожалуй, широко расставленными глазами, что довольно редко в России. У нее были красивые ноги, как сказал Алик Колесниченко и определил их: "бутылочки". Я видел ее красивые руки. Подобно некоторым девочкам, Нина вела дневник и вскоре прочитала его мне. Я был очень насторожен и ждал, когда в дневнике появится какой-нибудь мальчик. Тревога была напрасной. Никому места не нашлось. И мне тоже. Наши отношения складывались очень гармонично вопреки моей негибкости, неуступчивости и нетерпимости к тому, что не по мне, как я теперь могу сказать о моей молодости. Нина ничего этого во мне не замечала или не давала возможности проявиться.

Приближался период выпускных экзаменов. Я решил стать врачом. Единственной возможностью учиться в институте, для меня было поступление в военно-морскую медицинскую академию, где не нужно было платить за обучение. Мои документы ушли через военкомат в Ленинград. На последнем уроке в школе, сознавая, что наступил неповторимый момент в моей жизни, я привстал за партой и обвел взглядом весь класс, стараясь запечатлеть в памяти, что видел изо дня в день и никогда не увижу после звонка.

К экзаменам я готовился с Ниной, конечно, без должного усердия. Экзамен по немецкому языку, к моему удивлению, сдал на «3». Наверно, и по украинскому языку не лучше, так как в аттестате зрелости у меня тройки по украинскому языку. Интересно, как учил украинский язык Витя Чумаков, сказавший на последнем уроке украинского языка учителю: "Скажите Павло Тычине, чтобы он больше не писал стихи". Тычина перестал писать стихи, он стал Министром культуры. Нас обязывали заучивать такие стихи Тычины: "Нам своє робить: Всіх панів до дної ями, буржуїв за буржуями

будем, будем бить, будем, будем бить". Кому могут принадлежать такие слова, поэту или садисту? Поэт не позволит себе рифмы из глагольных окончаний.

Наш выпуск был первым для школы, и его решили отпраздновать необычным способом - вечерним столом для учеников, родителей, педагогов и представителей стекольного завода - спонсора школы, давшего деньги на проведение выпускного вечера. Готовясь к нему, я с Римой К. пошел куда-то за тарелками. На обратном пути нас застал такой ливень, что по тротуару нельзя было идти, не поскользнувшись и не упав. Мы шли по дороге, местами по колено в воде. И посуда и мы уцелели.

Выпускной вечер был радостный, и настолько головокружительный, что от него в памяти ничего не осталось, кроме времени возвращения домой - где-то около трех часов ночи 22-го июня 1941 г. В 12 часов дня я проснулся или меня разбудили, и я стал слушать сообщение наркоминдела В.Молотова о том, что началась война. С бомбежки столицы Украины Киева и других городов. Немцы бомбили аэродромы, в то время, как мы танцевали.

Что такое война, я себе не представлял и не задумывался, как и многие другие. У меня для этого была еще одна причина. Нина. Жизнь моя была заполнена Ниной, и мы все время проводили вместе. Днем готовились к вступительным экзаменам: Нина в Харьковский технический институт, я в Ленинградскую академию; вечером, а когда мама Нины уехала куда-то на три дня, и ночью - целовались (какая выносливость!). Война шла мимо нас. Временно. Серьезность войны я почувствовал, когда поехал в соседний город Краматорск, где был большой сталелитейный завод, чтобы встретить бабушку, прервавшую свою поездку в Москву. Перрон вокзала был пустынным. Всюду висели призывы трудиться больше. Один из них гласил: "Зальем глотку Гитлера сталью". В Артемовске открыли военный госпиталь. Один из Артемовских врачей - отоларинголог - стал военным врачом в этом госпитале. Очень необычно быть призванным в армию и остаться в том же городе. Меня вызвали в военкомат и вместе с другими допризывниками послали на медицинскую комиссию. Медицинский осмотр в числе других докторов проводил доктор Махлин. Как он потом сказал маме: "Не к чему было придраться". Его сочувствие понятно. Я родился одновременно с его сыном. Наши первые детские годы прошли вместе.

Потом я приходил к Грине, когда они уехали в свой дом. И в довершение, доктор Махлин женился бы на моей тете Фриде, если бы он был ей по душе. Так мое хорошее здоровье спасло мне жизнь: я не остался в Артемовске, оккупированном через два месяца немцами. В военкомате мне сообщили, что в числе трех других, меня направляют учиться в Куйбышевскую военно-медицинскую академию.

БАБУШКА

Бабушка вернулась из Москвы в Артемовск на свою погибель. Не захотела остаться в Москве у сестры. Сказала, что ее место с дочерью. Знаю, что девичья фамилия бабушки Бережинская, что мне дали имя ее отца, что в семье были еще две сестры, жили в бедности и, кажется, какое-то время были на воспитании в семье родственников. Сестры были очень дружны, и дружба выдержала испытание временем и трудностями революционных и послереволюционных лет. Бабушка была замужем за бедным конторским служащим. У них было трое детей. Наум Корецкий не смирился с бедностью и решил искать лучшей доли в Америке. В 1911 г. он уплыл в Америку. Через 2 года прислал шиф-карту (пароходный билет) 14-летнему сыну, и тот уехал в США. Бабушка с мамой жили у Маневичей и с ними переехали в Артемовск. В Америку без мамы бабушка не захотела ехать и осталась в России. Когда бабушка появилась у нас, не помню. Кажется, она всегда была с нами. У нее не было знакомых, она никуда не ходила. Говорила с нами исключительно по-еврейски. Благодаря ей, сестра Ира и я знали идиш. Мы называли ее Ба-а. Мы, дети, всегда были с бабушкой. Из ее рук получали еду и вишни поштучно, чтобы было поровну. И шоколадные конфеты, которые прятали от меня (безуспешно). Бабушка защищала меня от маминого рукоприкладства. Уже в Артемовске я осознал, что бабушка мне ближе, чем мама. Людей она делила на евреев и гоев. Гой не враг, но добра от него не жди. Какой иной могла быть философия еврейки из гетто прошлого века? Мою любовь к русской Нине бабушка не могла одобрить, как потом не одобрила сестра Берта Маневич женитьбы сына Мары на русской женщине во время войны в Куйбышеве. Но бабушка ничем не выдала своего неодобрения. Жизнь очень быстро подтвердила правду деления людей на евреев и гоев. Руками гоев немцы унич-

тожили папу, маму, сестру и бабушку. Намять о бабушке - Хае Марковне Корецкой - переживет меня.

В ПУТЬ

На перроне вокзала остались плачущая мама, папа, Ира, Нина. Я покидаю семью навсегда. Кто я? Что я? От деда я унаследовал рост, общение с ним и его знакомыми зародило недоверие к социальному строю. От отца я застенчив, люблю музыку, высокомерен. Маме я обязан смуглой кожей, формой рук, внешним сходством, вспыльчивостью, непостоянством, моложавостью, сентиментальностью. Бабушке я обязан продольной исчерченностью ногтей и восприимчивостью к грибковым кожным заболеваниям. Я усидчив, люблю заниматься, не хочу быть сзади кого-либо, у меня независимый характер (сказала Лиля Иванова в 1991 г., она сидела со мной в 3-м или 4-м классе за одной партой). От кого эти унаследованные качества, не знаю. Но знаю, все досталось от родителей, а им от их родителей. Гордиться нечем! Я не приучен к труду ни дома, ни в школе. Передо мной никогда не ставили достижимые цели. Мне неизвестны самодисциплина, организованность. У меня не было ни радости побед, ни горечи поражений, разве что в шахматы. Я не знал ничего о добре или зле, или не замечал их. Я не знал, как опасны люди, взращенные в убожестве. Таким был я, покидая Артемовск 3 августа 1941 г. за 80 дней до моего совершеннолетия.

Я с тремя другими абитуриентами, едем по направлению городского военного комиссара в Куйбышев. На покрытие расстояния между Артемовском и Куйбышевом, составлявшим примерно 1000 км, или 800 миль, потребовалось три дня. Ехали с двумя пересадками. На первой пересадке вместе с другими пассажирами брали штурмом свободные места в пустом вагоне формировавшегося поезда. Я не стал обгонять моих спутников, чтобы занять свободную полку вагона. Мне полка не досталась. Не беда, у нас три места на четырех. Так думал я, но не они. Позже Фима Вольман, выпускник Тимирязевской школы, предложил мне лечь к нему на верхнюю, багажную полку. Так мы провели ночь вдвоем на полке шириной примерно в один метр. Я лежал, конечно, у свободного края, к чему-то привязавшись поясным ремнем. При толчке вагона я мог бы упасть плашмя с высоты примерно двух метров. Вторая пересадка была в поезд с беженцами. Их официально назы-

вали эвакуированными (большевики любили иностранные слова: посаженных в тюрьму не называли арестантами, для них подыскивали заграничное слово - репрессированные, а когда признали невиновность жертв, замученных и выживших, стали называть реабилитированными). В газетах о беженцах ничего не писали, скрывая правду о войне. Вагоны поезда были переполнены. Люди сидели на чемоданах в проходах. Было много киевлянок. Одна девушка оставила мне свой киевский адрес для встречи после войны.

В Куйбышеве на вокзале нас встретил представитель академии, и мы приехали в административное здание, бывшее до революции 1917 г. пересыльной тюрьмой. Если каждый пассажирский поезд в Куйбышеве встречал представитель академии в течение нескольких дней, то сколько абитуриентов должно было приехать сдавать вступительные экзамены? Артемовск, один из заурядных районных центров Донецкой области, послал 4-х человек. Скольких послали Киев, Минск, Москва, Ленинград и другие областные центры, не говоря о множестве районных центров, подобных Артемовску. Естественно, что отбор был строгий. Всех моих спутников не допустили к сдаче экзаменов по разным причинам. В том же административном здании я жил и сдавал экзамены. В комнате, куда меня поселили, было примерно 15 кроватей. Соседи по комнате быстро исчезали, их место занимали другие, тоже на короткое время. Они уезжали домой после первого несданного экзамена. Когда закончилась экзаменационная сессия, я обнаружил, что пропустил экзамен по русскому языку. Я пришел к начальнику приемных экзаменов, командиру с тремя "шпалами" в петлицах, и попросил литер - документ на обратную дорогу в Артемовск, так как пропустил экзамен по русскому языку. Он посмотрел на мой экзаменационный лист с отметками. Там была одна четверка - по физике, остальные пятерки. И предложил подождать. Через день или два меня вызвали на заседание приемной комиссии. Мне задали несколько вопросов, в том числе и об отце. Я сказал, что революция прервала его обучение на доктора в Петербурге. Что еще спрашивали, не помню. Наверное, мои ответы послужили эквивалентом знания русского языка, я был принят в слушатели академии. По-видимому, я не был так уж рад, как должен был бы быть, так как не послал телеграмму родителям. Я стал чуть ли не жертвой моей неорганизованности, пропустив экзамен по русскому языку: если

Оы я вернулся в Артемовск, меня постигла оы судьба моей семьи.

Итак, я слушатель первого курса медицинской академии. Мне выдали солдатские яловые сапоги и командирскую форму без знаков различия, но с петлицами зеленого цвета - цвета военно-санитарной службы Красной Армии.

В актовом зале анатомического корпуса на вступительной беседе начальник академии с двумя ромбами Вилесов сказал, что программа обучения на военного врача рассчитана на три года и нам предстоит изучить 42 предмета. Затем выступил комиссар академии с одним ромбом в петлицах Капцураж и сказал, между прочим, что на каждое из 300 мест (точно не помню) претендовало не менее 10 выпускников средней школы. Потом я понял, что это неправда. Часть мест получили дети высокопоставленных лиц, например, Председателя Красного креста и Потумесяца Митерева, директора института переливания крови в Москве Багдасарова, начальника известного подмосковного военного санатория Завалишина. Так что конкурс был более чем 10 человек на одно место. Начальник политотдела с 4-мя шпалами в петлицах сказал, что в зимние каникулы мы будем отдыхать "по плану политотдела", предусматривавшим какие-то развлечения.

На две недели перед учебой нас отправили в лагерь под Куйбышевом проходить "курс молодого бойца". Жили мы в палатках, спали на земле, может быть, на матрацах. Изучали винтовку, противогаз, топографию, занимались строевой и физической подготовкой. После обеда и часового отдыха изучали уставы. Особое внимание уделялось топографии. Опыт войны показал неподготовленность и в этом: командиры Красной Армии, попадая в окружение, не умели читать карту и блуждали в лесах со своими подразделениями. Физическая подготовка предусматривала бег с надетыми противогазами. Кое-кто, не я, отвинчивал гофрированную трубку от коробки противогаза, чтобы дышать свежим, нефильтрованным воздухом. Командиры, зная о такой уловке, дергали трубки противогаза, чтобы проверить - не отсоединены ли они от коробки. По утрам нас кормили перловой или овсяной кашей с плохо ободранной оболочкой-шелухой, поэтому ее называли конской кашей. Из лагеря мы вернулись пароходом. Как и в мой первый приезд, город поразил меня своим мирным видом - вечером не было затемнения, какое было в Артемовске и других городах

Украины.

Перед отправкой в лагерь нас разделили на 12 отделений, руководствуясь ростом. Я был включен в первое, отделение наиболее рослых слушателей, но при построениях был в последнем или предпоследнем ряду. Когда нас поселили в комнатах, то к "малорослым" первого отделения подселили "великорослых" второго отделения. В комнате нас было человек 18: восемь из 1-го и столько же со 2-го отделения. Не менее шести были москвичами. Были из Харькова два брата, Полтавы, Воронежа, Ульяновска. Никого из районов восточнее Волги не было ни среди моих соседей по комнате, ни среди тех, кого я знал. Командиром нашего отделения стал розовощекий, голубоглазый военный фельдшер, служивший в Монголии и потому носивший кожаное пальто. На 21 июня 1941 г. только он имел право на обучение в Куйбышевской ВМА - после 10-го класса нужно было сначала отслужить три года в армии. Война изменила планы Главного Военносанитарного управления Красной Армии. Был еще один "полноправный" слушатель: Агафонов, 36 лет - непроходимый дурак. Он сидел за одним столом со мной и говорил только о вкусной еде. Служил он в охране академии, и каким-то образом был принят в слушатели. Начальником курса был командир с двумя "шпалами" в петлицах. Его заместителем, точнее комиссаром, был невзрачный и неумный политработник с одной "шпалой". Его мы презрительно называли "как грицца", что в нормальном произношении значило "как говорится". Этот вариант был част в его выступлениях, и мы были достаточно образованы, чтобы видеть его малограмотность. Начальник курса был головой выше комиссара, но тоже допускал ляпсусы. Выступая перед курсом с инструктажем, как надо себя вести, когда стоишь у входной двери академии и проверяешь пропуск, будучи дежурным, он сказал, что "дежурный должен функционировать в качестве функционера". "Как грицца" был незлым человеком, понимал, что имеет дело с образованными, умными ребятами. Но мы тогда этого не знали. И внешнее часто принимали за сущность. Начальника курса мы уважали, видя в нем строгого и справедливого командира. "Как грицца" много раз говорил, что просится на фронт, и его просьбу к концу учебного года удовлетворили.

Всякий раз, говоря о должностных лицах, я упоминаю их воинские различия. Так нас приучили, и это осталось прочно в

памяти.

В сентябре нас начали вызывать небольшими группами в ателье по пошиву шинелей для снятия мерок. Когда шинель была готова, при первой возможности прошелся в шинели по городу с окаменевшей спиной и задранным кверху подбородком.

Утром нас поднимали по сигналу и отправляли на зарядку. Бывшая тюрьма была окружена домами, поэтому места для зарядки не было. Ничего, кроме бега по городу, придумать было нельзя. Мы бегали в военной форме, но без поясного ремня. Бегали по разным улицам, в том числе по улице с трамвайными рельсами. В дождь зарядка отменялась.

Занимались мы в трех местах. Кафедра иностранных языков была в центре города. Ближе к общежитию был анатомический корпус. В противоположном направлении, на окраине города, находился госпитальный городок, куда мы обычно ходили во вторую половину дня, после обеда и часа отдыха. Когда мы ходили в госпитальный городок утром, то проходили мимо хлебозавода, откуда воздух приносил запах свежее испеченного хлеба. Кто в мире знает, чему свежий хлеб обязан таким ароматом? Не все пекари, но мы, будущие врачи, знали. Фурфуролу. Ходили мы в строю молча, быстро. Было время, о чем подумать. У меня тоже, но меньше. Я занимался дыхательной гимнастикой по системе Мюллера: выдох вдвое длиннее глубокого вдоха, 4-6 шагов вдох, 8-12 шагов — выдох. 8 шагов на выдох легко, 12 шагов - трудно. В один из переходов по обычному маршруту я увидел на тротуаре смотрящего на нас, идущих строем по дороге, Милю Турчина, тогда 13-летнего мальчика со двора, где я в Артемовске играл в волейбол. Мы узнали друг друга, но выйти из строя было невозможно. До сих пор помню вопрошающий взгляд его больших серых глаз. Встретился мне и другой житель Артемовска. В академии ускоренную подготовку проходили студенты четвертого курса медицинских институтов. Из них за один год готовили врачей по программе 4-го и 5-го курсов мединститута с некоторыми военными дисциплинами. Одним из них был бахмутчанин. Помоему, самый красивый молодой человек в Артемовске. Типа Печорина, как мы его представляли по кинофильму тех времен. Для них, бывших студентов мединститутов, такой формы, как у нас, первокурсников, у государства уже не было. В административном

же здании провела две ночи Софья Израилевна Французова, свекровь моей тети Лиды, с внуком. Она иногда приглашала меня с Ирой к себе и угощала какао. Куйбышев был для нее пересадочным пунктом на пути эвакуации куда-то на восток. Академия оказывала содействия семьям военных врачей высокого ранга, предоставляя ночлег. Ее брат был профессором Киевского мединститута в звании полковника медицинской службы, сын - тоже военным врачом. Однажды меня отрядили отправить чемоданы на вокзал медицинского генерала академика Павловского, известного открытием клеща - переносчика таежного энцефалита. Вирусной природы болезни тогда еще не знали. Он уезжал в Ташкент со своим сыном моего же возраста с редким по тем временам узкоплечным фотоаппаратом ФЭД (Феликс Эдмундович Держинский - первый глава заплечных дел мастеров, сокращенно не ЗДМ, а НКВД). Благодарности от генерала я не услышал. Генералы принимают услуги рядовых как должное. В России.

Я получал письма от мамы, папы, Иры, Нины. С Ниной договорились, что обойдем цензуру (все письма проверялись) тем, что Нина будет ставить точки над буквами, из которых я составлю предложения. Так Нина сообщила о неверии людей в способность Красной Армии остановить продвижение немцев до Урала. Сознавая неизбежность захвата немцами Артемовска, Нина сообщила адрес тети. Я написал письмо ее тете и подписал его женским именем - Мария. Стеснительность у меня от отца: у меня сохранилось его открытое письмо, подписанное Гольберг, вместо папа. Когда я пишу письма детям, испытываю неловкость, подписывая словом папа, и вспоминаю с улыбкой папину открытку. Ему тогда было 49 лет, мне на 20 больше теперь. В октябре письма перестали приходить. В Артемовск немцы вошли 3 октября 1941 г. - через два месяца после моего отъезда. В газетах о захвате Артемовска сообщений не было.

Занятия в академии были с утра до примерно 2-х часов и с 5 до 8 вечера. Заниматься самостоятельно после 8 вечера было утомительно и, наверно, непродуктивно. Мы переутомлялись и кое-кто засыпал на лекциях. Однажды профессор физиологии, окающий волжанин, приказал заснувшему Зяме Дубовицкому, соседу по комнате, встать и сесть несколько раз. Дубовицкий послушно исполнил приказание. Его лицо залилось краской от стыда. Мы и Зяма вос-

приняли действие профессора как наказание. В действительности, это был способ разогнать сонливость. Один из слушателей, чтобы его не заметили спящим с закрытыми глазами, нарисовал глаза и вставил их в оправу за стеклами очков. Его искусство было обнаружено.

У меня открылось хобби: я люблю стирать. Когда все отправлялись по комнатам перед сном, я брал тазик под бачком с питьевой водой в коридоре, отмывал его и стирал подворотнички и кое-что еще, развешивая постиранное на спинке кровати. По тем временам к вороту гимнастерки надо было подшивать полоску белой ткани - подворотничок примерно 5 см шириной, чтобы предохранять ворот гимнастерки от грязи. Теперь это кажется нелепым. Тогда было законом армии. Чтобы избавиться от частой и нудной работы - пришивания и отпарывания подворотничка, я сделал прорези на подворотничках для пуговиц, обметал кое-как прорези нитками, к вороту рубашки изнутри пришил пуговицы и пристегивал подворотнички к пуговицам, цель не достигалась даже сносно, так как не было плотного прилегания края подворотничка к краю воротника гимнастерки. Но от пришивания подворотничков я освободился и потому мог менять их часто.

Основным предметом первого года обучения была анатомия. Первые лекции по анатомии прочитал анатом, известный изучением поджелудочной железы. Но его вскоре уволили, потому что он был немец. После него лекции по анатомии вдохновенно читал Колесников. Его тоже военными ассистентами были Клейн и Белянский. Клейн был отправлен на фронт. Белянский остался и впоследствии стал профессором Куйбышевского мединститута, основанного на базе закрывшейся военно-медицинской академии. Белянский любил насвистывать. Однажды, услышав свист, Колесников грозно спросил: "Кто свистит в храме науки?!" Анатомия сама по себе скучна, анатомия на трупах отвратна. Однажды, в перерыве на практических занятиях, когда мы вышли подышать свежим воздухом на улицу, я сказал себе: "Это не может продолжаться вечно, будет конец". Теперь, когда я узнал, что моя дочь в американской медицинской школе с четырехлетней программой обучения учила анатомию только полгода, я понял, как нелепо было учить анатомию в течение целого года при трехлетней программе обучения на врача. Гистологию преподавал известный изучением эластического

остова артерий профессор. Он не выговаривал букву "р", и когда нужно было сказать слово "перерыв" после первой половины двухчасовой лекции, говорил: "Пауза". Не по душе мне были физика, неорганическая и органическая химия. Интересной была биология, несмотря на необходимость делать зарисовки.

Наступила пора полугодовых экзаменов. На подготовку к экзамену дали по два-три дня. Когда закончились экзамены, выяснилось, что у меня две пятерки и три четверки или наоборот. Так я попал в число лучших по успеваемости. Обещанных каникул нам не дали. Однажды нас отправили переносить кирпичи. Во время передачи кирпичей из рук в руки по цепочке, я сказал: "Отдыхаем по плану политотдела". Фраза стала известной начальнику и комиссару курса. Меня вызвали и сделали внушение с дееспричастным оборотом: "Несмотря на то, что Вы хорошо учитесь". Так я стал объектом доносительства. Если бы я знал об этой системе, я бы усек, кто доносчик, так как меня мог слышать тот, кто передавал мне, или тот, кто получал от меня кирпичи, и был бы менее беспечен.

Без официального сообщения, незаметно Куйбышев стал стилицей. Заведующим кафедрой иностранных языков стал бывший царский военный атташе в Париже во время первой мировой войны. Он был в звании генерала, чего не было ни у одного начальника других кафедр. Видел я его только один раз, и то на улице. Заведование кафедрой было его официальной должностью. Фактически его использовали для контактов с представителями иностранных государств, чьи посольства переехали из Москвы в Куйбышев.

Нас, слушателей, стали посылать в городскую военную комендатуру в помощь дежурным командирам по городу. Так как в их функцию входило наблюдение за общественными местами, они вечером охотно посещали театры, и мы, в шинелях с винтовками, сопровождали их. Стоять у входа в зрительный зал и смотреть вместе со зрителями на сцену было удовольствием. Но во время антракта стоять в вестибюле у стены и быть предметом внимания прохаживающейся публики было очень неприятно. Так я побывал на спектаклях Большого театра и московской оперетты.

В городе ввели затемнение, значит, Куйбышев перестал быть глубоким тылом. На случай воздушного налета каждому определи-

ли обязанности. Мне и Коле Басову поручили по тревоге подниматься на крышу, чтобы сбрасывать на землю неразорвавшиеся и зажигательные бомбы. Однажды ночью нас всех послали на окраину города проверять документы у мужчин в домах, чтобы изловить дезертиров. Послали на окраину, где жили преимущественно рабочие. Там вероятность поимки дезертиров, значит, была большей. Расчет был правильный: на окраине города нежелающих защищать завоевания Октября больше, чем в центре. Дезертиры нам не попались.

Перед празднованием 25-й годовщины октябрьского переворота 1917 г. - 7 ноября нас, на несколько дней, освободили от занятий для подготовки к параду. Мы маршировали почти целыми днями. Однажды к нам приехал начальник Главного военно-санитарного управления Красной армии Смирнов, впоследствии министр здравоохранения СССР. Он собрал нас в круг и сообщил что-то интересное для нас в то время. Но большее впечатление на нас произвели не слова, а его сапоги - не блестящие как начищенные сапоги у наших военачальников. Кто-то из слушателей сказал, что они шевровые. Подготовке к параду придавали очень серьезное значение. Так, на занятиях мы могли видеть заместителя начальника тыла Красной армии. У него все канты на шинели были красного цвета - показатель высокого чина. Накануне парада была генеральная репетиция ночью. Командовал Ворошилов. У него был зычный голос и красное лицо. Других достоинств за ним не знаю. Его женитьба на еврейке - достоинстве оспоримое. Перед парадом нам выдали красивые по тем временам зимние шапки. После парада их отобрали. Для парада нас построили не в таком порядке, как во время подготовки. Того, кто был в очках, поставили в дальний от трибуны фланг. Смотрите, какие мы здоровые! Без изъяна! Так я во второй раз участвовал в показухе. Первый раз в пионерском лагере под Москвой, когда нам выдали и потом забрали белые летние испанки, а во вторую показуху - зимние шапки. Шапки по сезону, для показухи сезонов нет.

В конце 1941 г. или в начале 1942 г. нам зачитали приказ Сталина № 220. В нем сообщалось о потере территории с населением в размере 60-70 млн. человек, металлургической и угольной базы европейской части страны. Дальнейшее отступление на восток представлялось невозможным и, чтобы его предотвратить, Сталин при-

казал разместить позади боевых порядков пехоты войска НКВД и расстреливать из пулеметов отступающие без разрешения воинские части. Приказ Сталина был, конечно, секретным. Позже, на фронте, я видел позади пехоты солдат в форме НКВД в окопах. Они были молодые, в чистых шинелях, не то что фронтовики. "Убей немца," - был лозунг, знакомый по плакатам всем. "Стреляй в отца, брата, соседа!" - был не лозунг. Приказ! "Героическую Красную армию" должны были "вдохновлять" пулеметы за спиной, если призывы "За Родину! За Сталина!" - не помогали.

В сообществе из 250-300 18-19-летних юношей должны были быть отклонения в поведении от дисциплинарного устава. И они, конечно, были. Постоянно получая замечания, слушатель "малорослого" отделения москвич Фишер "за расхлябанность", и об этом сообщалось в назидание всему курсу. Исключили из академии после многократных дисциплинарных нарушений Багдасарова, о чем, конечно, объявили курсу. Не прошло и двух недель, как начальник курса объявил, что Багдасарова восстановили в слушатели из уважения к его отцу, директору московского института переливания крови. Сомневаюсь, чтобы для начальника военно-медицинской академии во время войны авторитет гражданского лица из далекого города значил больше, чем свой авторитет у подчиненных. Не мог он добровольно принести в жертву свой авторитет. Сработали связи на очень высоком уровне. Академия для Багдасаровых была временным пристанищем на время войны. После войны Багдасаров учился в дипломатической школе возле Красных ворот в Москве. Исключили и, конечно, не восстановили двух харьковчан Топу Зильбера и Нему Дразнина. За самовольную отлучку. Это было их первое нарушение дисциплины. Обоих отправили в пехоту. Топа стал вторым номером пулеметного расчета и, значит, носил тяжелую станину пулемета. Он был одним из 3-4-х самых высоких в моем отделении. Дразнина я встречал в Москве. Один раз в магазине "Медицинская книга", второй раз на конференции, где он сделал сообщение о лечении радиоактивным йодом гипертиреоза. Тогда он был главным терапевтом столицы Белоруссии г. Минска. Как не сопоставить обращение с Багдасаровым и Дразниным.

Было и у меня нарушение: я не отдал чести молодому военному врачу, шедшему по улице с женщиной, тоже военным врачом. Ему надо было утвердить себя в ее глазах, и я дал ему повод. Он

что-то мне сказал и, не почувствовав моего раскаяния, записал мою фамилию. Комиссар курса сделал мне внушение и сказал, что наказание было бы строже, если бы моя семья не была в оккупации. Значит, комиссарам была известна судьба евреев, оставленных на оккупированной территории. Я пишу оставленных, а не оставшихся, так как в письме из дома было сообщение о том, что папа записался на эвакуацию.

Напряженная учеба не могла не отразиться на нашем здоровье. Заболел туберкулезом Петерсон, цереброспинальным менингитом - комсомольский активист. Обоих потом демобилизовали из армии. С учетом строгости медицинского отбора (бахмутчанина Вольмана не допустили к приемным экзаменам, потому что у него было расширено кольцо пахового канала, и только) появление серьезных болезней у здоровых 18-19-летних юношей - показатель тяжелого стресса. Я во втором полугодии дважды был госпитализирован.

Один раз с воспалением среднего уха, второй раз с узловатой эритемой на голени. Обе болезни навещали меня и раньше. Возвратившись из госпиталя, я узнал, что весь курс на лесозаготовках. Меня в тот же день отправили в лес. Спали в палатках на земле, в холоде. От утомления (каждому давали норму в кубометрах) и плохой пищи у меня началась диаррея, к чему я был склонен с детских лет. Был ли я в госпитале в третий раз, не помню. Пропущенные по болезни практические занятия нужно было наверстывать вечером после занятий. В один из таких вечеров, когда я был в анатомическом зале, на время погас свет. Я и трупы в это время вели себя одинаково.

Весенние экзамены я сдал хуже, чем зимние. Сказались болезни и пропуск занятий. Я получил одну тройку - по гистологии, и ни одной пятерки. В условиях военных поражений и просчетов в тылу медицинские академии стали ненужными. Куйбышевскую военно-медицинскую академию решили расформировать. Еще раньше закрыли Ленинградскую морскую военно-медицинскую академию. Однажды среди нас появился слушатель в черной форме. Это был сын председателя всесоюзного общества Красного Креста и Красного Полумесяца Митерева. Его перевели из расформированной академии. У других слушателей не было таких высокопоставленных пап, чтобы оградить своих сыновей от неудобств войны. Наш

курс разделили на три группы: одну послали в Ленинградскую военно-медицинскую академию, эвакуировавшуюся в Самарканд, Узбекистан, вторую в Свердловск, где было Киевское военно-медицинское училище, и третью - в пехотные училища. В моем послужном списке была насмешка над политотделом академии, не проявил уважения к старшим по званию, не отдав им честь, чем нарушил дисциплинарный устав, и наконец у меня была тройка по гистологии, что, вероятно, играло не главную роль. Я никогда не спрашивал Колю Басова, тоже из первого отделения, вместе со мной отправленного учиться на военфельдшера, какие у него были оценки. Почему Колю? Потому что Коля Басов лауреат Нобелевской премии по физике. Что значило для воюющей армии прекращение подготовки военных врачей медицинскими академиями, я понял на фронте, когда узнал, что в каждом немецком батальоне был доктор. В Советской армии в батальонах были фельдшера или фельдшерицы. Если несравнимы немецкая и советская медицина, то как это трагически проявилось на фронте, где врачебную помощь в Советской армии оказывали лишь после эвакуации раненых из роты в батальон, а затем из батальона в полковой медпункт, обычно на гужевом транспорте по бездорожью, тогда как в немецкой раненые получали врачебную помощь в непосредственной близости к полю боя, т.е. в судьбоносные минуты. Не знали этого те, кому предстояло умереть на поле боя от потери крови и шока, и не говорили об этом те, на ком была ответственность за подготовку военных врачей. После войны и даже раньше бахвальством о возврате советской медициной в строй 70% раненых замалчивали потери на поле боя от отсутствия врачебной помощи в критические минуты. Я уезжал из Куйбышева с зачетной книжкой, где было указано, какие экзамены и зачеты я сдал. В Куйбышеве остался один знакомый мне человек. Мара Маневич. Тот, кого моя мама нянчила, живя у Маневичей в Бахмуте. Он с шарикоподшипниковым заводом эвакуировался из Москвы в Куйбышев. От него я получил адрес Маневичей, уехавших из Москвы в Березники, дважды побывав у него в общежитии. Был у меня и адрес моей одноклассницы Майи Вайнштейн, подруги Нины. От Нины она знала, что я в Куйбышевской военно-медицинской академии и написала мне, не зная точного адреса. Письмо разыскало меня, и мы начали переписываться.

УЧИЛИЩЕ

В Свердловск мы ехали в товарных вагонах. Дорога была долгой. Киевское военно-медицинское училище разместили в здании Уральского лесотехнического института на окраине города. Первое, что с нами сделали, это отобрали в бане наше офицерское обмундирование и выдали курсантское. Мне досталась шинель образца гражданской войны 1917-1920 гг., выношенная, холодная, длинная с глубокими манжетными отворотами. Не думаю, что кому-нибудь досталась шинель хуже, чем мне. Мы стали курсантами. С учетом нашей академической медицинской подготовки обучение в училище сократили до девяти месяцев. Преподавали нам патологию (патологическая анатомия с патологической физиологией), некоторые клинические дисциплины, фармакологию, санитарно-химическую защиту - СХЗ (расшифровывалось нами как "сон не хуже занятий") и первую доврачебную помощь: остановка кровотечения, бинтование и транспортировка подручными средствами. У нас были командиры отделений – бывшие слушатели, командиры взводов – военные фельдшера в звании лейтенантов медицинской службы. Все мы составили роту с капитаном во главе, тоже военным фельдшером. Командиром отделения у меня был мужиковатый Мишка. Его имя запомнил, потому что он любил песню про Мишку. Моя неприязнь к нему была настолько явной, что когда кто-то срезал пуговицы с его шинели, на меня пало подозрение и мне приказали пришить ему пуговицы. Отмщение ему пришлось свыше. Мы спали на двухэтажных нарах. Над Мишкой спал курсант с ночным недержанием мочи. Последствия очевидны. Мне велели занять место над Мишкой. Почему у меня не было недержания мочи?!

Нехватка продовольствия в стране и, в частности, на Урале задела и нас, курсантов. В нашем рационе презренная чечевичная каша и многим ранее не знакомая репа. В прошлом остались обеденные столы на четырех человек, обслуживание официантами каждого стола, карточки на сахар, отовариваемые шоколадом из-за отсутствия сахара. По преследуемой командирами солдатской традиции, кому какая тарелка с разлитыми нами из кастрюли супом должна достаться, определяется наугад: один спрашивал: «Кому?», указав на тарелку, другой, отвернувшись от тарелок, называл имя.

Чтобы не задавать вопрос семь раз (кастрюля предназначалась на восемь тарелок) и не быть избалованным, после одного «Кому?» остальные тарелки доставались в последовательности, в какой мы сидели за столом. Недостаток в рационе витамина «С» командование пыталось уменьшить принуждением нас пить ежедневно из бочки горький экстракт порубленной хвои. Калорийную недостаточность компенсировали кто как умел: кто получал посылки (Хигер, например), кто воровал еду из чужих посылок (Поповский у Хигера, например), кто покупал хлеб (Бучинский купил каравай хлеба у меня), а кто воровал простыни на продажу. Прежде чем вынести, простыню нужно было украсть и спрятать. Начиналась игра. А крал у Б; Б, нежелавший неприятностей, брал простыню у В и застилал свою кровать. В докладывал командиру, что у него украли простыню. Командир взвода, материально ответственное лицо, один или с другим командиром взвода, тоже попадавшим в такую ситуацию, начинали перетряхивать нижние и верхние нары. Обычно простыню находили. А и Б, вероятно, всякий раз были новые курсанты. Я был более постоянен - в роли В, что сопровождалось репликой лейтенанта Пантюхова: "Опять у Гольберга пропала простыня". Я его вспоминаю с сыновним чувством - настоящий отец-командир. У него ко мне отцовское чувство однажды иссякло, но об этом потом. Открылся во мне недостаток, видимый всем с первого взгляда: я плохо мыл пол в казарме, так следует назвать вестибюль бывшего лесотехнического института, где были наши двухэтажные нары. Приходилось перемывать.

Была в училище работа, на которую рвались все - быть рабочим на кухне. Там можно было наесться до отвала. Рабочий на кухне колот дрова под открытым небом на морозе, одетый в какую-то засаленную рвань. Меня это отпугивало, и я отодвигал свое дежурство на кухне на возможно поздний срок. Но он наступил. Все оказалось проще. Большую часть времени занимала не колка дров, а легкая работа в помещении. Я, конечно, наелся до полного истощения резерва соляной кислоты в желудке.

Как солдаты, мы распевали песни, идя в строю на занятия или с занятий и, как у солдат, у нас был хор. Песни для строя были не такими, как в 20-е годы вроде "Пойдем, пойдем! За советскую власть помрем" или "Эй-эй, у-ха-ха, на поляну сели, а бандиты-дураки с голыми руками", - как пели - и я слышал - шагающие в

строю красноармейцы. Мы пели песни, например: "Если завтра война", "Там, где пехота не пройдет", "Стоим на страже всегда-всегда". Хористы пели более протяжные песни. На спевки хористов собирали в послеобеденный час отдыха. За это они освобождались от физических работ. Я предпочитал поработать вечером возле училища на выгрузке из железнодорожных вагонов бревен для топлива и иметь послеобеденный отдых, чем шипеть вместе с хористами песни. Они пели, я работал. Искусство требовало жертв, и я покорился необходимости: работать за людей, служащих искусству. Никто, даже я, не оценил мою жертву. Козел Хигер, где ты?! Возвращаясь к прошлому, добавлю, что тех, кто уклонялся от работы, называли сачками. Была, однако, работа, обязательная для всех: - ночная погрузка на товарной железнодорожной станции тяжелых реактивных снарядов, то ли "Андрюша", то ли "Ванюша".

В длительную уральскую зиму невозможно без лыжного кросса. Закон сохранения энергии проявил себя наглядно во время десятикилометрового кросса. Мы срезали дистанцию, когда она проходила через лес, до показателя времени мирового рекорда. У всех нас уже был опыт, приобретенный в Куйбышеве. Там, на лыжном кроссе, я оказался в числе последних двух человек, когда уже свернули плакат с надписью "Финиш" и никого из слушателей уже не было. Я ходил на лыжах в Артемовске и не думаю, что был самым худшим лыжником среди слушателей. В Свердловске я использовал "нужную" лыжню. Больше кроссов не было к нашему удовольствию и к удовлетворению начальства - мероприятие проведено! С уральской стужей мы познакомились, когда ходили с окраины города на занятия в городские больницы и на практических занятиях по оказанию первой помощи. На одном из занятий мерзла с нами в 30-градусный мороз молодая женщина-врач. Ей, наверное, было хуже, чем нам. Мы постукивали ногу об ногу или хлопали себя руками, ей надо было говорить, поправлять нас и не показывать виду, что ей холодно. В городской терапевтической больнице к нам относились с сочувствием и в классной комнате давали поспать. Помню виденный там радикальный метод лечения отека легкого: преподавательница сделала на спине пациента крестообразные разрезы и поставила на них медицинские банки для отсасывания крови - "кровососные банки". Это было зимой 1942-43 гг. Сейчас, в 1993 г., я каждый день вижу по рентгенограммам, как успеш-

но лечат отек легкого у сердечных больных доктора, наверно, не знающие о существовании в прошлом такого метода. Преподавательница терапии была кандидатом медицинских наук. Главный врач был доктор медицинских наук - редкие для тех времен ученые звания. Тогда они не давали материальных преимуществ, так что евреям преграды в науке не ставили. Оба терапевта были "еврейской национальности", так предпочитают нас называть теперь в России.

Была у нас караульная служба. Посты были подвижные - охрана нескольких объектов, близких друг от друга, и неподвижные - у входа в овощехранилище, у знамени училища. Все было бы неплохо, если бы не холодная зима и новый распорядок: 12-часовое, вместо 8-часового, стояние на посту в течение суток. Нововведение определялось нехваткой "живой силы" в армии. Для училища не имело значения: пропустит ли курсант три или четыре учебных дня за год... большая ли разница?! Придя после двухчасового стояния или хождения с мороза в теплое помещение, бороться со сном было невозможно. И мы тотчас засыпали, а не ждали, когда металл винтовки образца 1891 г. отпотеет и ее можно будет почистить. Если винтовку оставить нечищенной, металл, оттаяв, покрывается красноватым налетом ржавчины. Так случилось с моей винтовкой. Лейтенант Пантюхов, придя в караульное помещение, обнаружил мою "покрасневшую" винтовку, а меня спящим. Тут же он наложил максимально возможное в его чине взыскание - трое суток ареста с содержанием на городской гауптвахте. Вероятно, была и другая причина. Ходить два часа на морозе было трудно. Хождение на подвижном посту давало возможность забежать в котельную погреться. Кроме того, у часового на подвижном посту была возможность проникнуть в овощехранилище с разрешения часового у входа, взять картофель и отнести его в котельную, где кочегар сварит картофель. Проверяющие часовых знали эту механику и пытались нас изобличить. Мы, убежав из котельной, пытались доказать, что мы де делали обход, поэтому проверяющий не мог нас видеть. Это, конечно, было шито белыми нитками. Вот почему лейтенант Пантюхов наказал меня, часового на подвижном посту. Гауптвахта была настоящей тюрьмой. Камеры были на четырех человек с откидывающимися к стене спальными местами, чтобы не спать на них ни минутой больше после шести часов утра. Горячую еду давали

один раз в день. Днем мы работали на заводе, перетаскивая металлические чушки. Собственно говоря, это был не завод, а фармацевтическая фабрика. Какое отношение к химии имели металлические чушки, не знаю. Когда все работницы кончали обедать, нас приводили в столовую и давали тарелку супа - воду с плавающим листочком капусты. Приводили и уводили нас на работу под конвоем. Арестант! Вернулся я с гауптвахты не один. Со вшами. То ли Пантюхов понял, что погорячился с наказанием, то ли мой вид пробудил у него жалость ко мне, встретил он меня сочувственно. Сейчас я тоже чувствую жалость к себе того времени. На Пантюхова я не сердился. Когда в 1948 г., будучи в Киеве, я пришел в училище за документами, то видеть хотел только Пантюхова. Но его уже не было в училище. Демобилизовался и уехал куда-то на север. Гауптвахта - слово немецкое, в России ее давно окрестили "губа". И слово свое, и вши свои, отечественные.

Были у нас две военные игры, зимой и весной. Что за игры - не помню. Помнится другое. Зимняя игра проходила на территории, где занимались пехотинцы, и нам довелось видеть мордобой. Так старая традиция русской армии возродилась вместе с погонами. Мордобой я увидел в зиму 1942-43 гг. Погоны ввели в зиму 1941-42 гг. ("Нас опогонили", - сказал я, когда пришивал к гимнастерке погоны в академии.) О мордобое я слышал на фронте. Маршал Еременко, ходивший с палкой, бил ею офицеров. На фронте солдата не ударишь - получишь пулю в спину. Другое учение было весной за городом. На обратном пути мы растянулись на километры. Я был в числе идущих последними. На пути нам повстречались гуляющие нашим курсом девушки - сельские учительницы. Я пошел с одной девушкой под руку, и усталость как рукой сняло. Куда только девалась из мышц молочная кислота?!

Последним аккордом физической подготовки был эстафетный бег. Меня почему-то поставили на заключительном этапе, и я обогнал одного коротконового пехотинца. Наверно, он был умный солдат.

Увольнительных нам не давали. Но в театре я побывал. На сцене. Оперному театру нужны были статисты - молодые мужчины. Но где их взять во время войны?! Несколько человек, и меня в том числе, отрядили в театр. Там нас переодели, подгримировали и выпустили на сцену. Сначала стоять, потом кого-то носить на

носилках. С ролью мы справились, но от дальнейшей работы статистами в опере отказались: начались выпускные экзамены и это представлялось более важным, чем развлечение. Музыка из оперы "Аиды" Верди напоминает мне мое участие в этом спектакле в Свердловске.

И последнее, может быть, курьезное. Вместе с нами, слушателями, назначение в медицинское училище получили начальник академии в новом звании генерал-майора медицинской службы на должность начальника училища и комиссар академии в звании полковника. Прежнего начальника училища перевели в заместители, пока генералу не подыскали место. Комиссар теперь уже в звании или должности (как хотите) заместителя по политической части остался в училище и вместе с училищем после войны переехал в Киев. В частной беседе после демобилизации он сказал, что его поколение "вышло в тираж". К Капцуражу мы относились с уважением и симпатией в академии и в училище особенно. Умный человек, он, наверно, понимал бессмысленность прекращения подготовки военных врачей во время войны и неразумность использования нас, своего рода элиты, для той же работы, что и мальчиков и девочек с образованием семь-восемь классов после соответствующей подготовки в училище.

Весной мы сдали экзамены, и нам присвоили звание лейтенантов медицинской службы. Всем кроме М.Поповского, ему присвоили звание младшего лейтенантами вовсе не по просьбе Хигера. Всем взводом мы сфотографировались в курсантской форме.

В последний вечер был устроен праздничный ужин. Конечно, с речами. От нашего имени начальство поручило выступить курсанту, которого послали учиться после училища в военно-медицинскую академию. Нас на фронт, его в академию. Как он мог представлять нас? При училище оставили одного из нас. Его звали Аполлон. Он нравился официанткам. Был он красивый и мощный. В Куйбышеве я жил с ним в одной комнате. Казалось, что судьба благоволит к нему. Однако в училище ему, добродушному человеку, было не по душе. Он подал рапорт об отчислении. Погиб на фронте. И, кажется, никто больше из нас.

Форму мы получили офицерскую, но не ту, в которой приехали из Свердловска. Нашу форму мы видели на сотрудниках училища. Гордые сознанием своей офицерской принадлежности, мы

строем пришли на вокзал, и нас погрузили в товарный вагон. "Малорослые" ехали в распоряжение санитарного управления Калининского фронта. "Высокорослых" отправили в распоряжение резерва Главсанупра в Москву.

Первый год военной службы определил мою будущую профессию и почти половину пути к цели. Второй год сделал меня профессиональным военным с медицинской подготовкой, достаточной для несения бремени войны в офицерском звании, с меньшей опасностью для жизни и с возможностью заработать деньги для учебы в будущем, чтобы мне не думать о том, как прокормить себя, студента.

В Москве нас поместили в здании радиостанции РВ1 им. Коминтерна, где высилась хорошо известная по фотографиям ажурная башня радиостанции. У подножия башни было несколько противотанковых "ежей". Как память о недавней близости немцев к Москве. В самое неожиданное время нас вызывали на переключки, обычно два раза в день. На переключках отбирали произвольно для направления в военные части. Сидеть без дела на койке я не мог и заходил в город. Я мог пойти к Рае Маневич, вернувшейся в Москву, чтобы сохранить квартиру, или к сестре моей бабушки - Анюте. В один из таких уходов из расположения резерва возле Большого театра у меня спросили увольнительную. У меня ее, конечно, не было, и меня отвели в Комендантский пост, занимавший какую-то комнату в здании Большого театра. Там нам сделали внушение и нас, примерно десять человек в разном звании, отправили маршировать во внутреннем дворе возле Большого театра. Сообщили, конечно, в резерв, а там мне дали трое суток домашнего ареста. Впереди был фронт. Кто мог усидеть на койке? Все уходили. В один из таких уходов - самовольных отлучек - я встретил Лилю Иванову, уже студентку московского института легкой промышленности, и мы вечером сходили в кинотеатр, называвшийся "Восток-кино". Другая встреча была с доктором Быковым - главным врачом Свердловской терапевтической больницы. Он выразил желание найти для меня место через академика Вовси - главного терапевта советской армии. Но все пошло своим чередом: генерал Вовси был вне Москвы в то время. На одной из переключек меня отобрали для назначения в часть. Вместе со мной выбор пал на другого бывшего слушателя Иосифа Канторовича, голубоглазого горбоносого крепы-

ша из Минска. Нас отправили в формировавшийся возле Сталинграда 123-й армейский пушечный артиллерийский полк резерва Главного командования. Это был июнь 1943 г. - время жестокой схватки на Курской дуге. На вооружении полка были 152-мм пушки - лучшее артиллерийское оружие советской армии. Артиллерийским обстрелом немцев и их союзников начинались крупномасштабные наступательные операции. Именно стрельбу из этих орудий показывают советские фильмы. Оперативность управления полком обеспечивали американские тягачи орудий и американские грузовики - двухосные шевроле и трехосные студебекеры. Только один автомобиль был советского производства. Был он в ведении административной части. Медицинскую службу представляли врач, два полковых фельдшера, заведующий аптекой, три дивизионных фельдшера с санинструкторами. Кроме меня и Канторовича, мужчин-фельдшеров не было. Моим санинструктором была фельдшерница лет девятнадцати, только что закончившая фельдшерско-акушерскую школу. Жила она в той же землянке, что и я с парторгом дивизиона. Никто из нас не испытывал неудобство, так как спали мы не раздеваясь. Засыпал тогда я быстро и спал крепко, так как не знал, что санинструктор Валя нередко отлучалась ночью, о чем я узнал много позже. Полковым врачом был капитан м/с Неживенко. Среднего роста, худосочный шатен с хищным носом, блекло-голубыми глазами и землистым цветом лица, чем соответствовал своей фамилии. Он обязывал нас, фельдшеров, вести прием сидя, ничего не делая в соседнем отделении палатки. Земля под Сталинградом была обильно полита кровью, трупы закапывали неглубоко. Все это создавало условия для размножения микробов, в том числе и болезнетворных. Было много случаев дизентерии. Больных кровавыми поносами отправляли в инфекционный госпиталь. Однажды из-за перегрузки госпиталя большими дизентерией у меня не приняли солдата, и мы вернулись в часть. Его не положили в санчасть, и его нельзя было оставить с другими солдатами. Он остался под открытым небом. Из-за частой дефекации он ослаб настолько, что не мог поднять штаны. У него наступило выпадение прямой кишки. Красную слизистую облепил рой мух. Я отвез его в госпиталь. На сей раз его приняли. Там он и умер, было ему не больше двадцати лет, а то и меньше. Что после этого можно сказать о кадровом военном враче, выпускнике Ленинградской военно-медицинской академии

Неживенко?!

Дизентерией пришлось переболеть и мне. Не желая покидать воинскую часть, я снял себя с "котлового довольствия" и получил "сухой паек", где вместо хлеба были сухари. За два дня мне удалось остановить болезнь. Не миновала меня и другая распространенная болезнь - малярия. Через день-два повышалась с ознобом температура. Акрихином удалось быстро вылечиться. Однажды приступ малярии начался, когда я вел прием. Температура поднялась до 38°. Неживенко не отпустил меня с приема. Меня знобило, и в этом состоянии я принимал больных. Много позже, вне всякой связи с этим, начальник штаба полка, двадцатисемилетний майор, с нескрываемым пренебрежением спросил меня: "Неживенко еще жив?"

Менее серьезной была чесотка, излечить ее было бы проще, если бы в медицинском снабжении была серная мазь. Очевидно, Главсанупру Советской армии было не до чесотки.

Питание тыловых воинских частей было по второй категории. Плохим. У некоторых солдат, наголодавшихся до призыва в армию, появилась "куруная слепота" - неспособность видеть в темноте. Еще до наступления полной темноты, они ходили вечером гуськом, держась друг за друга в сопровождении солдата с нормальным зрением. Лечили их отварной говяжьей печенкой - источником витамина А.

Было голодно. Случаи дезертирства молодых солдат я объясняю не боязнью фронта, - молодость не боится смертельной опасности, - а недоеданием и тяжелой солдатской жизнью. Утром в офицерской столовой за завтраком офицерам выдавали дневную порцию хлеба. Придя после завтрака в землянку, я начинал "подравнивать" края оставшейся после завтрака порции хлеба, пока не оставался маленький кусочек для обеда. Так поступал не только я. Позже, когда мы были на фронте, ставший моим приятелем парторг дивизиона Кашинцев сказал мне, что его начальник замполит дивизиона капитан Кухаренко, толстый от природы или от переедания, ходил обедать в столовую дважды в день, полагая, что повара не заметят его уловки.

Одной из обязанностей военфельдшера было "снятие пробы". До раздачи приготовленной пищи дежурный военфельдшер должен был ее попробовать, поставить на двадцатичетырехчасовое хранение в стеклянных банках пробы каждого блюда в запирающийся на

замок ящичек и письменно засвидетельствовать снятие пробы. Снятие пробы было едой за счет солдат, и в силу моей фамильной щепетильности, я стеснялся есть ту порцию, которую получал от повара, хотя в случае пищевого отравления я был бы первой жертвой. Однажды дежурный по кухне офицер-артиллерист, оказавшийся наблюдательным человеком, заметил эту черту моего характера и подбодрил меня. При этом он обнажил неприглядность действительности, которую можно сравнить с борьбой за существование в животном мире. Никогда до этого никто не вел со мной подобных разговоров. Его откровенность поразила меня, а еще больше то, о чем он рассказал. Он был из другого дивизиона, и мне не пришлось с ним встречаться потом. Многому мне пришлось бы поучиться у него.

Примерно в восьми километрах от расположения полка был поселок Бекетовка, временный центр Сталинградской области. Туда я ходил по вечерам и пересмотрел все спектакли драматического театра. Последний раз я был в театре вечером накануне отправки полка на фронт.

В конце лета Артемовск был освобожден от немцев, и я написал письмо родителям. Ответ пришел от соседки. Моя семья погибла. Я убежал в поле, чтобы остаться одному.

На погрузку в эшелон полк отправился в Сталинград. Город состоял из развалин и расчищенных асфальтовых дорог. Единственным зданием был одноэтажный дореволюционной постройки дом, выкрашенный голубой краской. Это было здание городской военной комендатуры. Когда пошел дождь, негде было укрыться. После долгого ожидания был подан эшелон, и полк погрузился. Втащить пушку на железнодорожную платформу - непростое дело, особенно 152 мм. Но все обошлось благополучно. Офицеров постарше званием поместили в пассажирский, т.н. штабной вагон. Командиры взводов и батарей, и я в их числе, были с солдатами в товарных вагонах, т.н. теплушках, где были двухэтажные нары. Маршрут от Сталинграда почти что до Киева был не длинным, но долгим - более трех недель вместо максимум два дня. Не лучше, конечно, обстояло дело с движением к фронту других воинских частей и других грузов. Так черепашня скорость железнодорожных составов сковывала маневренность в проведении оборонительных и наступательных боев, создавала искусственную нехватку продовольствия и

боеприпасов, которыми и так не баловали фронтовиков, и, в конечном счете, затянула войну.

На каждой станции офицер, ответственный за движение на определенном отрезке маршрута, добивался, не знаю каким образом, отправки нашего эшелона раньше, чем какого-нибудь иного состава. В баню с поезда, конечно, не водили. Кто хотел, тот раздевался догола посредине вагона у "буржуйки" - железной печурки. Ее топили дровами, которые промышляли солдаты на остановках. Обычно это были деревянные изгороди. На печурке грели воду. Мыльная вода стекала на пол и затем через дыру в полу вагона вытекала наружу. Я не мог раздеться догола при всех и искупался ночью, когда все спали. Расход воды составил полтора котелка. Не более 6 литров. Если я помню это купание и никакое другое, значит, оно доставило мне наибольшее удовольствие.

На одной из остановок мне удалось "достать" серную мазь" для лечения чесотки. Еще на одной отшел моего санинструктора в госпиталь. Она начала жаловаться на сильную боль в области желчного пузыря. Вряд ли у девятнадцатилетней женщины при нашем скудном питании мог быть холецистит. В мирных условиях, когда все подразделения дивизиона были вместе, необходимости в санинструкторе не было. Все мог делать военфельдшер. С ее уходом я освободился от неприятной обязанности, когда были на формировании, расталкивать ее по утрам, когда она уж очень крепко спала и выражала недовольство при пробуждении. Кое-то из солдат отставал от поезда, но потом догонял. Сразу исчез писарь полка. Навсегда. У писаря была печать полка и все бланки, нужные для любого документа: отпуск, болезнь и т.д. Горячую пищу давали один раз в день. Обычно это была затируха, что-то из воды и муки. Готовили еду в походных кухнях, в абсолютно непригодных условиях, во время движения поезда.

Выгрузились из эшелона примерно в 100 км от Киева. К городу подъехали по красивой дороге, мощенной так, что напоминала паркет. В город вошли рано утром. Город был пустынным и без единого светящегося окна. Изредка попадались прохожие, такие же серые, как город. Из редких вывесок запомнилась одна, смысл которой был не ясен - "Перукарня". Позже я, проживший на Украине семнадцать лет, узнал, что это "Парикмахерская". Странно, что в городе, захваченном немцами, вывеску с немецким словом

"Парикмахерская" заменили украинским словом.

На ночь полк остановился в деревне Еленовке (Геленовке - по-украински) примерно в 80 км от Киева. В убогой обстановке деревенской избы, где я остановился, меня поразило большое круглое зеркало на стене и красивый комод. Когда я спросил, как они попали к хозяйке, она ответила, что всей деревней ездили в Киев и забирала из квартир евреев все, что там было, когда узнали, что немцы убили евреев. Нет худа без добра, - в понимании жителей «Еленовок».

Движение к фронту замедлилось, особенно когда вошли в Западную Украину, бывшую в составе Польши до захвата ее Сталиным в 1939 г. Бездорожье, парализовавшее передвижение части, бедность и всеобщая серость, контрастировавшая с раскрашенными фигурами святых придорожных часовенок, такой запомнилась сельская Западная Украина. Я сблизился с парторгом дивизиона, тоже в звании лейтенанта, по фамилии Кашинцев. Был он высоким, крепко сложенным, неуклюжим блондином с одутловатыми веками и стального цвета глазами. Спокойный и добродушный, он до войны был инженером на одной из текстильных фабрик в г. Иванове. Не имея подчиненных, он, как и я, без санинструктора, не могли не сблизиться, чтобы не чувствовать одиночества. На ночлег мы останавливались вместе и спали на одной кровати, если не было второй. Однажды мы остановились на ночь у крестьянки, занятой самогонварением. Ночью в дом вломились солдаты, предводительствуемые офицером, очевидно, проезжавшие мимо, и забрали самогон. Кашинцев и я были раздетые в кровати и могли только молча смотреть на грабеж.

В одном из долгих перемещений полка, когда горячая пища была отменена, старшина дивизиона не выдал солдатам часть дневного рациона и, в частности, суточную порцию сливочного масла - дефицитного высококалорийного продукта. Не вернул солдатам старшина недоданную часть рациона и в последующие дни. Я сообщил об этом зам. командира полка по политчасти, так как был уверен, что старшина действовал с согласия командира дивизиона. Замполит не нашел ничего умнее, чем сказать командиру дивизиона об источнике информации. Командир дивизиона вызвал меня и дал нагоняй за то, что я сообщил о махинации старшины не ему, а замполиту полка. На что я по мальчишески дерзко сказал: "Что, ко-

мандир дивизиона пуп земли?!" На что он ответил: "Да" - и был, конечно, прав. Солдатам ничего не вернули. Значит, замполит не приказал вернуть недоданную часть рациона. Изъятый у крестьянки самогон был грабежом. Отнятый у беззащитных солдат и без того скудный рацион был хуже грабежа. Почти благословенный замполитом.

Перед Новым годом пришла весть: будет в дивизионе офицерский новогодний вечер. С каждого офицера получили стоимость бутылки шампанского. Вечера не было. Деньги вернули. Все шампанское скупил командир дивизиона. Такое я слышал.,

Полк останавливался на учения. Приехавший командующий артиллерией 47-й армии поставил задачу: научиться стрелять из сравнительно дальнобойных 152-мм пушек по вражеским танкам. Это была обычная задача 50-мм пушек, называемых козочками. Не мне, военному фельдшеру тех времен, судить, насколько эффективной была бы стрельба из дальнобойных пушек по движущейся цели. Как-то незаметно из состава 2-го Украинского фронта полк был передан в ведение 4-го Белорусского под командование тоже Курочкина, но не художника - автора портрета Ленина в школе, а генерал-полковника. Полк передислоцировался в г. Сарны - железнодорожный узел. Здесь же разместился штаб армии. Пушки заняли огневые позиции на окраине города. Сарны стал привлекательным объектом для немцев, и они доказали это бомбежками. Взрывы бомб были оглушительными, воронки от бомб потрясающими, а все вместе со свистом падающих бомб - ужасающим. В маленьком, неглубоком окопчике я прижимался к земле не иначе как с желанием провалиться сквозь землю. Однажды бомбежка началась, когда я был возле штаба дивизиона. Командир дивизиона выбежал из дома с перекошенным от страха лицом и не знал, куда деться. Я мог это видеть и запомнить, наверно, потому, что недопонимал опасность (как и в других моментах моей жизни) и был в те минуты спокоен. Деваться было некуда.

В Сарнах по ул. Дубовой, в доме № 3 временно жила с мамой немного моложе меня голубоглазая светловолосая, чуть полная, как я теперь бы сказал, девушка Лодзя. Они были вынуждены оставить свой дом из-за военных действий там, где жили раньше. Мы пришли по душе друг другу и понимали - я ее польский, она - мой украинский язык. Однажды ее мама в моем присутствии кому-

то сказала, полагая, что я не понимаю польский, с сожалением: "но он же еврей". Так легкое дуновение польского антисемитизма коснулось и меня.

Пришло время полку принять участие в боях. На пути к месту дислокации случилось непредвиденное: с понтонного мост в реку, кажется, Прут, соскользнула пушка, да так, что ни одна последующая не могла быть переправлена на западный берег. Командующий артиллерией 47-й армии приехал в полк и перед строем офицеров заявил, что наградит того, кто доставит хотя бы одну пушку на огневую позицию. Опоздание артиллерии, по-видимому, срывало сроки взятия окруженного Ковеля, и начальник артиллерии при наличии хотя бы одной пушки мог бы отрапортоваться. Быстро, кажется, за два-три дня, пушка была поднята (она оказалась исправной) со дна реки, и все батареи полка разместились на огневых позициях.

Что пушка свалилась в воду, начальник артиллерии знал, и это его заботило. Что солдаты сваливались с пушек на ходу, начальник артиллерии тоже, должно быть, знал, но не более. Солдат взводов управления перевозили на грузовиках. Солдаты артиллерийских расчетов ехали на лафетах пушек. Помногу часов. Иногда ночью. Засыпали и падали с лафетов под колеса пушек. Не часто, но случаи бывали. Профилактики таких несчастных случаев не было. Я вспоминал эти случаи, когда слышал ура-патриотическую песню тех лет: "Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат. Пусть солдаты немного поспят".

Взвод управления и командир дивизиона расположились на передовой линии в окопах вместе с пехотным батальоном. Мое место было на огневых позициях - месте ожидаемых боевых потерь в "живой силе". Но командир дивизиона решил, что на огневых позициях останется санинструктор - мобилизованный в Западной Украине мужчина примерно 50-летнего возраста имевший отношение к медицине, разве что как пациент. Меня командир дивизиона решил держать при себе. Оспаривать его решение я не хотел, чтобы не быть криво истолкованным. Полковому врачу, ответственному за правильное тактическое медицинское решение, было безразлично. В других дивизионах фельдшера были на огневых позициях. В соседней с нами пехотной части фельдшер был где-то сзади. Командира пехотного батальона, увешанного орденами, я видел,

фельдшеру в боевых порядках пехоты находиться нужды не было, и я его не видел.

Прежде, чем занять позицию в окопах, нужно было пересечь железнодорожное полотно. Немецкие позиции не были видны, но железнодорожный переезд они простреливали, часто трассирующими пулями из пулемета. Железнодорожное полотно нужно было быстро пересечь, чтобы не попасть под пули. Так все думали и поступали, я, конечно, тоже. Если сопоставить скорость пули и бег человека, то фраза "умру наивным" - очень подходящая к той ситуации.

За переездом позади окопов, был разрушенный дом. Он был вне видимости немцев и служил клубом-местом, где можно было "перекинуться словом". В доме был подвал, и мой парторг Кашинцев несколько дней не покидал его, что вызывало не больше, чем улыбку. Все понимали, что к жизни на передовой нужно адаптироваться. Мне тоже. Первое время я вздрагивал от звука близкой разрывающихся мин. Но потом привык.

Командир дивизиона приказал построить для себя блиндаж с большим числом накатов, т.е. слоев бревен над потолком для лучшего противостояния артиллерийскому обстрелу. Работу можно было делать только ночью. Когда работа была закончена, немцы открыли артиллерийский огонь по блиндажу, отчетливо возвышающемуся над уровнем земли. Вероятно, недостроенный блиндаж их не интересовал, хотя они видели его в процессе строительства.

Расстояние между окопами и огневыми позициями дивизиона было около пяти км по прямой. Но, прямая проходила через немецкие позиции, так как наши окопы узким языком вклинивались в оборону противника. Боязнь окружения побудила командира другого дивизиона, когда на его участке немцы предприняли наступление, покинуть позицию без разрешения командира полка и оставить телефонный провод, его сняли с должности и отправили из полка. Чтобы достичь огневых позиций, нужно было обогнуть немецкие позиции, что составляло 12-15 км. Горячую пищу нам приносили (или привозили?) в больших термосах, но не каждый день. Поэтому готовить надо было самим. У кого были в подчинении солдаты, тому было проще. У меня приготовление пищи в котелке на костре интуизма не вызывало. Трудности, такие же, как у солдат, но относительная свобода офицера, делали из меня нечто вроде привиле-

гированного солдата.

Раз в две недели я получал разрешение посетить огневые позиции. В одно из посещений мне рассказали об артиллерийских обстрелах немцами наших огневых позиций и прямом попадании одного из снарядов в расположение орудийного расчета с ранением нескольких солдат. О том, что мое место на огневых позициях, а не со связистами и управленцами, не стало предметом обсуждения врача полка с командиром дивизиона и после такого случая.

Наш участок, вклинившийся в оборону немцев, был "горячей точкой". Сюда вечером приходили разведчики-пехотинцы, чтобы ночью отправиться во вражеское расположение. Среди нас, артиллеристов и пехотинцев, разместили взвод огнемётчиков. Его командир, высокий русоволосый парень моего возраста, почему-то считая меня хорошим слушателем, получал удовольствие от рассказов о своих более чем двадцати победах, конечно, не на поле боя. Где немецкие, а где наши окопы, мог бы определить даже слепой. У немцев на войне жизнь была регламентирована. По утрам они начинали стрелять из минометов точно в нам известное время. Стрельба продолжалась, кажется, до двух часов. После перерыва на несколько часов стрельба возобновлялась и в одно и то же время прекращалась. Потерь от такой стрельбы не было ни среди нас, ни среди пехотинцев. Наша сторона обычно молчала. Наша артиллерия немного постреливала по далеким целям, невидным без стереоскопической трубы. Как-то я посмотрел в стереоскопическую трубу на обстрел костела в Ковеле - удобный для немцев наблюдательный пункт. Прямое попадание в костел представлялось как взлет облачка пыли. Точность попадания с расстояния примерно 18 км - несомненная заслуга командира взвода управления. Он был преподавателем математики в Томском университете. Он вел со мной такие критические разговоры о советской системе, что мне становилось не по себе. Среднего роста, ничем не приметный человек, мысливший так же, как другой математик-артиллерист, ставший потом всемирно известным писателем. В стереоскопическую трубу я мог видеть немецкие окопы и блестящие на солнце солдатские котелки на бруствере окопа. Наши стрелки этому не препятствовали. Благодарности от немцев за это не было: как только стереоскопический бинокль поднимался над окопом, они тотчас начинали по нему стрелять. Тем не менее, войну они проиграли.

Неблагодарность была наказана.

Кольцо вокруг Ковеля медленно сжималось. Мы продвинулись, но уже на другом участке фронта ближе к Ковелю, в лесной массив. Окопов не было. Блиндажей тоже. Пришлось спать на мерзлой земле под открытым небом. Сна, конечно, не было. Была обгоревшая у костра шинель. Потом мне посчастливилось где-то позади в поле увидеть небольшой соломенный шалаш. В нем я зарывался в солому на ночь. От замерзания я спасся, но не от фурункулеза – гнойничков на бедрах и животе. Не было холодно тому, у кого повышалась температура. И было от чего. Первым заболел командир взвода связи. Совсем не просто сказать человеку на холоде: "Дай я посмотрю на твое тело". После нескольких дней, высокой температуры мне удалось разглядеть у него на коже тифозную сыпь. Завшивленность была и у солдат, и у офицеров. Вши явно пренебрегали армейскими знаками различия. В своем нигилизме вши скатились до отрицания инсектицидного действия ДДТ в совместном опыте с солдатами. Солдаты насыпали в спичечный коробок ДДТ и посадили в коробок вшей. На следующий день они открыли при мне коробок, и я увидел ползающих вшей. Завшивленную одежду можно было прожаривать в сухожаровых камерах, но они были в далеком тылу. На фронте или вблизи от фронта устраивали видимое подобие дезинсекции. Под железной бочкой разводили огонь. На дно бочки наливали немного воды и выше уровня воды пристраивали решетку. На решетку наваливали одежду. Прогревалась та одежда, что была ближе к решетке. Пар из бочки не выходил и конденсировался на одежде. Ее потом надо было сушить или одевать влажную. Моей обязанностью было делать вид, что ведется борьба с завшивленностью. У немцев инсектицид отличался от ДДТ резким запахом. С таким инсектицидом вшам в спичечной коробке было бы не так уютно, полагаю. В конце войны или позже я узнал, что в американской армии военнослужащих не уговаривали посыпать одежду инсектицидом. Под низ брючины подводили шланг и струей воздуха под давлением импрегнировали ткань брюк аэрозолем с инсектицидом. Нашим достоянием был старый способ, запатентованный обезьянами и унаследованный от них, но с одной модификацией: вшей били только своих. Наверно, из такой ситуации родилась крылатая фраза: "Бей своих, чтобы чужие боялись".

В тылу часто можно было видеть лозунг "Все для фронта".

Водка тоже. В зимнее время фронтовикам, солдатам и офицерам полагались 100 г водки ежедневно. Но часто нас считали воюющими не против Манштейна в Европе, а против Роммеля в Северной Африке. С водкой на каком-то этапе поступали так же, как в недавнем прошлом старшина дивизиона поступил с нашим дневным рационом.

Офицерам регулярно выдавали дополнительный паек. Один раз в 10 дней. Были в пайке банки абрикосового компота, табак или папиросы и сало. Сало я вспомнил потому, что однажды в пайке было американское сало толщиной в длину моего пальца (измерил!) с розоватым оттенком и непросоленное, как наше. С удовольствием ел его, сидя на спиленном дереве на опушке леса. Так запомнилось.

В полк пришел приказ: перейти на самообеспечение мясом путем закупок скота у местного населения. Коров в Западной Украине не видел, мычания не слышал и молока не пил. Хозяйственники встретили приказ с неодобрением. Трудности с заготовкой мяса были. Каким образом получали скот, не говорили. Расплачивались не деньгами, а квитанциями. Вскоре приказ отменили.

Западная Украина встретила нас редкими и однообразными лозунгами на стенах домов на русском языке: "Смерть Гитлеру и Сталину." В моем сознании такое сочетание имен не укладывалось. Лозунг принадлежал самостийникам - сторонникам независимости Западной Украины, возглавляемым Бандерой и потому называемым бандеровцами. До Сталина они не добрались, а мы были рядом. Когда Западная Украина была в составе Польши, т.е. до 1939г., лозунгов не было. После того, как Западная Украина попала в объятия СССР, лозунги появились. Для этого было достаточно пребывания в составе Советской Украины в течение полутора лет. Бандеровцы, нападая из леса, причиняли немалый ущерб. Так они обстреляли автомобиль, в котором ехали помпотех и помпохоз командира полка, и убили помпотеха. Его похоронили на центральной площади городка с воинскими почестями и написали на надгробной табличке, что был убит немецкими оккупантами. Примерно в то же время был издан приказ, обязывающий передвигаться между населенными пунктами только группами, - не помню из скольких человек, - и обязательно с винтовками. Помню такое однажды со мной.

Из-под Ковеля полк передислоцировали в тыл той же 47-й

армии. Город, при нашем участии, в боях не взяли. Его защищали с немцами власовцы. Они знали, что в плену их ждет смерть. Немцы пытались снабдить окруженных в городе с помощью планеров. Затея была бессмысленной. Все планеры, медленно летевшие в предвечернем ясном небе, были сбиты зенитным огнем. Город пал позже. Разгневанный Сталин сместил генерал-полковника Курочкина с командования фронтом и "закрыл" 4-й Белорусский фронт. Так мы очутились в составе 1-го Белорусского фронта. С власовцами пришлось познакомиться до начала боев, еще в армейском тылу. Они переходили линию фронта в форме солдат и офицеров советской армии. Так исчез, наверное, в качестве языка, замполит одного из дивизионов. Против власовцев под Ковелем воевал штрафной батальон. В лесу я видел их трупы. Возле одного из них лежала красноармейская книжка, служившая тогда удостоверением личности. Сейчас я вспоминаю, что лес вокруг и земля не были с отметинами взрывов снарядов. Значит, в наступление штрафников послали без предварительной артиллерийской подготовки и они стали легкой добычей пулеметных и автоматных очередей. Почему красноармейская книжка лежала рядом с убитым, а не была в кармане гимнастерки, можно только догадываться.

Не помню, по какому поводу, я ехал в грузовике со многими офицерами разных дивизионов и подумал, с чувством гордости, что на передовой я был больше, чем кто-то иной. У многих появились ордена, повышение в звании, особенно у двух помощников начальника штаба.

Полковая медсанчасть, как я увидел, не отправляла легкораненых в госпиталь. Была развернута большая палатка для раненых. Это было нарушением, на которое пошли командир полка и полковой врач. С пополнением солдат стало плохо, и так поступали многие командиры. Конечно, лечение раненых некавалифицированным медицинским персоналом, невозможность определить без рентгеновского исследования повреждена ли кость и удалить костные фрагменты или металлические осколки, несоответствие медицинского оснащения затягивали выздоровление или оставляли нежелательные предотвратимые последствия. Трудно поверить, что в какой-нибудь другой армии во вторую мировую войну кто-либо мог позволить подобное.

Довелось мне видеть два воздушных боя. Оба на фронте над

нашим расположением. В обоих два немецких мессершмидта атаковали одиночного нашего истребителя. Наши летчики шли на немецкие самолеты и быстро были сбиты, не причинив видимого вреда немцам. Героизм погибших летчиков был несомненным. Один летчик смог покинуть самолет, но его парашют раскрылся не полностью. Почему немцы летали парами, а наши в одиночку и почему наши вступали в бой против численно вдвое превосходящего противника, мне не понятно. Превосходство немцев в воздухе было до июня 1944 г. Когда в первых числах июня союзники открыли второй фронт в Западной Европе, который Сталин тогда почему-то назвал десантной операцией, ни один немецкий истребитель или бомбардировщик не появился в небе. В памяти сохранилась знакомая всем по личному опыту сценка, имитирующая бомбежку: "Несу-у, Несу-у, Несу-у" (звуки летящих бомбардировщиков), «Кому?, Кому?, Кому?» (звуки выстрелов зенитных пушек), «Вам! Вам! Вам!» (звуки разрывающихся бомб). В 1944 г. весной, очень высоко в небе стали появляться большие группы серебристых самолетов. Это бомбардировщики союзников летели на советские аэродромы после бомбежек немецкого тыла.

С переходом в состав 1-го Белорусского фронта совпала по времени реорганизация 152-мм пушечно-артиллерийских полков. Из трех пушечных батарей реорганизовали четыре пушечные. Батареи пополнялись не новыми пушками, а пушками других полков. За основу был принят другой полк, с большим фронтовым опытом. Многих офицеров моего полка отправили в другие воинские части или в резерв за новыми назначениями. Меня, Канторовича и полкового врача отправили в резерв. Командир полка и начальник штаба получили назначения в другие части. Командир моего дивизиона, выросший из капитана до подполковника менее, чем за год, был назначен начальником строевой части нового реорганизованного полка - должность, не существовавшая ранее. Во время расформирования полка случилось событие, которое в любой армии считалось бы чрезвычайным происшествием. Чрезвычайное происшествие это происшествие, требующее немедленных мер. Их не было. Командир взвода разведки изнасиловал медсестру. Все об этом знали. Узнал и я. Не поверил и спросил медсестру. Она подтвердила. В течение периода расформирования полка его не арестовали. Вот почему я не назвал изнасилование ЧП.

Не помню, по какому поводу я вернулся в расположение уже несуществовавшего полка из резерва. Там все еще были командир дивизиона и начальник штаба дивизии. Шло какое-то расследование. По какому делу, уже не у кого было узнать, да меня оно не интересовало.

Так мы все разъехались, не простившись друг с другом, без сожаления, без желания писать друг другу. Как это было в академии и потом в училище. А разве не так после окончания школы?!

54 ОДСБ

В резерве меня и бывшего командира взвода связи одного из дивизионов поместили в комнату, где была только одна кровать. Он сразу заявил, что на кровати будет спать он, потому что по званию старше меня. Я с легкостью согласился. У меня уже был хороший опыт сна в блиндажах и где придется. Как-то ранее, до расформирования полка, я случайно услышал, что замполиту командира полка меняют простыни, я удивился тому, что на войне люди продолжают спать в кроватях да еще с простынями.

На сей раз судьба разделила меня с Канторовичем после того, как мы были вместе в академии, училище и артиллерийском полку. Его направили в пехотную дивизию заведовать аптекой медсанбата, меня - в распоряжение инженерной службы армии. Начальник службы с очень интеллигентным лицом в сравнении с тем, что я привык видеть, сказал, что направляет меня в 54-й дорожно-строительный батальон. Когда я заметил, что мне, молодому и здоровому, неудобно быть среди нестроевых солдат, он сказал, что работы мне будет больше, чем на фронте. Так оно и случилось. Из фельдшера дивизиона я стал фельдшером роты - меньшего по численности воинского подразделения. В батальоне были три роты дорожных строителей и транспортная рота, на конной тяге. После американских тягачей-пушек, шевроле и студебекеров, повозки с запряженными лошадьми - зрелище было унылое. В моем подчинении была... прачка. Стирать солдатам было некогда. Целый день они делали деревянные покрытия дороги, называемые лежневками, на непроходимых для транспорта участках дороги, а то и дороги. Участков могло быть много, разной протяженности и в разном отдалении друг от друга. Поэтому батальон был в постоянном движении. Нахождение в течение двух недель на одном месте было

редким. О трудности быть солдатом в дорожно-строительном батальоне можно судить по тому, что, когда к концу войны в боевых частях возникла нехватка солдат и начали "подчищать" нестроевые части, молодые солдаты моей роты просились в строевые части на медосмотрах приезжавших комиссий, не боясь опасностей на фронте.

Утром солдаты уходили на трассу, и мне тоже нужно было быть там, так как травматизм был неотвратим: до войны они были и не плотниками, не строителями и не дорожными рабочими. К тому же у них были физические ограничения, дававшие себя знать в условиях тяжелой физической нагрузки - ни ограничения в часах работы, ни выходных дней.

Первым командиром роты у меня был стареющий московский инженер, очень штатский в манере обращения с подчиненными, как и многие другие инженеры, занимавшие инженерные должности в батальоне. Одним из них был ленинградец Поляк, брат профессора ленинградской военно-медицинской академии. Он был уверен в правильности своих технических решений и, когда они подтвердились действительностью, говорил без всякой заносчивости: "Поляк всегда прав". В дружеских отношениях я был и с инженером батальона капитаном Мельниковым, заикающимся, но не ущемленным, как часто встречается у людей с этим недостатком. Хорошие отношения у меня были с врачом батальона, молодой выпускницей Ивановского мединститута. Прохладные отношения были с парторгом, замполитом и командиром, - сначала с одним, потом с другим, - батальона. При парторге в роли жены была старший сержант, официально комсорг батальона, другая молодая женщина прислуживала замполиту. У командиров батальона тоже было по жене. Основным занятием этих женщин-военнослужащих были заботы о своих сожителях, включая стирку и приготовление еды, получая продукты со склада и на себя тоже. В артиллерии командиру дивизиона прислали молодую женщину на две недели и только. И ни кому больше. Глядя на спаренный треугольник батальона, наверно, не одному мне приходило в голову известное тогда всем выражение: "Кому война, кому мать родна". Здесь в батальоне все

было на виду, не то что на фронте. Там командир дивизиона спрятался с женщиной и не выходил из блиндажа две недели*.

На трассе солдаты, конечно, работали, а не калечились, поэтому времени свободного у меня было много, и его как-то надо было занять. Так и случилось. На время отсутствия командира роты в плане предполагаемого повышения в должности временное командование ротой поручили командиру взвода из мотостроительного

* Написав эти строки, я вспомнил, что японцы во время второй мировой войны открыли для своих солдат публичные дома, принудив к проституции женщин в захваченных странах. За это и другие преступления из памяти народов, где была японская армия, не выветривается отрицательное отношение к японцам. Мне вспомнилось, что, когда артиллерийский полк формировался под Сталинградом и санинструктор жила в той же землянке что и я, она по небрежности оставила свои записи на виду, где горестно отметила: "Я стала проституткой". Я сообщил об этом заместителю командира полка по политчасти. Собрании офицеров с разъяснением о недопустимости сожительства с подчиненными по службе женщинами не было. Ей было девятнадцать лет. Она была мобилизована в армию по окончании фельдшерско-акушерской школы. В сочетании с прикомандированием примерно на две недели в распоряжение командира дивизиона какой-то солдатки или сержанта, находившейся с ним в одном блиндаже и только там, я близок к выводу, что институт проституции существовал в армии наряду с институтом ППЖ - полевой подвижной жены, подтверждающим предположение тем, что в институт ППЖ были вовлечены от старшего лейтенанта, каким был парторг батальона, до маршала, каким был командующий фронтом, в частности К.Рокоссовский. Последний со своей спутницей, врачом по образованию, появлялся на праздничных офицерских застольях, по свидетельству И.И.Мейлиха, отца моей жены, присутствовавшего на одном из таких застольях. Атмосфера для института проституции, несомненно, была. Если японцы обязывали военнослужащих оплачивать визиты в публичные дома, то в советской армии, если мое предположение об "узаконенной" проституции правильное, проституцию сделали частью воинского долга для женщин, призванных в армию.

Как и другие блага, бесплатные в социалистическом обществе, "военная проституция" стала бесплатным благом. Для избранных. Но частью военных расходов. "Война все спишет". Так говаривали тогда.

То, что предположение о существовании армейской проституции небеспочвенно, я нахожу в статье под названием "Баня" и опубликованной в одной из центральных газет где-то в 1978 или 1977 г. Статья рассказала о доме отдыха в европейской части России для номенклатурных отдыхающих с кроватным обслуживанием проститутками в должности горничных и, конечно, бесплатно. Проститутки были на государственной зарплате и получали все блага социалистического общества.

батальона. Этот молодой ленинградский инженер с повышенной функцией щитовидной железы (в СССР - Базедова болезнь, в США болезнь - Грэвса) знал французский язык. Меня это подтолкнуло к изучению французского языка. Мне в руки попал словарь французского языка с грамматическими правилами во Введении. Из бумаги я сделал нечто вроде записной книжки и переписывал в нее из словаря французские слова в алфавитном порядке с русским переводом. Словарь был французско-немецкий и немецко-французский, что усложняло определение русского эквивалента на основании моего знания немецкого языка. В течение дня пребывания на трассе я старался запомнить по 10 слов в день. Мое занятие французским языком не было секретом, на что замполит прореагировал: "Зачем тебе французский? Мало тебе русского?!" Как иначе мог реагировать человек с не более, чем семилетним образованием, родившийся в сибирской тайге и проживший всю жизнь где-то рядом?!

У солдат батальона не было общения с солдатами других воинских частей. На одном месте роты оставались надолго и спали обычно не в домах, а в подсобных помещениях. Банные дни бывали регулярно. Ни у кого сыпного тифа не было. Вшей, по крайней мере у офицеров, не было. Ночь в одном сарае с соломой на полу мне запомнилась. Я, очевидно, попал на блошинный праздник. Никогда не представлял их такими жизнерадостными.

Пришлось не спать вместе с ними и быть таким же активным как они. В первых числах сентября батальон перешел довоенную границу с Польшей. Запомнилось отличие от советских первой же польской деревни с ухоженными домами под железной кровлей и фруктовыми деревьями, высаженными у домов. В это время советская армия продвинулась далеко на запад. После нескольких пеших переходов по польской земле нас "посадили" где-то под Хельмом на грузовики и повезли на запад. Посадили - не совсем точно сказано. В советских грузовиках, в отличие от американских (и немецких) откидных скамеек не было. Устраивали поперечные скамьи, что позволяло вместить больше солдат. Но, сев на скамейку, ни на шаг вперед или назад нельзя было переместиться. Иногда, при других перевозках, солдаты стояли: "стоячих" мест было больше, чем "сидячих". За два дня мы доехали до Пулав - железнодорожной станции в уезде того же названия. По дороге, возле Хельма проезжали мимо Майданека - лагеря уничтожения евреев - с очень длин-

ной и высокой изгородью из столбов и колючей проволоки. Никакой информации об этом лагере тогда еще не было.

Что такое населенный пункт с 1000 жителями в нашем понимании? Деревня. В Польше это городок (местечко), непохожий на деревню. Рота расквартировывалась в таких городках много раз. Поэтому ни названия, ни последовательность остановок сохранить в памяти невозможно. Однажды рота была на одном месте около двух недель, и я часто был в обществе молодой женщины, отличавшейся словоохотливостью. Так как я ничем не отвлекался, слушая ее, я быстро научился понимать польскую речь. В другом месте я был в обществе образованных молодых людей, удивительно вежливых в обращении со старшими - обычай, незнакомый тогда мне. В разговоре со мной они развивали мысль, что евреи Польше не нужны больше, так как поляки научились торговать. В их понимании умение торговать заключалось в том, чтобы отвести товар в другое место, продать его там дороже и купить там то, что можно продать дороже дома. Польша была охвачена подобным передвижениями. В одном местечке я был с постоем в доме матери-одиночки с примерно двенадцатилетней девочкой. Мама занималась перепродажей самогона. От нее я услышал фразу с внутренней рифмой: "В Польше кто как хочет, в России принудительно". В одной из деревень бедный крестьянин с тремя мальчиками и без жены поразил меня внутренним, если так можно выразиться, благородством. Поляки относились к нам настороженно. Русское владычество не выветрилось из памяти народа. Но после немцев и русские не так уж страшны, даже с их колхозами. Меня часто спрашивали о колхозах, и я рассказывал о них. Мне сейчас стыдно вспоминать об этом, хотя тогда я говорил, что думал. Плохо думать о колхозах я не мог, потому что в колхозе не бывал. Мое знакомство с сельской жизнью относится примерно к 1930 г., когда папа взял меня и вместе с сотрудниками по работе в выходной день убирать кукурузу. Мои рассказы о колхозах успокаивали слушателей. В Польше колхозов нет, поэтому меня нельзя обвинить в потворстве коллективизации.

Полякам, конечно, было голодно, но голода не было. Во многих местах я видел гурты - примитивные хранилища для картофеля, которого было достаточно для всех. Запомнилось частое тогда блюдо: картофельное пюре без масла с натертой отварной свеклой (или сырой?)

Привелось мне увидеть евреев, уцелевших от уничтожения. Они вышли недавно из леса, где скрывались много лет и разместились все вместе в школе на полу. Среди них не было мужчин и маленьких детей. Зрелище было грустным. Что было у них позади, трудно представить.

Мы продвигались к фронту и однажды на расстояние видимости где-то вдали разрывов артиллерийских снарядов. Глядя с холма на далекую равнину, это было красивое зрелище. Одной из сравнительно близких остановок к фронту было размещение в Пулавском ветеринарном институте. Животных там не было. Все комнаты были пустые. Пахло лекарствами. Были какие-то мази. Одна мазь называлась «лебертрансальбе», и я взял ее по чьему-то совету для лечения ран. Роту затем перевели в соседнюю деревню Руды. Здесь состоялось мое знакомство с Чеславой Овчак. Несколько ночей я провел на сене под потолком в сарае во дворе ее отца. Чеслава была студенткой тоже второго курса Варшавского медицинского института. Институт был подпольный - немцы не разрешили полякам иметь своих докторов. На жизнь студента подрабатывали инъекциями лекарств - зашипками. (Когда я потом учился в Московском медицинском институте, студенты подрабатывали более квалифицированным трудом - подпольными абортами, и менее квалифицированным - ночной разгрузкой вагонов на железнодорожной станции.) Чеслава, высокая стройная блондинка, не ассоциировалась с крестьянским видом ее отца или ее темноволосым младшим братом. Матери у нее не было. Однажды мне пришлось увидеть семью за обеденным, возможно, праздничным столом. Меня поразили белая скатерть и сервировка стола - немыслимые в колхозной действительности, наверное, и теперь, почти 50 лет спустя.

Военные события переместили батальон на запад, ближе к Висле. Через несколько дней, повинувшись желанию еще раз увидеть Чеславу, получил разрешение вернуться в деревню Руды якобы за оставленной там мазью для лечения ран. Примерно 120-150 км я проехал в кузове попутных грузовых автомобилей. Тогда это заняло почти половину дня. Деревня была пуста. Всех выселили, объявив деревню фронтовой зоной. Пешком отправился к той деревне, куда переселили жителей Руды, но информация оказалась ложной. Где-то переночевал и вернулся в часть.

В кузовах грузовых автомобилей были "левые" пассажиры,

обычно гражданские лица, что запрещалось правилами. Но военные шофера не упускали возможность подработать. Не доезжая нескольких сот метров до контрольных пунктов ВАД (военная автомобильная дорога), шофера высаживали поляков. Однажды пассажиром был поляк в форме польской армии. На мой вопрос он ответил, что едет в польский отпуск и объяснил - самовольную отлучку на несколько дней. Ближе к фронту в форме польской армии были солдаты и офицеры советской армии. Однажды, в каком-то городе, я очутился на выступлении перед поляками на площади генерала Роли Жимерского, главнокомандующего сформированной в СССР польской армии, преимущественно из советских граждан. Он произносил речь, стоя на танке. По обе стороны от него стояли неприметные молоденькие солдаты советской армии с винтовками, с безучастным выражением на лице. У меня было ощущение, что он не под охраной, а под конвоем. И, наверное, не только у меня.

Батальон приблизился к Варшаве на расстоянии видимости. На противоположном берегу была Прага - предместье Варшавы. Оттуда в небо постоянно поднимались клубы черного дыма. Немцы жгли город. Захват Варшавы, удерживаемой польским Сопротивлением, ориентированным на Лондон, был не в интересах советского правительства, подготовившего марионеточное правительство для Польши, и не в возможностях советской армии с растянутыми в летнем наступлении тылами, как объясняли официально в Москве. Совсем недавно поляки были безучастны к уничтожению еврейского гетто в Варшаве. Теперь они на себе испытали безучастность России к уничтожению их столицы немцами. Все варшавяне. Им немцы дали возможность видеть, как горит Варшава, выселив из города.

Трагизм горящего города не был предметом разговоров между нами, в частности, офицерами. Мы насмотрелись печными трубами, оставшимися от сожженных российских и украинских городов, а я к тому же - видом Сталинграда.

Через некоторое время батальон передислоцировали на юг в район г. Сандомира. Здесь восстанавливали дорогу, ведущую непосредственно к реке. За рекой был Сандомирский плацдарм.*

* Для форсирования р. Вислы, но не в районе Варшавы, линии снабжения фронта оказались нерастянутыми.

Окончание работ было приурочено к началу наступления с плацдарма с целью окружения Варшавы. Начальником переправы стал генерал. К мосту устремилась нескончаемая колонна танков. Без какой-либо спешки танки переезжали по мосту на противоположный берег. Переправа танковой армады проходила без суеты или затора и длилась весь день. Через несколько дней и мы вошли в Западную Польшу. Газеты писали, что с Сандомирского плацдарма была прорвана глубоко эшелонированная оборона противника. Никаких сооружений за первой линией окопов я не увидел.

Старшина роты был немолодым человеком, как и большинство солдат батальона, с желтовато-серым лицом, страдальческим от глубоких носогубных складок. Ко мне он испытывал, как я теперь понимаю, дружеские чувства. Он дал мне кожанку, какую носят танкисты, а потом немецкий фотоаппарат. Однажды я шел в кожанке без погон. Возле мостика через ручей меня остановили поляки и предложили пойти с ними в комендатуру. В комендатуре быстро разобрались и отпустили меня, но фотоаппарат забрали, сказав, что решение о фотоаппарате вынесет комендант, которого тогда в комендатуре не было. Через пару дней я пришел в комендатуру. Мне показали документ об изъятии фотоаппарата на том основании, что я был задержан в одежде без знаков отличия с фотоаппаратом у моста. Почти что шпион, но отпущенный за неимением улик. Много дней спустя, уже на другом месте расположения роты, я рассказал эту историю офицеру, представлявшему СМЕРШ, что расшифровывалось как смерть шпионам. Офицеры с таким идиотским названием были в каждой отдельной воинской части. Они были представителями НКВД в доблестной героической советской армии и ничего общего не имели с контрразведкой. Какой интерес мог быть у немцев к дорожным рабочим, орудовавшим ломом, киркой и пилой, или к роте, перевозившей свое имущество на двух-трех одноконных повозках?! Собрать бы всех офицеров в один полк СМЕРШ... Как не вспомнить при этом сцену из кинофильма "Чапаев" с изображением атаки белогвардейских офицеров, презирающих смерть. Что делал наш СМЕРШ в рабочее время, не знаю. Вне службы (а может быть, как часть своей службы) он сделал беременной рябую прачку моей роты, и она отправилась домой. Был он парень молодой, общительный. Знал, что шпионов нет. А энергия была. Когда я

рассказал ему историю с фотоаппаратом, он сказал, что мог бы помочь получить фотоаппарат обратно, написав письмо, что я выполнял его задание. Что было бы, если бы я заполучил фотоаппарат, прибегнув к помощи НКВД, и после этого думал, что в НКВД можно обратиться за помощью, расскажу позже.

Некоторое время батальон стоял на окраине Познани. Все польские таблички с обозначением улиц были перечеркнуты двумя тонкими диагональными линиями красного цвета. Познань у немцев стала Позен, и польские названия улиц была переименованы, но старые названия оставили, чтобы знать польские адреса. Однажды я увидел, как поляки быстро скопились в одном месте. В ком-то они опознали коллаборациониста или предателя. Я обратил внимание, что все польские женщины в Познани были красивыми. Однажды молодые поляки пригласили меня на вечеринку. Я принес флягу трофейного спирта. Поляки добавили в него куриные желтки и получился сносный напиток. Были танцы. Во время танцев гасили свет для поцелуев. Когда я решился, в паре со мной танцевала невеста одного из молодых людей. Получилось. Один поляк продавал на дому фотоаппараты, точнее - менял на продукты. Цену на фотоаппарат ставил рыночную, продукты оценивал по расценкам нормированных товаров, т.е. продаваемых по карточкам. Явно, недоучился у евреев. Продукты у нас появились. Трофейные, сверх нормативные. Куском мяса я расплатился за фотографию в белой зимней шапке, которую выменял на свою темную у фельдшера, получившую ее в свою бытность на Карельском фронте.

Примерно через три недели после посещения Руды я приболел и "вышел из строя" на несколько дней, и заполнил время сочинительством стихов о пребывании в Рудах. Явно ученические, написанные не для показа, они сохранились до сих пор. Писал я за неимением тогда бумаги на листах трофейной немецкой конторской книги. Последние строфы выцвели, так как писал, наверное, другими чернилами. Читали стихи, может быть, два-три человека, и определенно моя младшая дочь в моем тогда возрасте.

Все годы войны я получал письма от Майи. Они радовали меня, и я написал Майе, что она *Consuela de mialma*, воспользовавшись названием книги Жорж Санд "Консуэла", что в переводе значит УТЕШЕНИЕ моей души, но постеснялся перевести фразу на русский язык. Я хранил ее письма и вернул их по ее просьбе. Одно

письмо сохранилось. Оно было адресовано в Свердловск, воинская часть 148, подразделение 67. На письме, отправляемом тогда в виде треугольника (конвертов тогда не было), стоят пять печатей, четыре из них круглые. Содержания в письмах было мало и это понятно. Жизнь студентки без средств к существованию была не больше, чем выживанием. Письмо к соученику было отдушиной. Суда по беспредметности, подобные же стихи могли рассылаться и по другим адресам, никто об этом не задумывался и был так же, как и я рад письмам, за что ей еще одно мое спасибо. Когда я был в Польше, пришло письмо от Нины. Она с мамой и можно сказать с немцами покинула Артемовск и поселилась в Запорожье. Не прерывалась переписка с Маневичами. На имя Михаил Марковича я оформил Аттестат - мою заработную плату. Оформление затянулось: очень необычным было посылать деньги не жене, родителям или детям, а дяде, к тому же с другой фамилией.

В Польше много озер с чистой водой, пологим песчаным дном. Мой "плавательный" сезон (плавать я научился на этих озерах) затянулся до ноября, когда вода уже была холодной. В осенних пеших передислоцированиях мы видели на убранных полях много зайцев. Поляки на них не охотились, так как при немцах не имели права иметь оружие. Русские тогда оружие еще не продавали. Однажды, остановившись на ночлег, я пошел перед наступлением темноты охотиться на зайцев с автоматом ППШ. На слегка заснеженном поле зайцы были видны. Мои автоматные очереди напомнили им о войне, не больше. Быстро наступила темнота, и я с зайцами принялся за наши вегетарианские ужины.

Один ночлег, задолго до охоты на зайцев, пришлось на помещицью усадьбу с настоящим, живым помещиком. К нему в дом зайти не разрешалось, так как там шел ужин. Когда ужин почти закончился, зашел с другим офицером в дом и увидел расхोлившихся из-за обеденного стола примерно тридцать человек. Что-то привлекло хозяина к нам, наверно, мой молодежавый вид. Мой ответ на его вопрос обо мне он перевел полякам, и я был представлен им как "неоконченный лекаж", буквально - недоучившийся врач. Нас усадили за огромный длинный стол и накормили, конечно, картофелем. Многочисленные гости хозяина были варшавяне, изгнанные немцами из города перед его уничтожением. Мой спутник определил помещика либералом. Понятие гуманизма в советском понимании не

существовало как что-то реальное. Гуманисты в буржуазном обществе могли быть во Франции и только в далеком прошлом. Но никак не в наше время, тем более среди помещиков и капиталистов.

ГЕРМАНИЯ

Немецко-польскую границу мы перешли в конце зимы 1945 г. На одном из первых расквартирований в доме, покинутом жильцами, я обнаружил письмо какой-то женщины отсутствующей хозяйке квартиры. В письме ожидаемое со страхом вступление советской армии в Германию представлялось нашествием варваров. Меня письмо оскорбило... но запомнилось.

На одной из коротких остановок в сельской местности на территории какого-то склада я увидел бочки, в которых были консервированные, лишенные какого-либо вкуса сливы и потому никем не тронутые. Увидел я также поблизости наваленную в кучу белую сахарную свеклу. Где-то нашел двух-трехведерный котел, вмурованный в печь. Выварил в котле сахарную свеклу. В сладкий сироп добавил слив и варил до загущения. Получилось повидло, не так уж много - чуть больше пятилитровой кастрюли. На этом же расквартировании съели все повидло. Заботиться о том, в чем везти повидло, не пришлось.

В одном месте, где у меня был ночлег, перед домом были две свежие могилы. Это были могилы мужа и сына хозяйки. Мне не нужно было спрашивать, чтобы узнать, кто их убил. Еще на одном месте на двери квартиры было написано "Здесь живет семья члена комитета Свободная Германия". Москва позаботилась о семье офицера вермахта совсем не так, как об коммунистах-антифашистах, эмигрировавших из Германии после прихода Гитлера к власти. Какое отношение советской армии к немецкому народу, командованию было известно. Спыхватилось оно тогда, когда насилие распространилось на иностранцев из нейтральных стран. Командование издало Обращение к армии. Наверно, это было первое и единственное обращение, а не приказ в истории советской армии. В перечислении бесчинств, в частности, указывалось на изнасилование жены японского корреспондента или дипломата. С Японией тогда еще Советский Союз не воевал. В обращении правильно подчеркивалось, что немцы не наши враги, но и не наши друзья. До этого "Убей немца" - было заповедью.

Наша жизнь изменилась заметно к лучшему. Дороги в Германии были асфальтированные, а некоторые бетонированные, что я увидел впервые, поэтому с топорами, кирками и лопатами делать было почти что нечего. Батальон рассредоточился на большой площади так, что роты удалились от штаба на изрядное расстояние. Появились в избытке трофейные продукты питания. Наступила эйфория и расслабленность. Я перестал ездить на ежемесячные комсомольские собрания до тех пор, пока не получил строгий выговор с предупреждением.

За несколько дней до падения Берлина батальон посадили на грузовики и подвезли к Берлину. Навстречу нам шли колонны немецких военнопленных. Мы вошли в город через два-три дня после его падения - в первых числах мая 1945 г.

Проезжая по городу, видели серые, угрюмые, массивные, одинаковые по высоте дома с черными провалами разбитых окон и белыми простынями на флагштоках - символами капитуляции. На фасадах домов большими черными буквами часто можно было видеть аккуратную надпись: "Berlin bleibt deutsch" - Берлин останется немецким: лживое обещание не сдать город. Последняя ложь, в которую поверили берлинцы, вывесившие белые флаги.

Батальон расквартировали в Карлхорсте, зеленом предместье Берлина. Через несколько дней всех немцев выселили из Карлхорста. Помню, как немцы из дома, где я остановился, начали убирать брикеты угля, сложенные у фундамента дома. Таким образом, они вскрыли вход в потайное место, где хранили множество чемоданов с вещами. Солдаты и без этого сообразили, что немцы как-то утаивают свои ценности, и активно искали закопанные в землю ящики. Успех сопутствовал им в таком нехитром деле. Все они были люди физического труда в прошлом, и смекалка у них была на высоте. Не помню, чем занимались солдаты в рабочее время, знаю, что не ремонтными работами. Однажды мне сказали, что видели в открытой машине проезжавших немецких генералов. В это было трудно поверить. То ли только моей роте, то ли всему батальону было поручена уборка Инженерного училища. Кажется, это было кирпичное здание коричневого цвета. В него я не заходил. Здесь была подписана капитуляция Германии. Узнали мы об этом уже не в Берлине. Сообщение об окончании войны встретили стрельбой в воздух. В батальоне жертв не было. Где-то были.

У меня появился собственный велосипед. Когда надоело крутить педали, решил цепляться на велосипеде за борт автомобиля. Цеплялся, пока однажды автомобиль, останавливаясь у правой обочины дороги, не прижал задним колесом к барьеру переднее колесо велосипеда еще до полной остановки. Я оказался счастливее другого фельдшера роты. Он, цепляясь за автомобиль на велосипеде, был раздавлен встречным автомобилем. Были и другие потери. Лейтенант из другой роты подорвался на противотанковой мине, польстившись на какую-то приманку. Солдаты из моей роты напились метилового спирта где-то вне роты и с отравлением были госпитализированы. Один из них, Ящечкин, болезненного вида, пытавшийся как-то дать мне сторублевую банкноту, умер. Были чрезвычайные происшествия, где жертвами были не военнослужащие, а гражданские лица. Упомянутый фельдшер назначил и дал смертельную дозу настойки опия грудному ребенку с диареей. Командир батальона приехал к родителям умершего ребенка, представился военным врачом и сказал, что доза была лечебной. Мой, уже другой командир роты, был представлен к ордену Красной Звезды. Но вышестоящее начальство наградило его орденом Отечественной войны 2-й степени. На радостях он напился и изнасиловал хозяйку дома, где жил. Более высокую награду ему дали за участие в гражданской войне.

Так завершилась Великая Отечественная Война. Но впереди мне предстоял небольшой, но памятный еще "Вперед на Запад!". Батальону за подготовку здания Инженерного училища к подписанию капитуляции Германии разрешили повести офицеров на экскурсию в Западный Берлин. Экскурсия была неожиданной, заранее о ней не оповестили, и не все получили возможность поехать в Западный Берлин.

Тотчас после взятия города, - это уже было к нашему вступлению в город - на границе между советской зоной оккупации Берлина и зонами союзников были установлены посты для запрета входа или въезда в зоны союзников, хотя союзником в городе еще не было. Заграницы! Мы проехали через Бранденбургские ворота в Западный Берлин. Запомнилось посещение рейхстага. От здания осталась обгорелая коробка. Кое-где еще шел дымок от тления чего-то. Стена у главного входа была исписана теми, кто побывал и хотел оставить о себе память. Желających посмотреть рейхстаг было

много. Кое-кто фотографировался. Нужно было взять что-то на память. Камни, что еще? Показать камень и сказать, что из рейхстага? Кто-то не поверит. Позади здания были разбросаны архивные документы рейхстага. Взял листок. По счастливой случайности его не украли, и он сохранился до сих пор. О нем знают дети и Светлана. Они поверили бы камню тоже.

В Карлхорсте много времени я провел, слушая многочисленные патефонные пластинки, оставшиеся после выселения хозяев. Еще до их выселения я получил разрешение проигрывать пластинки на их радиоле. Музыка тогда вряд ли доставляла им удовольствие, особенно в сочетании с моим присутствием. Теперь я слушал пластинки, чтобы отобрать себе. Они были моим самым приятным трофеем.

В конце мая или начале июня начался поход на восток. Пешком мы прошли от Берлина до Франкфурта на Одере. Батальон разместился компактно в городе по Лессингштрассе в многоэтажных жилых домах. Мне и, кажется, еще одному офицеру досталась большая квартира, где кто-то до нашего прихода занимался физиотерапией. Батальон был в ожидании погрузки для возвращения в СССР. Однажды, в жаркий летний день в темных очках и накрывшись плащ-палаткой, потому что был небрит (тогда я пользовался не бритвой, а машинкой для стрижки волос № 000 или № 00000) я стоял, читая какое-то объявление. Стоявший рядом со мной седой немец спросил: не еврей ли я? Получив утвердительный ответ, он представился, сказав, что он еврей, социал-демократ в прошлом, зовут его Мартин Бро. Женат во втором браке на немке и потому уцелел. Во втором браке у него трехлетняя дочь. Не работал, так как евреям работать не разрешалось. Два взрослых сына - евреи из первого брака были отправлены на тяжелые физические работы в Норвегию, и судьбу их он не знал. Он пригласил меня к себе, где познакомил с женой и дочкой Габихен. Дважды я был с ним в пивной. Там разрешалось купить только одну кружку пива за баснословно низкую цену - 50 пфеннигов. В то время ничего нельзя было купить вообще. Немцы вели разговоры, которые я не понимал. Мартин сказал, что идут споры между коммунистами и социал-демократами. Социал-демократы считали первоочередными экономические проблемы, коммунисты отдавали предпочтение политическим решениям. Никого из советских военнослужащих в

пивной я не видел. Сидеть с одной кружкой пива весь вечер не в наших правилах. В доме у Мартина я увидел его соседку. Она была изнасилована и забеременела. О ребенке речи быть не могло. Предстоял аборт. Трудная проблема в Германии и легкая у нас. Как не вспомнить соседку Меланью в Артемовске, сделавшую аборт на дому и дома умершую.

Однажды мне прислали немку лет сорока убирать квартиру. Она вошла и, увидев, что я один, отказалась убирать комнату в моем присутствии. Для меня это было оскорбительно. В доме напротив жили немки. На первом этаже жила словоохотливая немка и, когда я с лейтенантом Мацаберидзе подошли к ее открытому окну, она спокойно, без стыда и осуждения рассказала, как ее, недостижущую пятнадцатилетнего возраста дочь, изнасиловали танкисты. Тем не менее, она пригласила меня в квартиру. Я стал бывать у ее дочери Ингебор Керстен, дочери паровозного машиниста. Инга была высококорослой, крепкой, не в маму, блондинкой, выглядевшей старше своих лет. Относилась ко мне с симпатией, хотя в моей военной форме я мог бы вызвать враждебность. Иногда я заходил к ней тайком, будучи дежурным по батальону. Я садился на диван рядом с ней и засыпал после, вероятно, бессонной ночи. Тогда я услышал от Инги запомнившуюся ей с недавних детских лет песенку: *Bist du nude? Geh zu tue! Schliese beilde Augenzu.*

Что значит: ты устал, иди на покой, закрой глазки. Однажды она чем-то рассердила меня. Я положил ее на колени, спустил трусики и сделал несколько шлепков. Ее обида на меня быстро улетучилась. Думаю, что это было очень необычное насилие над девушкой в побежденной стране. Мать Инги продолжала относиться доверчиво к моим посещениям. В том же доме двумя этажами выше жила восемнадцатилетняя девушка Рут Шонов. Рут была высокой смуглой брюнеткой спортивного типа. Прыгала в высоту на 165 см (норма ГТО - 120 или 125 см) и могла плавать в течение двух часов. Она тоже подверглась групповому изнасилованию. Толи Рут, то ли Инга были изнасилованы дважды. Из дома девушки не выходили. Так у меня сложилось впечатление, что в советской части Германии не осталось ни одной не изнасилованной женщины или девушки.* Можно объяснить, почему в гнев убивают

* В Западном, почему-то, Берлине установлен памятник солдату,

обезоруженных плененных, но массовые групповые изнасилования – варварство, в 20-м веке позорящее армию и прежде всего тех, кто не принимал в этом участия.

К сожалению, неучаствовавшие в изнасиловании, и я в том числе, не чувствовали себя опозоренными.

Не было в городе и молодых мужчин. Однажды я в предвкушении настоящей демобилизации одел брюки и плащ и вышел перед вечером прогуляться. Недалеко от дома меня заметил комендантский патруль и предложил следовать в комендатуру, несмотря на мои объяснения. Так как это произошло почти что в расположении батальона, кто-то заметил, что меня уводят. Сообщил другим солдатам. Они догнали патруль и освободили меня, сказав, что я их военфельдшер. Что думали патрульные обо мне, когда задержали? Наверно, что я власовец. Кто еще из советских переодевался в гражданскую одежду в Германии, когда только что закончилась война.

Солдаты могли и не выручить меня, зная, что меня отпустят и потом посмеяться вместе со мной над происшествием. Побежали солдаты с физическими недостатками, догнали патруль, чтобы освободить. Мне бы запомнить их имена тоже, не только Лёдзи, Чеславы, Инги, Рут.

Незадолго до отъезда во Франкфурте состоялся первый концерт. На концерт пригласили коменданта города и нескольких офицеров из комендатуры и посадили в первый ряд. Выступал пожилой скрипач-виртуоз. Он исполнил несколько сложных скрипичных произведений в сопровождении фортепиано. По окончании концерта комендант во всеуслышание небольшой аудитории отозвался положительно о восстановлении мирной жизни и задал вопрос, почему скрипач не играл музыки Штрауса. Смех в зале не раздался.

Пришло время возвращаться в СССР. Поездом, опять в товарных вагонах, но теперь офицеры едут отдельно от солдат. Офицерский вагон без нар, и каждый обзаводится спальным местом по-

спасшему ребенка из горящего здания. Пусть стоит памятник неизвестному солдату (мы знаем, кто стойко защищал один дом в Сталинграде, кто лег на амбразуру немецкого огневого пункта, кто водрузил красное знамя над рейхстагом) и спасенному им ребенку. Но почему нет памятника тем сотням, а может быть, тысячам воинов, которые делали детей в одиночку или группами? Теперь это на совести немецкого правительства.

своему. Моим стал большой светлый диван с покатою спинкой. Будут со мной зеркало и резная деревянная аптечка - все из квартиры, где я жил. Попрощался с Мартином Бро и его женой, с Ингой и Рут. Обе подарили мне фотографию, по две каждая. Значит, я в какой-то мере реабилитировал советскую армию, по крайней мере, в глазах двух девушек. На прощание не поцеловал. Их жизненный опыт, наверно, остановил меня. Рут я оставил адрес Маневичей на случай, если ее заберут на принудительные работы в СССР.

После погрузки в поезд эшелон долго не отправляли, и я пришел к Инге. Ее мать рассказала, что после того, как батальон покинул дома, немки, в том числе мать Инги, обнаружили в тех домах что-то из припрятанного в подвалах прежними жильцами и воспользовались этим. Люди одинаковые везде - в Еленовке Киевской области, во Франкфурте-на-Одере и, как я узнал позже, в Артемовске: чужое без хозяина - мое.

Возвращаемся на родину. Пересекаем Одер. Позади поверженная Германия и... самый светлый период моей жизни - июнь 1945 г. в г. Франкфурте-на-Одере. Были у меня потом радостные периоды и моменты, определившие мою судьбу или благополучие, но не было юности, безмятежности и благодущия, сменивших постоянную готовность к чему-то неожиданно плохому в течении долгих четырех лет войны.

Едем. Везем трофеи в соответствии с чином: у кого выше - ковры, кто пониже - что попало, можно и диван. Все везут часы. (Инга передразнивала искателей часов, спрашивающих немцев заученной фразой по-немецки в русскоязычной манере: "Гастдууры"). Это в масштабе батальона. Выше не поднимаюсь. Не видел. (Хотя слышал, что маршал Малиновский, в последствии министр обороны, привез три автомобиля). У командира батальона был живой трофей, ненадолго. Он взял в свой вагон какую-то деваху, а свою ППЖ отправил в другой вагон. На границе с СССР пограничники спросили, есть ли в поезде посторонние. Я не сказал, другие тоже. Через некоторое время деваха исчезла, и ППЖ заняла причитающееся ей место в вагоне командира батальона.

На остановках эшелона в Польше шла обменная торговля с поляками. Как только пересекли советскую границу, оборванные, грязные, на все готовые от голода дети-попрошайки стали непременным атрибутом каждой железнодорожной станции. Кто мог

вырасти из таких детей? Почему в Польше, полностью захваченной немцами, не было детей-попрошак, и буквально на первой же нашей железнодорожной станции их было много, никто себя не спрашивал. Победители были в эйфории.

На железнодорожных станциях торговля была более оживленная, чем в Польше. Покупатели заглядывали в вагоны с открытыми дверями в надежде что-нибудь купить из увиденного. Когда у меня кто-то захотел купить граммофон, я счел предложение оскорбительным. Мой граммофон был чем-то промежуточным между патефоном и граммофоном с большим раструбом. Велосипед я продал, когда сообщили, что эшелон направляется в Восточную Сибирь. С моим соседом по вагону, начальником финансовой части Румянцевым, я произвел обмен. За пару или две женских туфель я получил радиоприемник. Он оказался только со средними и длинными волнами и, как оказалось потом, неисправным, и я им никогда не воспользовался. Румянцев, рассмотрев туфли, обнаружил, что левая и правая туфля в одной паре несколько отличаются по фасону. Туфли попали ко мне следующим образом. Где-то в Германии я ворвался с группой из случайно очутившихся возле склада, только что вскрытого, где были рулоны материи и черная женская обувь навалом на полу. Я выбрал одну-две пары, руководствуясь размером и не удостоверившись, что они одинакового фасона. Отличие было незначительным, и носить туфли можно было. Известно ли было Румянцеву, что радиоприемник неисправный, не знаю. Был он добродушный, знал много прибауток, которые непозволительно воспроизвести, хотя одну запомнил. Страдал запоями. Другой сосед по вагону и сослуживец по роте был лейтенант Мацаберидзе (как не запомнить такую "еврейскую" фамилию!) Он побывал в штрафной роте, сбросив солдата из вагона на ходу поезда. Теперь, после войны, за такой поступок ему штрафная рота не угрожала, тем не менее, угрозы для нас не было.

Поезд подошел к Москве и наконец остановился в 15 км от города уже на Казанской железной дороге. По почте я известил Маневичей несколькими днями ранее. По номеру эшелона меня разыскал Михаил Маркович и тетя Лида, сестра папы. Тетя Лиде я отдал аптечку. Михаил Маркович был у меня дважды, и во второе посещение забрал граммофон, пластинки, зеркало, книги и одежду для будущей гражданской жизни. Поезд пополз дальше на восток. На-

чалась странная демобилизация. Сначала исчезла ППЖ командира батальона. Это было еще в Белоруссии. Не доезжая Москвы, "исчез" начальник штаба батальона. Когда проезжали Западную Сибирь "демобилизовался" замполит Паротиков с коврами.

Пропуская встречные поезда по однопутной сибирской железнодорожной магистрали с многочисленными и долгими стоянками, эшелон наконец остановился в Слюдянке - поселке на озере Байкал. Выгрузились, оставив все вещи под открытым пасмурным небом, и двинулись по берегу Байкалу в лес. Там поселились в землянках. О доставке дивана в расположение батальона речи быть не могло - бездорожье. Начались осенние морозящие дожди, девать мой намоченный диван было некуда, и я отдал его познакомившейся со мной еврейской семье из матери и двух дочерей. Как-то мне показали местную газету со статьей, критиковавшей мать этих девушек - заведующую промтоварным магазином. Антисемитская по направленности или в попытке найти виновника товарного голода, не могу сказать. Но с антисемитизмом я уже встречался. Случилось это в ничем не спровоцированном разговоре с командиром одной из батарей по фамилии Малинко во время формирования полка под Сталинградом. Мне запомнились его слова о том, что евреи-де избегают фронта и заполняют тыловые должности, в том числе и врачебные. Никогда раньше я не встречался с антисемитами и не был готов возразить, так как никакой опровергающей беспочвенные суждения информации у меня не было. Только после войны я прочитал, что в первые годы войны число героев Советского союза среди евреев было больше, чем у других национальностей после русских, украинцев и татар. Слово «жид» я услышал от молодого солдата, не вышедшего на работу без моего разрешения. Он пожаловался на боль в спине, но я не считал возможным освободить его от работы. Ранее я дал ему рекомендацию в комсомол. Такова ирония судьбы. О волне антисемитизма я потом услышал от лейтенанта из саперного мостостроительного батальона, временно заменявшего командира моей роты. Не скажу, что я ему поверил. О том, что я еврей мне, напомнили косвенно, когда попросили подписать какой-то документ, подтверждающий, что я не намерен выехать в Польшу.

В составе Забайкальского фронта батальон начал делать то, что до него делали каторжане: вырубать в скальном грунте шос-

сейную дорогу. Топору, пиле и лопате пришлось потесниться перед американскими бульдозерами. •

Офицерам предоставили возможность проводить выходной день вне расположения батальона. Кто-то побывал в Иркутске (тогда военнослужащие ездили в поездах бесплатно и без билетов) и сказал, что ночлег можно получить у одинокой женщины во дворе по адресу ул. Марата № 20. В числе нескольких человек я поехал в Иркутск. В комнате этой женщины мест было мало, и я переночевал на столе общей для нескольких семей кухни в доме по тому же адресу. Утром на кухню вошла хозяйка одной из квартир и пригласила к себе. Тетя Мира Батаен была матерью трех детей.

Ее старший сын моего возраста тоже был в армии. В последующие приезды в Иркутск я останавливался у нее и пользовался радушием ее и ее мужа. Это была известная в Иркутске еврейская семья. В Иркутск я ездил на уроки игры на скрипке (расплачивался салом армейского пайка) и в библиотеку, где брал книги на польском языке и стихи Гейне на немецком. "Пан Тадеуш" Мицкевича произвел на меня впечатление больше, чем "Евгений Онегин" Пушкина, наверно, потому, что "Евгений Онегин" не для 17-летнего инфантильного мальчика, каким я был в десятом классе школы. Стихотворения Гейне были созвучны моему чувству к Рут Шонов. И настолько, что под влиянием стихотворения Гейне «Mag-mor blase Matd» написал стихотворение с таким же названием, посвященное, но никогда не отправленное Рут. Однажды зимой укутанная во многие одежды в холодной библиотеке библиотекарь вытащила из-под ворота одежды мышонка. Он пролез между одеж- дами с пола до шеи в поисках выхода или тепла прежде, чем библиотекарь почувствовала его присутствие. Зимы в Иркутске холодные, особенно в нетопленых помещениях, каким была библи- отека. Да и у меня в землянке замоченная в тазу для стирки одежда замерзала, если таз стоял на полу. Иногда я приезжал в Иркутск в будние дни, сопровождая солдат в гарнизонную поликлинику к зубным врачам. Таких солдат было немало. Пять лет без зубвра-

• За участие в строительстве дороги - прообраз Байкало-Амурской магистрали - всех наградили медалями "За победу над Японией". Я не стал ее получать, сохранив тем не менее документ на получение медали. Не было гордости за такое участие в войне.

чебной помощи у немолодых людей привели к потере многих зубов и необходимости протезирования. Нагрузка у зубных врачей была большой, и однажды нескольких или всех к зубному врачу не приняли, и мы вернулись в часть. Потом, когда началась демобилизация и солдаты в открытую стали выражать свои претензии, один из них бросил мне гневно упрек, почему я не настоял тогда о его приеме зубным врачом. Ему было безразлично, каким могло быть качество протезирования в условиях дополнительной нагрузки, или была бы работа сделана в рабочее или личное время зубного врача. Но я его не виню. Так думали и думают там, где здравоохранение бесплатное. Побывал я два или три раза в Улан-Удэ – столице Бурят-Монгольской автономной республики. Однажды мне пришлось съездить в командировку в штаб Восточно-сибирского военного округа, отвезти какие-то бумаги. Проезд через Биробиджан – центр Еврейской автономной области – запомнился благодаря свежему пышному белому хлебу, выдаваемому как часть дорожного довольствия военнослужащим на железнодорожной станции в Биробиджане. Добрая слава об этом распределительном пункте распространялась без участия "средств массовой информации". Я, как и многие, знал, что хлеб выдает жена подполковника. Ее еврейская внешность не вызывала сомнений в национальности. Хлеб пекли, наверно, русские.

Батальон перевели из армейского подчинения в ведение МВД. Служба офицеров в МВД для армейских офицеров была добровольной. Я от службы в МВД отказался, и меня направили в санотдел военного округа в г. Иркутск. Из Иркутска я получил назначение в пехотную дивизию, расквартированную в Мальте – "городе женихов", как назвал кто-то в поезде этот городок. Там в непролазную грязь я представился штабному офицеру, запомнившемуся начищенными до блеска хромовыми (а не кирзовыми или в лучшем случае яловыми) сапогами. Незанятой должности для фельдшера не было, сказал он, оказавшийся потом родным братом жены моего киевского двоюродного брата Виктора. Я вернулся в Иркутск и был прикомандирован к гвардейскому пехотному полку. Так я стал вроде бы гвардейцем. Времени у меня было предостаточно, и я решил попытаться поступить иркутский медицинский институт. Получив от Маневичей из Москвы мою зачетную книжку с оценками за два курса, пройденных за один год в медицинской

академии, я пришел на прием к декану лечебного факультета профессору-невропатологу Ходосу, и он без всяких дополнительных требований зачислил меня на второй курс. Мне нужно было сдать зачет по микробиологии и экзамены по иностранному языку и микробиологии. Учебный год почти закончился, и я один занимался микробиологией и один сдавал экзамены. Так я стал студентом третьего курса Иркутского мединститута. Еще до поступления в мединститут в санотдел округа пришла разнарядка на три места в Ленинградскую военно-медицинскую академию. Начальник санотдела предложил мне стать одним из абитуриентов. Когда я отказался, мотивируя тем, что я прошел за один год два курса программы и не хочу начинать учиться сначала, он пригрозил мне отправкой служить на Сахалин. Пришлось подчиниться и присутствовать на подготовительных к вступительным экзаменам уроках, проводимых школьными учителями по программе средней школы. С документами о том, что я студент третьего курса института, я пришел к начальнику санслужбы округа, и он дал согласие на мою демобилизацию. Направление я получил не в артемовский военкомат, откуда меня призвали на военную службу и куда и должны были вернуть, а в Московский. За столом вокзального ресторана, а не в воинской железнодорожной кассе, где я купил билет, я получил плацкарту - место для лежания у двух офицеров из железнодорожной комендатуры, скромно поевших и выпивших за мой счет. Наверно, у них впереди было еще обеспечение плацкартами демобилизованных офицеров, и они не хотели перегружаться едой. Они были мои братья по оружию. Как не поддержать их.

Война позади. Впереди радушная цель: завершить высшее медицинское образование, что не удалось отцу из-за Октябрьского переворота в 1917 г. У меня солидный финансовый фундамент: трехлетняя офицерская зарплата, достаточная для обучения в институте в течение трех лет. Мне не дано знать, что моя радужная цель рухнет - я буду исключен из института, а деньги превратятся в ничто денежной реформой.

МОСКВА

Было начало сентября 1946 г. После радушной встречи у Маневичей, я отправился во 2-й Московский медицинский институт. Заместитель декана, чей сын, как потом выяснилось, уже был сту-

дентом 3-го курса без службы в армии, сказал, что я буду принят в институт, если принесу из милиции справку о прописке в Москве. Обрадованный, я пришел в милицию с заявлением от Маневичей, чья жилая площадь позволяла находиться еще одному человеку. В милиции мне сказали, что меня пропишут у Маневичей и дадут справку о прописке, если принесу справку из института о приеме в студенты. Замкнутый круг, из которого самому не выбраться, хотя есть место в институте и есть, где жить, но нельзя ни жить, ни учиться. Москва! "Как много в этом слове для сердца русского слилось". Для еврейского, как и для многих русских сердец, в этом слове слились две справки. Впрочем, и одной хватило бы. Но оказалось, что и одной справки не понадобилось. По совету Маневичей я обратился к очень дальнему родственнику, молодому врачу-хирургу Изе Бережинскому. Его знакомая Зара, тоже врач, была с детских лет вхожа в дом Гукаяна, начальника Главного управления медицинскими учебными заведениями Министерства Здравоохранения СССР. У него на приеме он сказал мне, чтобы я пришел на прием к директору мединститута Миловидову. Никакого письменного сопроводительного документа при этом не надо. Миловидов принял меня и дал указание зачислить меня в студенты. Горя желанием иметь диплом врача с отличием, я быстро подготовился и пересдал единственную тройку в моей зачетной книжке. Я получил пятерку по гистологии. Пожил немного у тети Лиды, она с мужем и сыном жила в одной комнате на первом этаже старинного двухэтажного дома с вечно влажной от подпочвенной воды наружной стеной. Потом на раскладушке в одной комнате с Бертой Марковной и Михаилом Марковичем, потом в общежитиях для студентов, вдали и поближе к институту. Время было голодное. Я часто болел простудными болезнями, т.е. инфекциями, то ли вирусными, то ли бактериальными. Сказывались недоедание в детстве, плохое питание в годы войны и перенесенная почти без лечения дизентерия во время формирования арtpолка под Сталинградом. Студенческий врач отоляринголог давала мне рецепты на покупку в аптеке рыбьего жира. Без рецепта его не продавали, и не в каждой аптеке можно было купить рыбий жир. Вкус отварного картофеля с рыбьим жиром я помню до сих пор. Не скажу, что плохой, но сейчас эту фиш-картошку я бы не стал есть. В трех кварталах от Маневичей жил старший брат моего школьного учителя по математике Виктор

Ильич Сахновский, уроженец Артемовска. С ним меня познакомила Майя Вайнштейн. Она ютилась в Москве в разных местах, в том числе на деревянном помосте в чьей-то комнате с высоким потолком. Виктор Ильич был любитель шахмат и нашел во мне партнера. Большею частью я выигрывал у него: сказалась разница в возрасте. После игры в шахматы мы обедали. Для него это был ужин. Не помню, ел ли я мясо не у Виктора Ильича и его жены Нины Марковны. Приглашал Виктор Ильич меня летом на дачу. У него подрастала дочь Жанна, сероглазая блондинка-хохотунья. В доме Виктора Ильича я познакомился с соучеником моей школы. Он был на три года младше меня, поэтому я его не знал. Обычно младшие школьники знают старшеклассников, он был одним из немногих евреев-летчиков Героев Советского Союза. Звание Героя он получил за большое количество боевых вылетов. За определенное количество вылетов летчик штурмового истребителя-бомбардировщика получал орден Боевого Красного Знамени. Четвертому ордену соответствовало награждение званием Герой Советского Союза. Вскоре он разбился, причину не знали. С другим Героем я говорил на фронте под Ковелем. Он был сухощавым среднего роста солдатом лет сорока. Был он в составе первого батальона или роты, форсировавших Днепр. Все немногие уцелевшие получили звание Героя. Я вернулся с войны без личных наград. Не было их и у врачей и фельдшеров ни из артполка, ни из дорстройбатальона. Лимит на награды на нас не распространился. Мы попали в разряд тех, кто пел "Ордена-медали нам с тобой не дали". Однажды командир батальона сказал мне: "Получишь медаль, если у солдат не будет вшей". Вшей не было бы, если у меня были те же возможности, что и в американской армии, где солдатам инсектицидом импрегнировали брюки с помощью струи воздуха, направляемой под давлением под брючину. Если бы я завладел такой возможностью, меньше чем на Героя, не согласился. Утешусь тем, что мои медали - те пули, в том числе трассирующие пулеметных очередей, которые немцы направляли на железнодорожный переезд, когда я с другими солдатами перебежали его, мои ордена - доля мин и снарядов "на душу населения" в тех окопах, где был я. Пусть лежат в моем столе Свидетельство к медали "За победу над Германией", справки "За освобождение Варшавы", «За взятие Берлина», "За разгром Японии". Я никогда не предъявлю их, чтобы получить медали. Я горд

участием в войне, но зачем это демонстрировать перед другими?!

Программу учебы, т.е. 1946-49 гг., еще никто не называл позорной, потому что мало кому из учившихся в те годы, посчастливилось показать, стыдясь или не стыдясь, "Вкладыш к диплому", где наряду с оценками по преподаваемым медицинским дисциплинам значится: "Зачет по плану развития народного хозяйства СССР в пятилетку 1946-1951 гг. сдан".

Нам, студентам, в те годы предлагали ответить на вопрос: кем каждый из нас должен быть прежде всего: гражданином или врачом? Правильный ответ - гражданином. Антиамериканская пропаганда была горячей частью холодной войны и непременно присутствовала в студенческой жизни. В одном эстрадном представлении на студенческом институтском вечере выступающий имитировал интонацию Зоры Сафир, диктора Голоса Америки - врага № 1 коммунистической пропаганды. В осуждение США, эстрадный оркестр сыграл блюз в пародийной манере. Я сидел в первых рядах и зааплодировал. Один, конечно. Почему бы не аплодировать негритянской музыке. Было и другое. На выборах в Верховный Совет РСФСР я голосовал против известного писателя. Соученице по группе потом сказал, что дело писателя сочинять, а не заседать. Я прочитал на ее лице нескрываемое осуждение, других последствий не было. Когда был мой черед делать политинформацию, я старался использовать информацию "Британского союзника" - еженедельной газеты британского правительства, издаваемого в первые послевоенные годы в Москве. Когда представлялась возможность, слушал у кого-нибудь радиопередачи Би-би-си и Голоса Америки. Именно слушая Голос Америки, я узнал о нападении Северной Кореи на Южную Корею за два или три дня до сообщения советской печатью о начале войны. Советская версия о нападении Ю.Кореи на С.Корею была очевидной ложью, так как северокорейские войска устремились на юг с момента начала войны. Войну Израиля за независимость я воспринял как еврей, хотя с еврейством меня не связывали ни язык, ни культура, ни окружение. Антиизраильскую пропаганду советской печати я воспринял как враждебный акт против меня лично. Если бы была возможность, я бы поехал воевать в Израиль.

Как, по-видимому, и в других медицинских институтах на кафедрах начали устраивать расширенные заседания, на которых

отрицали достижения иностранных ученых в биологии и медицине. Зарубежную медицину считали лженаукой. Узкую специализацию осуждали и даже высмеивали. Своих ученых-генетиков шельмовали, а заодно и евреев-профессоров. Так обрушились на заведующую кафедрой физиологии профессора Лию Штерн, вменяя ей в вину, что она считает допустимой и оправданной субокципитальную пункцию. Ее уволили, и ей пришлось покинуть Москву. Часто можно было видеть лозунги со словами садовода Мичурина: " Нам нельзя ожидать милости от природы. Взять их - наша задача". Наше появление на свет и существование - уже милость природы. Что-то брать у природы – значит, разрушить ее, и это милость? Все это надо было глотать. Но я давился. Было постоянное ощущение, что меня дурачат, что меня принимают за дебила, невидящего, а если видящего, то не понимающего, что происходит в действительности. Я оказался видящим, но не молчащим. В свои двадцать шесть лет я взял на себя роль мальчика из английской сказки, о короле и шарлатанах, соткавших королю камзол из невидимой ткани. Роль мальчика, сказавшего "А король то гол".

По окончании 4-го курса с четырьмя сокурсницами я был направлен в городок Сапожок в соседней с Московской области для прохождения летней студенческой практики в районной сельской больнице, где было всего два лечащих врача. По существу это была сельская участковая больница. Третьим врачом был главный врач. Он занимался в основном хозяйственной работой, в частности, выращиванием проса. Его обязанностью было содержание лошадей и питание больных. Для этой цели местные власти выделили больнице земельный надел. Хирург положительно оценивала бочку с отваром золы для лечения ран. Терапевт был в возрасте около 70 лет, старожил города, учившийся медицине до революции 1917 г. За годы правления большевиками в городе не было построено ни одного здания, даже школы. В сельскохозяйственном районе, выращивающем зерно, люди стояли в очереди за хлебом. Из уважения к старому доктору ему хлеб отпускали вне очереди. Наша производственная, как ее называли, практика была однообразной и ограниченной по содержанию. Так, например, за два месяца практики не было и пяти родов – по одним родам на каждого студента. В дневнике производственной практики писать было почти что нечего, а что было то удивительно однообразно. Чтобы дневник не выглядел

серо, я включил в него описание некоторых больных и социальный фон. К этому врачи, прочитавшие мой дневник прежде, чем подписать его, отнеслись как к ненужному, но подписали его, в том числе и руководитель производственной практики, приезжавший к нам два или три раза. Когда в сентябре начались институтские занятия, я сдал дневник. Во втором полугодии секретарь парторганизации курса С.Щеглов, тоже живущий со мной в общежитии института, сказал, что, если мне предложат переписать дневник производственной практики, я должен не возражать и переписать дневник. Он сказал также, что я должен встать на комсомольский учет в институтской комсомольской организации. На учете я был на музыкальных курсах, где некоторое время брал уроки игры на скрипке, но уже два года не платил комсомольских членских взносов и фактически выбыл из комсомола. Я уплатил взносы и встал на учет в комсомоле института. Дневник переписать мне не предложили. Началась весенняя экзаменационная сессия. Накануне последнего экзамена мне сообщили, что я не буду допущен к сдаче государственных выпускных экзаменов, так как мой дневник производственной практики не зачтен. Когда кончилась экзаменационная сессия, я был вызван на заседание комсомольского бюро института, и примерно после десятиминутного охаивания бюро решило исключить меня из комсомола. На заседание бюро не пришел член бюро, студент моей же группы, знавший меня три года. Решение комсомольского бюро без утверждения комсомольским собранием, согласно уставному положению, было передано в райком комсомола. На заседании райкома мое дело представил ходивший в "молодых ученых" Лопухин, аспирант кафедры, несуществующей в современных медицинских институтах. Он был секретарем комсомольского бюро института в своей карьере на пути к директорству. Без всякого обсуждения, после нескольких вопросов, вроде: на какие деньги я учился и сколько денег у меня осталось (какая забота!), - райком исключил меня из членов ВЛКСМ. В директорате института мне дали полоску бумаги - выписку из приказа по институту от 17 мая 1949 г., где было сказано: исключен из института без права поступления в институт за антисоветские взгляды, пренебрежительное отношение к врачебной профессии и цинизм, допущенный в отношении женщины. Исключили меня с "волчьим билетом", т.е. без выдачи документов об образовании и даже аттестата

об окончании средней школы. Гуманные советские врачи, принимая решение об исключении за антисоветские взгляды, знали, что никакие документы мне не нужны. В тюрьмы сажали и в лагерь смерти КГБ отправляли их друзей, родственников и соседей, никогда не подозреваемые в антисоветских взглядах и, арестовывая меня, КГБ в документах не нуждалось.

Почему мне "милостиво" дали закончить пятый курс, а не исключили раньше? Изгнать из института без соответствующей реакции партийной организации на мои антисоветские взгляды было нельзя. Вызвать меня на заседание партийного или комсомольского бюро как беспартийного тоже было нельзя: СССР демократическое, самое демократическое государство в мире и советские граждане имеют право иметь собственные взгляды. Как с комсомольцем со мной можно делать что угодно. Поэтому меня заманили в ловушку - комсомольскую организацию института, чтобы исключить из комсомола. Нужно парткому решение комсомольское бюро отштампует. Но, согласно уставу, решение бюро должно быть утверждено на комсомольском собрании. Но как можно осудить меня, не ознакомившись с содержанием дневника. Тотчас возникнут вопросы к тем, кто был со мной на практике, они, не дай Бог, скажут, что в дневнике все написанное - правда. Кто-то может выступить в мою защиту, потому что ничего антисоветского в дневнике нет. Если меня начнут защищать, значит, не я один носитель антисоветских взглядов и тогда, куда смотрит и смотрела парторганизация все годы?! Институт имени И.В.Сталина пестует антисоветчиков?! Исключить из комсомола надо, но без участия комсомольцев курса, т.е. когда собрание созвать невозможно "по техническим причинам", т.е. во время экзаменов. Продуман был также состав бюро. На заседании не был член бюро от моего курса Б.Лукьянченко, учившийся в одной группе со мной в течение трех лет. Для членов бюро, не знавших меня, как и я их, я был не больше, чем дневник в военной гимнастерке, на котором можно делать карьеру.¹

Почему мой дневник производственной практики заслужил такое внимание среди примерно трехсот дневников, включая отчете-

¹ Один из членов бюро стал заместителем директора института по научной части. Несуществующая должность в зарубежных мединститутах, в частности США.

ты студентов педиатрического отделения, летней студенческой практики 1948 г.? Дневники были подписаны и врачами на местах прохождения практики, и руководителем практики, ассистентом кафедры хирургии. Следующая проверка дневников производственной практики была в Москве. Мой дневник дали на отзыв ассистенту кафедры терапии. Она, одинокая еврейка, в 1941 г. когда немцы были у черты города Москвы, сожгла свой членский партбилет, полагая, что этим спасет свою жизнь в ожидании прихода немцев, когда немцы захватят город. Из партии ее не исключили, но за паникерство и неверие в победу советского народа, руководимого партией, ей, наверно, досталось так, что с тех пор она стала многого бояться не меньше, чем в сентябре 1941 г. И она разразилась. Со страха, полагая, что ей специально подсунили дневник, к тому же еврея, чтобы проверить ее партийную, скажем, зрелость. Как не охарактеризовать дневник антисоветским, если в нем написано, что в районном центре за годы советской власти не построили ни одного общественного здания, тогда как страна - сплошная стройка¹, или какие могут быть очереди за хлебом в производящем зерно районе, если нет никаких очередей за хлебом... в Москве?! Такой ее оценкой дневника нельзя было пренебречь. Первоначальный план вернуть мне дневник, чтобы я его переписал, был отвергнут, подстрочное чтение дневника членами партбюро превратило тонкую тетрадь дневника в фолиант, раздавивший меня.

Тетя Лида, проявившая участие, устроила мне встречу с недавно вернувшейся из-за границы журналисткой. Её знакомой. Наша встреча состоялась на улице, как бы случайно (какая предосторожность!). Она посоветовала мне пойти в КГБ и попросить проверить мою благонадежность. Я не послушал ее совета. Почему, я понял позже. Проверку на благонадежность вскоре пришлось пройти ей самой, но без ее инициативы. Она оказалась политически неблагонадежной на срок двадцать пять лет.

Я направился в приемную Президиума Верховного Совета СССР. Там посетителей принимали быстро, тем не менее, стоять не разрешалось. Можно было только сидеть ("Сидели" и жена Предсе-

¹ "СССР на стройке". Так назывался советский журнал для заграницы, который по ряду причин, в том числе и ранней смерти, не мог редактировать князь Потемкин и потому редактировался редактором А.М.Горьким.

дателя Президиума Верховного Совета СССР и жена Председателя Совета Народных Комиссаров). Как только я сказал, за что меня исключили из института, ведущий прием, кажется, подполковник прервал меня словами: "Правильно сделали, что исключили". Жаловаться было некому.

Я отправился также в Министерство Здравоохранения СССР, так как институт был союзного, а не республиканского подчинения. В министерстве мне сказали, что моя жалоба может быть рассмотрена не управлением учебных заведений, а заместителем министра по кадрам. Немного странно, но объяснения этому я не искал. Я был допущен к заместителю министра Виноградову, и он предложил мне прийти повторно после ознакомления с дневником. Дневник был получен зам. Министра, и он вместе с министром Смирновым, бывшим начальником Главсанупра Красной Армии, выступавшим перед нами, слушателями академии в Куйбышеве, возмущались содержанием дневника. Это сказала секретарша Виноградова кому-то, и еще через кого-то дошло до меня. Тем не менее, при втором посещении зам. министра мне сказали, что зам. министра предлагает придти к нему на прием студентам, бывшим со мной на производственной практике, и секретарю партийной организации курса. Последний, Слава Щеглов, с виду татарин без капли русской крови, жил со мною в общежитии и охотно согласился повидаться с зам. министра. Труднее было разыскать четырех студенток и убедить их прийти в министерство. Все стали врачами, получили назначения. Готовились ехать кто куда. Не пришла москвичка Ира Бычкова, несколько инфантильная по виду, наверно, по совету родителей. Не на многое я рассчитывал на их посещение министерства. Но случилось неожиданное. Из министерства я получил копию распоряжения зам. министра Виноградова директору института Миловидову выдать мне академическую справку об окончании Медицинского института для направления на работу заурядврачом. При наличии положительной характеристики мне будут разрешено сдавать государственные экзамены в следующем году.

Радости у меня не было. Сил хватило только на преодоление шока от исключения из института. Возрос страх. Страх быть арестованным, а позже - страх быть убитым агентами КГБ в безлюдной местности Казахстана или Таджикистана, где я был в последующие два года. Страх гнезвился во мне десятки лет. Я не желал встреч с

моими сокурсниками по институту, и мне была неприятной встреча даже с С.Щегловым, защищавшим меня в министерстве. Я чувствовал себя заложником дневника, и любое сообщение бывшими моими сокурсниками о содержании моего дневника КГБ стало бы для меня роковым. Наверное, страх остановил меня последовать совету журналистки и обратиться в КГБ. Я нашел оправдание своему страху быть убитым, много лет спустя узнав, как были убиты агентами КГБ без ареста председатель Антифашистского еврейского комитета Михозлс и киноактриса Федорова.

Сколько миллионов людей погибло в годы правления Сталиным, не обмолвившись ни одним словом, не написав ни единой строки, которые могли бы быть расценены как айтисоветские! Мои антисоветские мысли я запечатлел в строках дневника, не личного, а предъявленного как документ и в больнице в Сапожке, и в медицинском институте, и потом читаемого в Министерстве¹. В такой ситуации вероятность уцелеть, наверное, не больше, чем у еврея-узника немецкого концентрационного лагеря. Но я уцелел. В бедственном положении я очутился по своей вине, но до этого я сделал кое-что, чтобы выкарабкаться из него. Когда С.Щеглов попросил меня сделать доклад перед курсом о внутреннем и внешнем положении СССР, я согласился без уговоров, хотя на это за три года удалось уговорить не более двух человек. На практике в Сапожке я не отдавал предпочтения кому-либо. Пятикурсницы были двадцатитрехлетними девушками на выданье, а женихов у них не было: война отняла женихов у многих. Мое поведение заслужило положительную оценку в такой мере, что они поручили Софе научить меня целоваться.² Я рисковал не многим, согласившись с их решением и, кажется, заслужил положительную оценку.

Исключение из института стало испытанием для моей невесты Эли (Елены) Пилевской - высокой, красивой голубоглазой шатенки, моей сокурсницы. В это трудное для меня время она поехала

¹ Референт министра, грузин, прочтя мой дневник, гневно сказал мне, что у нас есть всякий хлеб: черный, белый, синий, красный. Его Грузия теперь знает, что хлеб бывает красного цвета. Лучше чтобы это знала не его страна, а только он.

² Через несколько лет Софа позволила себе большее и стала матерью-одиночкой двух близнецов-мальчиков.

в санаторий на Рижское взморье. Вернувшись в Москву, когда моя "эпопея" разрешилась благополучно, отправилась на работу в приволжский дом отдыха. Не в ее природе было быть со мною в беде и поехать со мною в Казахстан. Разделить невзгоду - удел женщины-матери. Эля была женщина-дочь. Я и не просил ее об этом.

На следующий год студентам института, едушим на летнюю практику рассказали, что в прошлом году психически ненормальный студент написал отчет о производственной практике так, что его исключили из института. Студентов инструктировали, как не надо писать дневник. Много лет спустя психически ненормальными объявляли людей, протестовавших против несправедливостей строя и изолировали их в психбольницах, где агенты КГБ в белых халатах травили разрушающими индивидуальность сильнодействующими психотропными средствами.

В "мое" время это было бы роскошью.

КАЗАХСТАН

В Гурьев (Казахстан) я поехал с соседкой по общежитию Ниной Дубининой, получившей тоже направление в Казахстан. По моему предложению мы поехали поездом в Астрахань, чтобы там сесть на пароход, курсирующий между Астраханью и Гурьевым. О существовании пароходного маршрута Астрахань-Гурьев я знал. О времени начала навигации узнать было не у кого. Июль месяц вселял уверенность. Приехав в Астрахань, мы узнали, что навигация начнется через две недели - 16 или 17-го июля. Из Астрахани с несколькими пересадками с поезда на поезд и ночлегом у кого-то на полу мы добрались до Гурьева. Нина меня не корила и стойко переносила невзгоды нашего путешествия, хотя ехали мы не налегке, а со всем, что нужно для начала самостоятельной жизни, включая медицинские книги. Нине дали работу в Гурьеве, меня направили в отдаленный граничащий с Астраханской областью Денгизский район. Автомобилем пришлось бы ехать, наверно, половину дня, самолету лететь около двух часов - более 300 км. Меня отправили открытым двухместным бипланом - кукурузником. Летел я без фиксации, что было нарушением правил безопасности, и мог бы выпасть из самолета в какой-нибудь воздушной яме. Тотчас после приземления, летчик дал подписать мне документ, гласящий, что он привез медикаменты. Перевозить самолетом врачей к месту работы

не разрешалось, а другого транспорта у облздраотдела не было. Написав эти строки, я понял, почему в самолете отсутствовали при-вязные ремни для пассажира.

Прилетел я в Ганюшкино - районный центр, в прошлом русское рыболовецкое село, теперь далеко отстоящее от моря. Обмелело Каспийское море. Весной, в половодье на Волге, вода переполняла речушку, часть дельты Волги, и в ней баграми вылавливали сазанов. Свидетели этому были живы. В селе уже никто не рыбачил. Можно было только "рачить", чем занимались дети.

В районной больнице с поликлиникой были два терапевта и хирург, не производившая операции. Функционировала туберкулезная больницы с одним врачом. Была врач-педиатр. Электрическое освещение ограничивалось немногими вечерними часами, и о нем можно было судить по шуму движка, вырабатывающего электричество, так как уличного освещения не было, а окна светились одинаково и от керосиновых ламп, и от лампочки Ильича. Заведовала раздравом Везлинская, грузная седая женщина, засыпавшая на заседаниях, когда не выступала, и терявшая сознание, когда на кого-нибудь кричала. На одном из собраний обсуждали письмо одного из наших пациентов, пожаловавшегося в журнал "Крокодил" на отсутствие в больнице игл для инъекций. В ответ на запрос "Крокодила" было послано письмо-решение общего собрания, продиктованное Возлинской: информация большого журнала "Крокодил" неправильная, так как иглы в больнице имеются в достаточном количестве. Что это не так, я убедился со временем. Вскоре в Ганюшкино приехала хирург после трехмесячной стажировки в областной больнице. Она была из Ленинграда и тоже в 1949 г. окончила мединститут. В Люсе Коломейцевой я увидел то, что не было у Эли Пилевской - взаимопонимание, общность. Как Эля Пилевская была черной кошкой, перебежавшей дорогу Нине, так Люся взяла на себя такую же роль в отношении Эли, не пренебрегая предстоящим браком с каким-то ленинградским сотрудником МВД. На своем опыте я убедился, как душевные качества одной женщины могут нивелировать физическую привлекательность другой.

Наступили зимние холода, а потом морозы, сковавшие землю льдом. Пастбищное содержание животных стало невозможным. Кормами запастись не было принято. Начался падеж животных, по словам, быстро достигший 30%. На привоз кормов откуда-то рас-

считывать не приходилось. Началось партийно-административное трепыхание. Всем поручали что-то сделать. Облздраву предложили послать на стойбище врачей, не ветеринарных, конечно. Для этой цели в Ганюшкино прислали самолет, чтобы один раз слетать на какое-то стойбище. Выбор пал на меня. Лететь в открытом "кукурузнике" без теплой одежды грозило серьезными обморожениями, и я отказался лететь без теплой одежды. Отказался и после того, как мне принесли неналезавшие на меня женские ватные брюки. Мой отказ всполошил Возлинскую, и, страшась гнева начальства, она отстранила меня от работы. "Прощай диплом", - сказал тогда я себе. После вскоре состоявшегося разговора с секретарем партийной организации, фельдшером по образованию из дореволюционных времен, ей пришлось отменить свое решение. Но врагом мне она осталась. Когда пришла весна и пора выпускных экзаменов в мединститутах, я обратился за характеристикой в райисполком и получил ее у председателя: я был на хорошем счету.

На стойбище мне пришлось побывать. Потребовалось помочь казаху, больному туберкулезом с легочным кровотечением, как потом оказалось, незначительным. Рассеяние примерно в 70 км нужно было проехать верхом на лошади. Послали меня. До этого на лошадь я садился один раз - в Германии и не больше, чем на половину часа. Дорога заняла целый день. По дороге лошадь споткнулась и упала. Я перелетел через ее голову и быстро отполз в сторону. Происшествие ограничилось незначительным ушибом. В темноте, при свете керосиновой лампы, внутривенное введение кровоостанавливающего тогда широко применяемого хлористого кальция было невозможно, да и кровотечения у больного не было. На следующий день я ввел внутривенно больному хлористый кальций, убедившись, как прав был больной, жаловавшийся в "Крокодил" на отсутствие игл: иглы были тупые, гнулись, и из четырех игл мне удалось использовать одну. Если бы нужна была повторная инъекция, ее нечем было бы делать. От долгой непривычной езды верхом у меня так разболелись мышцы ног, что в первый день я не мог ходить и провел все время вместе с больным. Боль держалась еще два дня. В это казахское селение до этого никогда врач не приезжал, и мне устроили праздничный прием с национальным блюдом - бишбармак: отварная баранина с лапшой. Здесь, в обществе только мужчин, я услышал рассказ сравнительно молодого казаха о том,

как он, в бытность воинской службы, расстрелял отца и дочь в подвале НКВД и как гордо они держались перед смертью. Нажимать на спусковой крючок поручили представителям национальных меньшинств.

Было у меня поручение из астраханского противолепрозного учреждения: передать в сельсовет распоряжение об отправке в Астраханское противолепрозное учреждение женщины с проказой из этого сельсовета и обследовать на проказу членов ее семьи. Членом семьи был только ее взрослый сын. Помню, как вздрагивал он при каждом прикосновении иглы, когда я проверял кожную чувствительность. У него признаков проказы не было. В его же доме пришлось что-то поесть - не мог пренебречь его гостеприимством. Все инкубационные сроки проказы прошли - у меня ее нет. Сельсовет передал со мной письмо в астраханское противолепрозное учреждение, в котором указывалось, что означенная гражданка на территории сельсовета не проживает и потому не может быть отправлена на лечение.

Обратный путь я проделал на одном из четырех верблюдов. Кроме меня был еще один казах с сыном. Дорога заняла два дня. Ночевали под открытым небом в полупустыне. Неуютное воспоминание.

АСТРАХАНЬ*

В мае 1950 г. с разрешением министерства здравоохранения я отправился на попутном грузовике в ближайший медицинский институт - в Астрахань. Когда вечером приехал в город и увидел электрический свет в окнах домов и зажженные уличные фонари, я осознал, что провел девять месяцев в заточении. Я был допущен к сдаче государственных экзаменов директором института профессором физиологии Серебренниковым. Однако после двух или трех экзаменов меня отстранили от сдачи последующих экзаменов. На вопрос директора, заданный мне на приеме у него в кабинете о причине моего отчисления из московского мединститута, я ответа не дал, и он запросил московский институт. Ответ не заставил себя ждать и его действие тоже: последовало распоряжение Серебренникова о недопущении к сдаче оставшихся экзаменов. Я написал письмо в министерство и почему-то сообщил об этом тете Лиде в Москву. Оказалось, что ее сын Игорь и сын, кажется, начальника

управления медицинских учебных заведений Минздрава учились в одной школе. Тетя Лида была членом родительского комитета школы и знала многих родителей. После разговора тети с отцом соученика Игоря из Министерства пришел быстрый ответ. В нем было сказано, что "дневник производственной практики был предметом серьезного обсуждения в Министерстве, после чего т.Гольдбергу М.Л. было разрешено сдавать государственные экзамены при наличии положительной характеристики с места работы. Пришлось Серебренникову допустить меня к сдаче экзаменов. Но он не сдался. Меня провалили на экзамене по марксизму-ленинизму.

Куда деваться? Вернулся в Ганюшкино. Люся просила меня остаться и работать заготовителем шкур в конторе "Заготскот". Мне это не улыбалось. На мое сообщение о провале экзамена по марксизму-ленинизму из Министерства пришло письмо с разрешением держать экзамены на следующий год. Я был предупрежден, что в третий раз мне сдавать экзамены не разрешат. Пятилетняя программа обучения сохранилась только в Сталинабадском мединституте. Так я получил направление на работу в Таджикистан. Рада этому была не Люся, а ее мама, приехавшая к ней в гости из Ленинграда. Неудачливый заурядврач, каким был я в ее глазах, не шел ни в какое сравнение с женихом ее дочери - перспективным сотрудником МВД. Расстаться просто так Люсе было тяжело. Я оставил ей надежду: чемодан с самыми дорогими для меня предметами – фотоаппаратом и письмами Эли Пилевской.

ТАДЖИКИСТАН

Величественная своими горами страна. Из расположенного в долине административного центра Душанбе, тогда Сталинабада, виднелись кажущиеся вблизи горы с вечно заснеженными вершинами на фоне голубого немного белесого над горами неба. У этой красоты была обратная сторона: землю время от времени немного потряхивало. Когда мне в ожидании назначения выдавали немного денег в счет зарплаты, я ходил на базар, покупал сладчайший виноград и съедал его в один присест, как в свое время шоколад в Куйбышеве, выдаваемый по продовольственной карточке вместо месячной нормы сахара. Днем ходил в библиотеку и читал там книги, изданные в двадцатых годах, но еще не уничтоженные или изъятые из свободного доступа. Руки далеких московских цензоров еще не

дотянулись до Сталинобадской библиотеки - были заняты уничтожением книг расстрелянных коммунистов и евреев, подобно тому, как национал-социалисты в Германии немногим ранее, и вычеркиванием имен расстрелянных или "обезвреженных" иным способом из книг, не попавших в списки на уничтожение. При русском революционном размахе ничего не стоило переплюнуть нацистов. Книга латиноамериканца Инженерос Хозе о социальном устройстве мне так понравилась, что я законспектировал ее. Тогда же начал учить английский язык. Назначение мне дали в Гармский Облздравотдел. Получил назначение из рук инспектора отдела кадров Тамары, врача-педиатра, закончившей 2-й Московский мединститут в 1949 г., т.е. моей сокурсницы. Советская медицина гордилась, что в СССР больше, чем в какой другой стране врачей на тысячу населения, умалчивая, что за рубежом доктора не инспекторы отделов кадров, не заведуют больницами и поликлиниками, не работают микробиологами, биохимиками, лаборантами, диетологами, электрокардиографистами, расшифровывающими электрокардиограммы. В Среднеазиатской республике с более высокой, чем в России, детской смертностью педиатру писать бумаги для Ахмедова, тоже врача, было признано более важным, чем лечить детей. Ахмедов не знал русский язык. Москва не знала языка Ахмедова. Тогда я об этом не думал, как и все, кто был вокруг меня.

В кузове грузовика - наиболее частый способ передвижения в то время по Памирской шоссейной дороге - я доехал до Гарма (или Оби Гарма). Двумя годами ранее во время землетрясения две горы сместились навстречу друг к другу и поглотили Гарм. Вместо него построили новый город - палаточный. Ни один дом еще не был построен. Какое учреждение в какой палатке, можно было узнать по надписи, приколотой ко входу палатки. В Гармском облздравотделе, размещавшемся в одной палатке и потому самому маленькому в СССР, я быстро получил назначение. В Нульванд на границу между СССР и Афганистаном. До Калай-Хумба можно было доехать на попутном грузовике, дальше на лошади. На получение лошади мне дали соответственное отношение к главному врачу больницы в Калай-Хумбе. В больнице я узнал, что дорога в Нульванд проходит через высокогорный перевал. С октября до мая он покрыт снегом и непроходим. На этот период Нульванд отрезан от Калай-Хумба и, следовательно, от Сталинабада, т.е. я не смогу вовремя

явиться в институт и держать государственные экзамены. Спасибо за такую информацию трем русским девушкам-врачам из больницы в Калай-Хумбе. От тоски они загадывали на игральных картах, что с ними случится завтра, послезавтра и так далее. Я вернулся в Сталинабад. Минздрав Таджикистана решил отдать меня под суд за отказ ехать на работу. Почему меня судил не Гармский облздравотдел, а минздрав, чье решение я выполнил и поехал в Гармскую область? Почему судья приняла к рассмотрению дело, если я не закончил мединститут и потому не был обязан ехать "куда пошлют" работать врачом, если меня лишили права стать врачом, т.е. нарушили взаимные обязательства первыми? Такие вопросы мне в голову не приходили. Суд состоялся. Меня оправдали, мотивируя тем, что я отказался не от работы, а от места работы, из которого я не смогу попасть вовремя в Сталинабадский мединститут для сдачи государственных экзаменов. Если бы судьей была не русская женщина, а таджичка, и министерство на суде представляла не подруга Тамары и моя знакомая Уля, сидеть бы мне по приговору судьи в тюрьме и не видать потом врачебного диплома. Волею судьбы кровавая волна антисемитизма, унесшая в небытие многих из культурной элиты еврейского народа, едва не настигла заодно и меня ни в 1949 г., когда меня исключили из института, ни в 1950 г., когда я был отдан под суд.

Новое назначение я получил не в горный Памир, а в безводную Яванскую долину, но тоже туда, где не было ни одного врача - в Яван. Впрочем, один врач был. Молодая девушка педиатр, была в отрыве от своего жениха (или мужа). От меня, назначенного на должность главного врача, зависело держать или отпустить к жениху (или мужу). Я отпустил ее. Как только я начал работать, второй секретарь райкома партии - русский, приставленный к первому секретарю таджику, - явился в больницу и сказал, что в больнице есть пенициллин, но он предназначен только ему. На что я ответил, что пенициллин будет назначен тому, кто в нем будет нуждаться первым. Немедленно последовал звонок в облздравотдел с требованием прислать дипломированного врача. Врача не прислали, второй секретарь райкома остался без пенициллина. По своему служебному положению главного врача я попал в номенклатуру - заполнил в райкоме партии у технического секретаря первого секретаря райкома партии какие-то анкеты. В продовольственном магазине продук-

тов не было, но для номенклатуры кое-что привозили. Мне однажды предложили квашеные зеленые помидоры, но я от них отказался. Не думаю, что только помидорами снабжали номенклатуру. Я попал в номенклатуру, но был им чужак

Больница была рассчитана на круглогодичную теплую погоду, поэтому встроенных печей не было. В палатах стояли железные печурки, которые топили чем придется, в том числе, сухим коровьим пометом. Когда я обратился за топливом к председателю исполкома, он написал записку к какому-то председателю колхоза с просьбой дать мне три вязанки сухого камыша или какого-то другого растения. В больницу на лечение никто не хотел ложиться, и она пустовала. Был один верный больнице пациент. Русский бездомный. Он приходил на "лечение", когда наступали холода, весной выписывался из больницы тайком, по своему усмотрению. Сердце у него было больное. Когда на заседании райкома партии обсуждали "меры по улучшению работы больницы", второй секретарь райкома предложил госпитализировать больных в принудительном порядке, чтобы скрыть непопулярность больницы среди яванцев. Я, конечно, выступил против такого решения. На голосование его предложения не поставили - уж очень оно было абсурдно даже для далекого от демократических традиций Явана. Но массовая принудительная госпитализация состоялась. У многих допризывников была трахома, и их нужно было излечить до призыва в армию. Закапывать глаза каплями из азотнокислого серебра три раза в день можно было только в контролируемых условиях, т.е. в больнице.

Началось принудительное госпитальное лечение, как позже я узнал из литературы, неэффективное, в чем я убедился и сам. Делать здоровым физически ребятам 17-18 лет было нечего, и я использовал их для дренажа примыкающего к больнице болотца. Начальству это понравилось. Со мною завел дружбу бухгалтер машинотракторной станции. После какой-то попойки он чувствовал себя плохо и вызвал меня. Больничный лист я ему не дал. На том и кончилась наша дружба.

Была у больницы лошадь. При мне на ней ничего не возили. Корма для нее не было. Она легла и не могла подняться. Заведующий райздравоотделом встревожился. Если лошадь умрет, ее балансовую стоимость вычтут из его и моей зарплаты. Я тогда еще не

убедился на собственном опыте, что за пороки системы отвечают невинные. Заврайздравом где-то что-то раздобыл, и благодарная лошадь поднялась "на все четыре ноги". Польза от нее была, что от больничной собаки.

Необычной функцией было определение возраста девочек, выдаваемых замуж. Регистрации рождения не было, поэтому возраст должен был быть установлен врачом. Кажется, 16-летний возраст разрешал замужество. Кому было меньше, те уходили ни с чем, и попытки их отцов подкупить меня не удавались.

Памяткой осталась поездка по кишлакам. Так я проводил физическое обследование школьников и с медсестрой делал прививки против оспы. Телесный осмотр девочкам я не делал. Чтобы прослушать сердце, я подводил фонендоскоп к сердцу через широкий рукав их свободных платьев. Вскоре после моего возвращения в Яван из кишлаков началась эпидемия оспы, но не в тех кишлаках, где я делал прививки. Если бы прививки против оспы я делал на год позже и тогда же началась эпидемия оспы, я бы угодил в категорию "врачей-отравителей" по более серьезному обвинению, чем в следующем, 1952 г. Мои опасения, что меня задержат из-за эпидемии оспы, не оправдались, и я в апреле 1951 г. покинул Яван.

Экзамен я сдал. И настолько хорошо, что, когда я через 38 лет обратился в Архив Таджикистана за подтверждением об окончании мединститута в Сталинабаде, переименованной в Душанбе, мне прислали справку, что я получил диплом о отличии. Диплом с отличием в действительности мне не дали. Я был рад обычному. В дипломе было написано, что я в 1941 г. поступил и в 1951 г. закончил Сталинабадский мединститут. К диплому я пришел через Военно-медицинскую академию, Иркутский, Московский, Астраханский и Сталинабадский мединституты, Денгиз, Яван и суд. Памир можно не считать.

В министерстве инспектор отдела кадров, та же Уля, что представляла министерство на судебном процессе, сказала Ахмедову, как потом передала мне, с кислой миной на лице: "Зачем он нам, отошли его обратно в распоряжение Минздрава СССР". Ахмедов-мусульманин согласился с татаркой-мусульманкой, наверно, легко. Сознание того, что он, начальник отдела кадров министерства, проиграл судебное дело недоучке студенту, возобладало над служебным долгом - предотвратить отъезд из республики еще одного

врача - из республики, из которой врачей уезжало больше, чем приезжало.¹

МОСКВА

В союзное министерство за назначением на работу я не пошел. Назначение было бы туда, где кроме меня один-два врача, электрического света нет и больные, чей язык я не знаю. В необходимости знать язык пациентов я убедился и в Казахстане, и в Таджикистане, особенно для меня, терапевта. Эля Пилевская была уже в Москве больше года, проработав по распределению один год вместо обязательных трех, и успела стать невропатологом. Эля предложила мне временную работу - поликлинический прием в поликлинике, где она работала. Московская прописка была необязательной для временной работы, и я согласился. Ко времени окончания временной работы представилась возможность постоянной работы инспектором лечебно-профилактических учреждений Всекопромсоветкасс - объединения предприятий, где работали инвалиды. Нужна была хотя бы временная прописка в Москве или Подмосковье. А это было трудно. В стране было плохо, в Москве чуть получше, а для многих - много лучше. Поэтому в Москву стремились отовсюду, особенно уже учившиеся в Москве. И я среди них. Это был мой седьмой приезд в Москву. Был ребенком, дошкольником, школьником, лейтенантом медицинской службы, студентом, заурядврачом, а теперь и врачом. Поиски возможности прописки привели меня в поселок Новый Быт, где теперь жила замужняя соседка по институтскому общежитию, учившаяся годом позже меня. Она познакомила меня с Мусей Зайчик.² Через ее маму я обратился к соседу, имевшему доступ к печати завода, работавшего для военных нужд - так называемого почтового ящика. За мизерную сумму, примерно 40 руб., выплаченные ему в два приема, часть которой он отдал кому-то в милиции,

¹ Спустя сорок два года моя бывшая жена, сокурсница по московскому институту и работавшая в Сталинабаде в 1949-1952 гг., сказала мне, что в республиках Средней Азии и Кавказа больные предпочитали обращаться в первую очередь к евреям врачам, потом к русским и в последнюю очередь к "своим". Как не верить ей, русской?!

² Муся Зайчик стала известной миру за ее стойкость в борьбе за право эмигрировать в Израиль, когда мало кто думал об этом, и я в том числе.

он оказал мне милость: сделал временную прописку у Зайчиков. Как он потом мне сказал, в милиции ему заявили, что лучше прописать незаконно десять русских, чем одного еврея. Знали, за что ждет большее наказание или что может вызвать большее подозрение при проверке.

С временной пропиской в Московской области я получил работу во Всекопромсоветкасс. Располагалось учреждение в главном здании ГУМа. В то время универмаг был закрыт. Большевики не хотели видеть народ на Красной площади, если он не шел колоннами под красными флагами, лозунгами и... под охраной. Часть помещений ГУМа была отдана под учреждения. Третий этаж пустовал и выглядел зловещим. Одним из правил было держать закрытыми форточки в окнах, выходящих на Красную площадь. Если кто-либо открывал такую форточку, с улицы приходило распоряжение ее закрыть. Старожилам Всекопромсоветкасс примелькались агенты КГБ (один из них, виденный мною, был подполковник), дежурившие на Красной площади, и с ними здоровались как со знакомыми. Все они были, конечно, в гражданской одежде. Работа у них была "не бей лежачего" - до самосожжения на площади или взрыва самодельной бомбы в мавзолее впереди было много лет.

Всекопромсоветкасс был эквивалентом центрального профсоюзного органа инвалидов предприятий, т.е. предприятий, где использовался труд исключительно инвалидов. Труд инвалидов был малоквалифицированный, производительность труда низкая, зарплата мизерная. Руководителям такого профсоюза высокую зарплату, как в других профсоюзах, установить было неудобно. Поэтому председателю и его заместителю помимо зарплаты давали запечатанные конверты с неуказанной суммой денег. Они расписывались в получении конвертов.

Стола у меня своего не было. Я сидел рядом с моим начальником за его столом. На входящих бумагах он молча ставил резолюцию "Гольдбергу для исполнения" и передвигал их мне. Было "до странности смешно".

У меня истек срок годности паспорта. Обмен паспорта с временной пропиской запрещен. Нужна постоянная прописка - прочная привязка к какому-либо селению. У крестьян она есть, но паспорт им, колхозникам, не дают, и никто не скажет, что крестьяне не граждане своей страны (попробуй, скажи!) Впрочем, паспорт ника-

кого отношения к гражданству не имеет. Паспорт - удостоверение личности, выдаваемое на десять лет молодым - у них за десять лет лицо изменится незначительно - или бессрочно старым людям - у них лицо меняется мало и подвоха от них не будет. Впервые паспорт выдается в шестнадцать лет. Паспорт временный, так как тебя через два года заберут в армию, там получишь другое удостоверение личности. Дать тебе в шестнадцать лет паспорт на десять лет, убежишь куда глаза глядят, чтобы не служить в армии. В шестнадцать лет тебе паспорт не нужен. В кино на фильм для взрослых можно пойти и без паспорта. Не хочешь получить паспорт?! Значит, не хочешь быть гражданином Советского Союза?! Уклоняешься от священного долга советского гражданина - служить в армии (трудового, а позже советского народа)?! Сначала штраф. Потом - штраф побольше. Поговорят "где надо" с тобой, с родителями. Не поможет, попадешь в тюрьму, в конце концов. Так навязывают удостоверение личности, номерное, именуемое паспортом. В тайне от тебя держат, что ты гражданин своей страны по рождению и это твое право природное. Удостоверение личности могут забрать временно, когда пойдешь в армию или попадешь в тюрьму - там другие номерные знаки, - или забрать насовсем, когда покидаешь страну. Не был бы паспорт удостоверением личности, не подсовывали бы тебе подписывать бумажку об отказе от гражданства, прежде, чем выдать эмиграционный документ. Когда забирают настоящий, заграничный паспорт, никаких письменных заявлений об отказе от гражданства давать не нужно. Внутренний паспорт - это такая же фикция, как рубль - оба условности: один гражданства, второй денег. Ни с тем, ни с другим никуда не двинешься. Паспорт твой ошейник, а прописка - цепочка к ошейнику. На одном конце ты, на другом - военкомат, милиция, КГБ. Временная прописка - тоненькая цепочка, но держит так же крепко, как постоянная. Обеими можно удушить.

Паспорт я получил. Без прописки. В Белоруссии, где был с инспекционной поездкой в домах отдыха и санатории белорусского Промсоветкасс. О том, что срок моего паспорта истекал, оказал главному врачу санатория, он, в свою очередь, начальнику местного отделения милиции, и на следующий день у меня был паспорт Белорусской ССР. Об этом стало известно председателю Всекопромсоветкасс, и он предложил мне подать заявление об

увольнении, что я и сделал. В министерстве здравоохранения у меня не спросили, где я был полгода, и дали назначение в медсанчасть строительства Главного туркменского канала - в Тахиа-Таш, Каракалпакской автономной республики Узбекской ССР.

В Москве жить мне было негде. Я могу вспомнить семь разных мест, где я ночевал. Но чаще всего у родителей моего сталинбадского приятеля Юры. У Софьи Иосифовны и Михаила Ефимовича я был как дома. Но этот дома, как и любой другой в Москве, был для меня запретным. Неимеющие в Москве прописку не имеют права ночевать в Москве. За этим следит милиция и так успешно, что меня как-то обнаружила вечером у Софьи Иосифовны. Милиционер согласился с ее доводом, что она плохо себя чувствует, и попросила меня, знакомого врача, остаться у нее на ночь. За месяцы, проведенные в Москве, во мне выработался страх перед милиционером, непокидавший меня и потом, когда я жил в Москве и с непросроченным паспортом и московской пропиской. Не выветрился страх за те два года, которые я провел вне Москвы, прежде чем вернуться в город на двадцать четыре года. Бездомная жизнь в течение полугода в Москве в купе с двухлетними гонениями нивелировали ощущение принадлежности к стране, где живу, к обществу, в котором у меня нет семьи. Ни решение суда, оправдавшее меня, ни безликая поддержка министерством здравоохранения не могли приостановить во мне формирование пассивного противника коммунистического режима.

КАРАКАЛПАКИЯ

Каракалпакия в переводе на русский язык значит черная земля или что-то вроде, но никак не чернозем. Тахна - Таш был новым поселком на реке Аму-Дарья, где должен был начаться Главный туркменский канал. Вокруг новых сборных деревянных домиков не было ни травинки, ни деревца. Сразу же за поселком начинались пески. В двух километрах от поселка находилась больничка барачного типа, где раньше была больница для заключенных. И поселок, и больницу строили заключенные. Они были первыми на "стройке коммунизма", к которой причисляли строительство канала. Часть заключенных была уже на свободе, но без права выезда. Они, все уголовные преступники в прошлом

(скорее всего, недалеко), составляли другую категорию. Третью категорию представили приехавшие в наказание, как, например, Владимир Миодушевский, главный инженер Киевского судостроительного или судоремонтного завода, за приписки; по распределению, как врач Лена Агафонова, инженер Миша Рабинович, ставший ее мужем, или я. Были и те, кого привлекла повыше зарплата или должность, как мой соученик по Тимирязевской средней школы с женой и тремя детьми, когда-то выступавший "от имени учеников". Так я, кривоносовец, стал строителем коммунизма.

Жил я в гостинице, оплачиваемой по очень низкому тарифу из-за отсутствия другого жилья, в четырехкочной комнате. Кто-то приезжал, кто-то уезжал. Вечером корреспонденты газет передавали по телефону, так что всем было слышно, помпезную информацию о мнимых успехах строительства, хотя из многих сотен километров за первый год отрыли не более двух-трех км. Канал начали прокладывать в спешке, не имея достаточной документации, без знания как предотвратить потери воды, просачивающейся через песчаное дно предполагаемого канала. В порядке шефствования наезжали профессора для лекций или консультаций. Случалось, что одного и того же больного консультировали два профессора-терапевта из разных городов. Не скажу, что их диагнозы совпадали. Им, как и мне, приходилось иметь дело с неограниченными диагностическими возможностями лаборатории и с отсутствием рентгенолога. Вряд ли у них был интерес к таким поездкам. Отбывали повинность.

Запомнилось мне посещение на дому бывшего заключенного с высокой температурой. Все освобожденные из лагерей, но без права выезда, жили в больших палатках более чем на двадцать человек каждая. Палатки были установлены вне поселка, чтобы не оскорблять взгляд визитеров. Когда наступила зима, нагреть воздух в неутепленной палатке железной печуркой было невозможно. Я выслушал жалобы грозных всем своим видом бывших уголовников, но смог только запомнить, что увидел. Им, тогда уже свободным, было хуже, чем мне.

Волна антисемитизма, обретшая после космополитизма и международного сионизма форму "дела врачей-отравителей" доказалась и до Тахна-Таша. Один большой с простудным заболева-

нием, вызвавший врача на дом, решил, что я назначил ему неправильное, опасное для жизни лекарство. Потом я узнал, что он инспектор продовольственных магазинов и видел его в кожаном пальто, мало кому доступным по цене и в частности работникам торговли с низкими зарплатами. Проверили правильность выписанного рецепта, а лекарство, приготовленное евреем-фармацевтом отравили в Ташкент на анализ. В это время какой-то приезжий инспектор из Москвы перед аудиторией медицинских и, кажется, не медицинских работников по наущению начальника медсанчасти, его заместителя и, наверно, главного врача больницы Грицмана, кандидата медицинских наук, высланного из Москвы, обрушился на меня. Так я, "строитель коммунизма", переметнулся в стан "врачей-отравителей". Ненадолго, правда. Проверка показала, что рецепт правильный и в лекарство яд не подмешан. К чести русского народа, и украинцев тоже, следует сказать, что жалоба была только одна, и то не от славянина. Карьеристов из медсанчасти я к народу не отношу. Перспектива попасть еще раз во "врачи-отравители" все же осталась. Но очень не надолго: вождь всех народов и гений всех времен оказался временным - сыграл в ящик. С каким удовольствием я слушал бюллетени о состоянии его болезни! Я сопоставлял лечение Сталина с лечением президента Эйзенхауэра, недавно до этого перенесшего инфаркт, и понял, что Сталина лечат не ахти как хорошо. Ждать его смерти пришлось недолго. Запомнил момент и место, где я был, когда из рупора уличного радиорепродуктора диктор особо важных, правительственных сообщений Ю. Левитан скорбным голосом изрек, что дорогой и любимый скончался. Эх, Юрий, каким бы ты голосом пел, если бы великий друг народов выжил. В уже заготовленных для нас, евреев (и тебя тоже), телятниках повезли в Биробиджан. Было бы это похуже, чем татар, немцев или чеченцев в Казахстан, чем греков в Грецию или корейцев в тот же Казахстан, где снег - редкость. Поспал бы ты на снегу несколько ночей, и с осипшим голосом тебя не взяли бы в дикторы даже в районную городскую радиосеть.

На радостях по случаю смерти великого зодчего я поехал в столицу Каракалпакии и купил золотые часы "Победа" - в память о смерти «любимого». Мне очень хотелось послать в Москву тете Лиде поздравительную телеграмму в виде поздравления с днем рождения. Не помню, сделал ли я это. Только с ней и хотелось

поделиться радостью. Я знал только одного человека, кто радовался смерти Сталина, - дядю моей жены Светланы. Ей было тогда тринадцать лет, и она запомнила его слова, первые слова, сказанные при встрече с отцом Светланы: "Саля, а он подох, какая радости!" Советский народ скорбил. На траурном митинге я встретился глазами с хорошим знакомым моих лет, любителем шахмат, инженером Костей и приветливо улыбнулся ему. Его казенно страдальческое выражение лица не изменилось.

Через два-три месяца, или того меньше, проект строительства канала сочли негодным и прокладку канала остановили. Лагерь "строителей коммунизма" ликвидировали, и началась массовая демобилизация офицеров лагерей, в своей массе не имевших даже среднего образования, как следующий шаг в ликвидации власти МВД-КГБ над коммунистической партией после объявления министра МВД-КГБ Л.Берия "агентом мирового империализма", очередного терминологического выверта диктаторского режима после изобретения ярлыка "безродные космополиты", навешенного на нас, евреев. На это у нас не было ответа. Но мог бы быть, если бы нам дали право защищаться. Кто-нибудь оказал бы. Мы живем, например, на Украине до прихода сюда русских и выжили резню, учиненную при Б.Хмельницком. Мы не рвемся в Израиль - еврейское государство, созданное для нас и при нашем косвенном участии. Безродные космополиты - это те миллионы преимущественно русских, которые покинули Россию ни в один день, как арабы Палестину в момент создания еврейского государства. Россияне покидали Россию не в спешке - с 1918 до тех пор, покамест выпускали, и бежали куда глаза глядят: в Центральную, Западную, Южную и Северную Европу, в Турцию, страны Ближнего Востока, Центральную, Южную и Северную Америку, Австралию, Китай. Они - безродные космополиты. Но по своей ли вине?!

Один из ликвидированных лагерей воскрес в виде лагеря для иностранных подданных. Для иранцев, бежавших из Ирана в Азербайджан. Бежали семьями. Все члены семьи получили сроки тюремного заключения до пяти лет за нелегальный переход советской границы. Все содержались в лагере где-то в России. Мужчин и женщин с детьми держали в разных зонах. В плане реорганизации лагерей лагерь из России перевели в Тахна-Таш, и мужская и женская зоны не были разгорожены. Лагерного врача демобилизовали вмес-

те с другими офицерами и, таким образом, открылась вакансия. Начальник лагеря предложил мне временную работу, так как лагерь был временный и заключенных предполагали освобождать. Планов на будущее у меня не было, и я согласился с условием, что трудовую книжку не отдам. Этим я обезопасил себя от постоянной службы в МВД. Так я стал сотрудником МВД. Очень необычная метаморфоза бывшего «врача-отравителя». Мои хорошие отношения с заключенными были проверены самым необычным образом: иногда я играл с ними в футбол и никто не бил меня по ногам. Одной из моих обязанностей была проверка правильности хранения продуктов и оценка их пригодности для питания. В жару, в близком соседстве с пустыней, без холодильника, мясо, «хранимое» в бочках с соленой водой не могло не испортиться, и я забраковал его. Возражения офицера-хозяйственника не изменили моего решения. Вскоре пришло распоряжение - вычесть из моей и зарплаты офицера-хозяйственника стоимость забракованного мяса за недостаточный контроль хранения. Хозяйственник знал, чем это кончится. Для меня, одинокого, чья зарплата в МВД возросла более, чем в два раза по сравнению с прежней зарплатой, вычет примерно 150 рублей из зарплаты в 1600 рублей был несущественным, а у офицера была семья. Семьи были и у других лагерных врачей, и они знали, чем для них кончится выбраковка продуктов питания, предназначенных для заключенных. Вряд ли врачи поступили так, как я позволил себе. Не знаю, как бы я поступил, если бы ситуация повторилась.

Примерно через два месяца пришло распоряжение о переводе лагеря из Тахна-Таша в Чуаму, тоже в Узбекистане, Я написал заявление об отказе ехать на новое место и получил резолюцию об отказе в увольнении. Начальник лагеря попросил меня сопроводить эшелон с заключенными до Чуамы. Я согласился. В Чуаме были разные категории заключенных, в том числе - политические. Один из них был виолончелист оркестра Большого театра в Москве. Он попросил меня, когда буду в Москве, подойти к оркестру и передать привет. В театре я не был.

Неудовлетворенность работой участкового врача-терапевта искала выхода. В Тахна-Таше я продолжал учить английский язык и даже сделал технический перевод. Желание учиться привело меня к решению поступить на математическое отделение педагогического института. Для поступления нужно было представить аттестат

об окончании средней школы, но у меня его при себе не было. Мой диплом о высшем образовании бледнел перед аттестатом о среднем образовании при поступлении в институт. Вскоре после переезда в Чуаму мне представилась возможность поехать в Ташкент, сопровождая нескольких заключенных в арестантском вагоне. Конвоиры предупредили, к решеткам, отделяющим заключенных от прохода в вагоне, не подходить: схватят, притянут к решетке и убьют. Таким предупреждением было трудно пренебречь. В Ташкенте я пришел в медицинский отдел управления лагерей, которые после расстрела Л.Берии передали в ведение недавно созданного министерства юстиции, укомплектованное, конечно, теми же ЭМ-ВЭ-Дэшниками. В увольнении мне отказал начальник медотдела, а потом и министр. Это было в канун нового 1954 года. В министерстве был праздничный вечер, и одна девушка пригласила меня на вечер. Так я повеселился с теми, кто мог бы быть моими тюремщиками, но в гораздо более прохладном месте, чем Средняя Азия. Я обратился в ближайший суд с иском против министра юстиции. Судья приняла мое заявление, но до судебного разбирательства не дошло. С кем говорил судья в министерстве, не знаю, но разрешение уволиться я получил, т.е. отметку в трудовой книжке о приеме и увольнении из органов МВД в связи с ликвидации медсанчасти при строительстве канала. В Ташкенте я встретил Лену Агафонову. Она уехала из Тахна-Таша с мужем Мишей Рабиновичем задолго до меня и уже успела стать рентгенологом. В поликлинике, где работала Лена, консультировал профессор-рентгенолог Стекольников, руководивший циклом рентгенологии в Ташкентском институте усовершенствования врачей. Лена сказала, что может помочь мне специализироваться в рентгенологии. Эта профессия мне нравилась, и я был некоторое время в студенческом рентгенологическом кружке в Москве. Лена устроила мне встречу со Стекольниковым. Когда я пришел к нему и сказал, что хочу поступить на курсы специализации по рентгенологии, он ответил, что я опоздал, так как занятия уже начались. Как только я упомянул имя Елены Ивановны, выражение его лица стало приветливым и он изменил свое решение. В Чуаме я получил отметку в трудовой книжке о работе в МВД и вернулся в Ташкент.

В институте мне дали место в общежитии и я начал учиться. Мне предстояло прожить пять месяцев без зарплаты. Я не знаю слу-

чая и никогда не слышал, чтобы кто-либо из советских врачей специализировался во врачебной профессии, не будучи направленным из своей больницы или поликлиники на учебу продолжительностью в четыре-пять месяцев, не получая зарплату. Разве что дочери богатых родителей, или, скорее, жены высокопоставленных лиц из советской элиты, работавшие в престижных клиниках бесплатно. Не так богаты молодые рядовые советские врачи, чтобы позволить себе такую роскошь. Я себе позволил ценою отказа ходить в столовую и ничего не есть кроме рисовой каши, которую варил на электрической плитке в комнате общежития, что не разрешалось противопожарными правилами.

На курсах специализации по рентгенологии три четверти курсантов были главными врачами поликлиник и медсанчастей. Пятичасовая продолжительность рабочего рентгенолога позволяла им совмещать административную работу с парой часов работы в рентгеновском кабинете, где пятичасовой объем работы мог быть без труда сделан за пару часов. Работа измерялась в единицах и 42 единицы, составлявшие дневную рабочую нагрузку, можно было составить довольно произвольное. Заработная плата, на 15% больше, чем у врачей других специальностей, и 30-дневная продолжительность отпуска вместо обычных двух-трех недель была также привлекательна. Я посещал рентгеновский студенческий кружок будучи студентом пятого курса. Мог ли стать главный врач хорошим рентгенологом? Вряд ли. Работа рентгенологом была подработкой. А если главный врач плохой рентгенолог, подчиненные врачи его не уволят. С лечебной работы специализироваться прислали пять человек. Трое из них были евреями.

Курсы я кончил. Получил "Свидетельство" с отличием, как и большинство курсантов. Стране нужны были хорошие врачи, поэтому готовить надо было врачей с хорошими отметками. За пять месяцев готовили врачей любой специальности. В Швеции на рентгенолога учили четыре года как минимум, когда не было ни СТ, ни МР ни УЗ, ни масмографии, ни ядерной медицины. Куда там пятилетку в четыре года. В медицине можно и за пять месяцев. Особенно из главных врачей. Они уже все знают. Я в этом мог убедиться, послушав их пять месяцев.

Было лето. Период отпусков в жарком Ташкенте. Жене штабного офицера Среднеазиатского военного округа, работавшей

рентгенологом в окружной поликлинике, одного месяца отпуска, т.е. тридцать рабочих дней было мало. Так я получил возможность поработать рентгенологом на приеме солдат. Когда закончилась временная работа, я уже искал другую. Без ташкентской прописки работу получить было нельзя. Даже в противотуберкулезном диспансере, где никого не привлекала перспектива заболеть туберкулезом. Но работа нашлась. На 1/4 ставки в поликлинике текстильного комбината. Для работы на 1/4 ставки прописка не потребовалась. Больше, чем на 1/4 ставки работа была мне не нужна. Решение учиться после окончания медицинского института у меня было еще на студенческой скамье. Меня привлекали психология и биология в равной мере. Поступить в МГУ было нельзя; для закончивших один институт двери в другой были закрыты. Учиться дальше, в ординатуре, для меня было неосуществимо. Я решил попытаться поступить на химический факультет Среднеазиатского университета в Ташкенте. Аттестат об окончании средней школы у меня уже был, и меня допустили к экзаменам, обнаружив, что я уже окончил институт, когда сдал вступительные экзамены. Готовился к экзаменам лежа на койке и кое-как сдал. Работа на 1/4 ставки ограничивалась двумя днями в неделю - субботой и воскресеньем. В эти дни я вел поликлинический прием больных, направленных для рентгеноскопии. Так что я мог заниматься на дневном отделении химфака, не пропуская ни одного дня. В поликлинике были два рентгеновских аппарата: с закрытой и открытой рентгеновской трубкой. Я работал с аппаратом с открытой трубкой - источником сильного дополнительного облучения, как больных, так и рентгенолога. Рентгеновские аппараты с открытой трубкой были прошлым, пройденным этапом в рентгеновской технике. В поликлиниках, медсанчастях, психиатрических отделениях их заменяли в последнюю очередь. Не думаю, что еще можно встретить не ушедшего давно на пенсию рентгенолога, начавшего свою карьеру на аппарате с открытой трубкой. Лейкозами и раком болели не рентгенологи, которые работали на таких аппаратах.*

То ли прошлые послевоенные годы, то ли пятимесячная рисовая диета, а может быть, и все вместе, ослабили мои защитные

* Заведующая рентгеновским отделением умерла от лейкоза более 35 лет тому назад.

силы, и я заболел паратифом Б, съев в столовой мясо, показавшееся мне испорченным. Не забраковал я мясо, хотя бы для себя! Пришлось побывать в инфекционной больнице и выйти из нее с готовностью заболеть диарреей по любому поводу и без повода тоже.

Из общежития для врачей я переселился после окончания курса по специализации в рентгенологии в общежитие для рабочих текстильного комбината, в котором начал работать на 1/4 ставки врачом-рентгенологом. Лена Агафонова сочла это неприемлемым и подыскала мне место на частной квартире, где владелицей была старая дева в возрасте после 65 лет, со странностями. Однажды ее охватил какой-то страх, в нем мне была отведена роль злодея. Она вызвала милицию. Ночью приехали два милиционера, разбудили меня, что-то спросили о моих намерениях в отношении этой женщины и молча уехали. Спасибо ей, что она не прибегнула к иному способу освободиться от кошмара.

Учиться в университете было и не легко, и не тяжело. Непременным, как и в любом другом высшем или среднем учебном заведении, было обучение военному делу. Ни мое военное образование, ни опыт участия в войне, ни врачебное образование не освободило меня от изучения стрелкового оружия и военных уставов. Из меня готовили младшего лейтенанта, то ли пехоты, то ли связи. Маршалы Советского Союза! Не поступайте учиться в гражданские учебные заведения: понизят Вас в звании до младших лейтенантов! Что это в сравнении с разжалованием в начале войны Сталиным бездарного маршала Куликова в генерал-майоры?! Первый курс я закончил с отличием - с отличными оценками по всем предметам кроме основ марксизма-ленинизма. Преподаватель этого предмета, по внешнему виду - большой любитель водки, вероятно, понял, что я не из его лагеря.

Занятия на втором курсе начались как обычно, но примерно через месяц прервались. Прозвучал привычный клич для средне-азиатских республик, выращивающих монокультуру: "Все на хлоп-пок!" Одна из примечательных особенностей социалистической державы - неумение вести сельское хозяйство тоже. Проблему низкой производительности труда в сельском хозяйстве решить с помощью другой, тоже подневольной группой советских граждан - заключенных - было невозможно. Охранять их на полях потребова-

лась армия конвоиров. Не обносить же поля колючей проволокой на время уборки урожая! Если широко использовать городское население, т.е. рабочих и служащих, тотчас снизится продукция заводов и фабрик, они же недополучат сырье. Служащие тоже делают работу, без которой не обойтись. Есть другая категория городских граждан, бесправная, как заключенные, но не требующая охраны - советское студенчество. Учеба в средних и высших учебных заведениях бесплатная. Это привилегия. Тебе ее дали, а другому нет. Будь благодарен, делай всё, что потребуют. Не будешь? Вылетишь из института, и ничто тебе не поможет. Почему же не использовать студентов для сбора хлопка до последней коробочки? Или до последней картофелины?! Программа обучения останется той же. Правда, ее придется несколько уплотнить, но кто это заметит? Как не будет видно, что качество обучения снизилось. Сравнить-то не с чем. Студенты по-прежнему будут получать четверки и пятерки на зимних и весенних экзаменационных сессиях. Мне предложили работать врачом. Переезжать с санитарной сумкой каждый день с места на место на попутном транспорте. Проблемы ночлега как бы не существовало: спи, где придется и как придется. Но меня это не волновало - и зимой приходилось спать где придется во время войны. Когда я спросил: как мне питаться? Ответ был короткий: со студентами. Еду готовили на определенное число студентов, без учета моего появления. Есть за счет других было несовместимо с моей щепетильностью. Я отказался от неконтролируемой и по существу безответственной работы квази-врача и поехал убирать хлопок вместе со студентами моей группы. Через два-три дня мне сделали замечание, что я не выполняю установленной нормы. Я не мог угнаться в мои тридцать лет и физической слабостью от частых диаррей за мальчиками и девочками 18-19-летнего возраста, наверное, уже побывавших ранее, на школьной скамье, на уборке хлопка. После второго или третьего замечания, я уехал. Желающих убирать хлопок добровольно нет. От уборки хлопка уклоняются всеми законными, полузаконными и незаконными способами. Это объяснимо и допустимо. Но демонстративно отказываться от уборки хлопка - это неповиновение. Чрезвычайное происшествие, особенно в университете. Исключение последовало незамедлительно. За недисциплинированность. И опять с волчьим билетом. О том, что я отказался убирать хлопок, в приказе об исключении

писать было нельзя. Не поступают же студенты в университеты, чтобы убирать хлопок! Но жаловаться было некому.

Была сфера, где у меня не было жизненного опыта - брак. Летом после окончания первого курса университета моя сокурсница по московскому медицинскому институту, она же знакомая по Сталинабаду, пригласила меня на летний месяц в Хосту - курортный городок на Черноморском побережье Кавказа. Она отправлялась туда из Москвы с двоюродным братом. После полупустыни Казахстана, безводной Яванской долины Таджикистана и Каракумской пустыни вокруг Тахиа-Таша в Узбекистане - Хоста с ее морем и близко подступающими лесистыми холмами ассоциировалась с раем на земле. Впечатления месяца, проведенного в Хосте, подготовили меня к женитьбе на Миле Лушиной.

МОСКВА

Через пять лет брак был расторгнут. Я оставил свою четырехлетнюю дочь Союю, оправдывая себя тем, что только в другом браке у меня будут еще дети. Так и случилось.

СВЕТЛАНА

Я встретил мою жену на выпускном вечере в ее медицинском училище, куда меня пригласил преподававший в училище мой сослуживец-врач. Мила была в это время в длительной заграничной командировке. Светлана пришла на вечер в разгаре танцев. Была она не в выходном платье, как многие, и в матерчатых стиранных тапочках. Она подошла к нам, заговорила с моим коллегой. Мы остались вдвоем. Нам было по пути домой. В трамвае увидел ее глаза, запомнившиеся навсегда. Потом, месяца через два-три, ее глаза засветились такой любовью, что мне было неловко встречаться с ее взглядом в присутствии других. У нее была первая любовь. У меня последняя. Мой брак с Милой, неоснованный на любви и нескрепленный ничем после, стал анахронизмом. Своим поведением она подтолкнула меня в принятии тяжелого решения, и я ушел. Несколько ночей я был у Майи. Мое присутствие стало неудобным ее маме, вернувшейся из многолетнего заключения и ссылки, и я должен был покинуть их жилище. Светлана предложила поселиться у нее, где она жила с родителями в недавно полученной

однокомнатной квартире. Мила согласилась на развод на очерняющих меня условиях, чтобы сделать меня виновником развода и возложить на меня судебные расходы. Я удовлетворил ее оскорбленное женское самолюбие. Уход от четырехлетней дочери я пытался оправдать тем, что дети у меня будут, но не в браке с Милой.

Через год родился сын Лева, еще через три года - дочь Инна. Рождение второго ребенка окончательно оправдало меня в моих глазах от угрызения совести. Рождение Инны было моим единоличным решением, Светлана ему не противилась. Еще до замужества я уговорил Светлану поступить в институт. Мне, в школьные годы считавшему, что будущую жену встречу в библиотеке, все еще хотелось иметь жену с высшим образованием. В те годы в институтах не учились те, кто не хотел. Мой детский снобистский критерий спустя много лет определил многое в нашей жизни. Учеба в институте и рождение двух детей за годы учебы исключали возможность работы на государство. Да я и не хотел этого. Тому стремлению к совершенству во всем, что Светлана делала, не было, по моему убеждению, эквивалентной зарплаты. Так у меня стало четыре иждивенца, включая Соню. Я попал в категорию многосемейных и был освобожден от подоходного налога. Никто из моей среды не был в таком положении. От нищеты или бедности меня спасло знание нескольких иностранных языков. Я писал краткие изложения статей, рефераты, опубликованные в иностранных журналах. В разное время я работал в двух медицинских и в двух сельскохозяйственных журналах. Реферированию я уделял половину рабочего времени и все личное время. По дороге на работу и с работы в городском транспорте я читал статьи. Читал и писал в нерабочие дни и во время отпуска. Написанное Светлана печатала на машинке, когда все ложились спать. Только тогда у нее было время. Пишущую машинку мы брали с собой летом, когда уезжали в деревню и даже в Херсон. Как-то Соня, тогда в возрасте 17-18 лет, сказала мне, что ее подруга, оказавшаяся нашей соседкой по двору, рассказала Соне, что знает очень хорошую семью (о чем только не говорят девочки в 17 лет?!) и обрисовала нас так, что Соня узнала меня. Позже, когда мы стали жить в соседних домах, Соня познакомилась со Светланой и с годами узнала ее ближе. Соня сказала о женщине, к которой от ее мамы ушел муж и ее отец, что такие как Светлана встречаются

один раз на два миллиона. Откуда у Сони такая статистика, не знаю. В моем представлении Светлана тех лет отличалась от вымышленной Золушки только тем, что у нее не было хрустальных башмачков. Другого отличия в одежде не было. Как и в душевных качествах. Мое добровольное финансовое обязательство перед Соней не вызывало у Светланы даже тени неудовольствия, хоть у Сони материальное положение было намного лучше, чем у детей Светланы. Ее мама была кандидатом медицинских наук и получала зарплату примерно в два раза большую, чем я. Более того, Светлана напоминала мне о времени обязательного посещения Сони. Нашим размовкам Светлана никогда не давала возможности перерасти в ссору. Она тотчас шла на примирение. Со временем я понял, что она всегда была права, и редко не соглашался с ней, заранее зная, что она права. Я никогда не хвалю Светлану. Любую похвалу она встречает в штыки. Осуждать себя она позволяет нам всем. Золушка.

Я

Постоянная занятость реферированием и обессиливающая диаррея определили малоподвижный образ жизни. Развлечением, отвечающим социальной направленности моего мышления и моему физическому состоянию, стало слушание передач иностранных станций на русском языке. Я стал short wave listener, как говорят о людях, чей интерес сосредоточился слушании коротковолновых радиопередач. Для этого я купил немецкий радиоприемник Grundig, заплатив на него почти двойную или даже тройную месячную врачебную зарплату - 500 р., когда мое финансовое положение улучшилось. Некоторое время я прятал в шкафу приемник от глаз родителей Светланы, слушая радиопередачи, когда родителей не было дома. Покупка приемника была непозволительной роскошью с точки зрения здравого смысла. Советские периодические издания я не читал. Лживые в своей сущности, они были антисемитскими, когда заходила речь о евреях. Я уверил себя, что с момента создания еврейского государства мы, евреи, стали иностранцами в своей стране, особенно на Украине, и более бесправными, чем советский народ в целом. Дзуликим я не был. Если я ходил на собрания, то не голосовал ни за, ни против. Когда невозможно было не голосовать за, моя рука поднималась не более, чем на три секунды. Ког-

да приближалось время выборов, я брал в избирательном участке открепительный талон, мотивируя тем, что не буду в городе в день голосования. Конечно, талон выбрасывался в мусор. Со временем стало известно, что таким образом избиратели уклоняются от голосования. Для получения открепительного талона нужно было документальное подтверждение об отсутствии в городе в день голосования. Я прибег к другой тактике. Я получал избирательный бюллетень и двигался в направлении урны. Создавалось впечатление, что я намерен голосовать. Отойдя на несколько шагов, я останавливался и потом менял направление движения. В той толчее, что обычно в 11-12 часов дня, никому не было дела до меня. Бюллетень я опускал в унитаз. В мусор их выбрасывать было опасно. Как реагировала избирательная комиссия на недостачу моих бюллетеней - не знаю, наверное, подкладывали недостающий чистым бюллетенем. Был бы мой способ уклонения от голосования массовым, от него тоже бы нашли противодействие, как и от открепительных талонов. Так я стал эмигрантом задолго до открывшейся возможности уехать из СССР. Еще один ярлык можно на меня повесить - внутренний эмигрант. В 1973 г. Юра Красный, осуществлявший тогда процесс эмиграции в Израиль, пришел по моей просьбе к нам, чтобы убедить Светлану в необходимости покинуть СССР. Очевидно, Светлана была готова к этому, так как быстро согласилась после его прихода к нам. Он прислал нам визу через два-три месяца после эмиграции. Виза была доставлена на нашу квартиру (мы тогда уже жили отдельно от родителей Светланы), когда мы были под Ленинградом на даче у моего школьного соученика Римы Кречмера. Визу получила соседка и сообщила об этом отцу Светланы. Он выудил у соседки визу и уничтожил ее. Без разрешения его Светлане и Милы Лушиной - матери моей несовершеннолетней дочери - мне документы на эмиграцию ОВИР не принимал. Препятствия были непреодолимыми, как и хотела их создательница КПСС. Мне, прожившему пятьдесят пять лет в коммунистическом собачнике и уже получавшему пенсию, система притерпелась. Но у меня были дети, и я не хотел им ни моей судьбы, ни судьбы моих родителей и сестры. У Инны в перспективе был, в лучшем случае, географический факультет в педагогическом институте и преподавание в сибирской сельской школе. Мужем бы стал передовик-тракторист, не дурак выпить и под пьяную руку

поколотить жену. Сын Лева загремел бы в армию и, по всей вероятности, в Афганистан. Была у меня еще одна причина эмигрировать: хотел оградить дочь от ненаказуемой площадной брани, ставшей чуть ли не обиходной речью.

Шли годы. Соня стала совершеннолетней, и ее мама уже не могла воспрепятствовать моей эмиграции. К этому времени я поменял государственную квартиру, полученную от работы, на кооперативную, чтобы приобрести на деньги от этой проданной квартиры другую кооперативную квартиру вблизи от школы, где учились Лева и Инна. Кооперативная квартира стала нашим денежным сбережением, позволяющим расплатиться с государством в случае эмиграции. В это время решила уехать из СССР близкая знакомая Светланы – Алла Липелис со своей дочерью. Она получила наши биографические данные, переслала с кем-то их в Израиль, и мы получили израильские визы. Я начал "обрабатывать" Светлану, а она - маму. Вдвоем они смогли убедить Исидора Иосифовича дать согласие на нашу эмиграцию. Он очень опасался, что я в мои пятьдесят пять лет и Светлана, занимавшаяся домохозяйством, не сможем справиться с трудностями эмиграции. Его условием, которого я не знал, была эмиграция не в Израиль, а в США, где внуки будут вне опасности войны.

Подлежащие заявлению на эмиграцию увольнялись или лишались руководящих должностей. Такое удовольствие я им не дал и до подачи заявления на эмиграцию отказался от заведования. В ОВИР нужно было представить справку с работы о том, что решение эмигрировать известно на работе, и из домоуправления. Все должны знать, какой ты предатель родины. Без этих справок ОВИР документы на эмиграцию не принимал. Такой способ запугивания был очень эффективен в маленьких городах. Именно поэтому еврейский народ двинулся из крупных городов. Мое заявление на эмиграцию рассматривали долго. Целый год, тогда как у других три-шесть месяцев. Конечно, раскопали мое прошлое, и надо было выяснить точно, какие связи и чем занимался почти двадцать девять лет антисоветчик, избежавший тюрьмы еще в 1949 г. Ничего предосудительного не нашли и сочли безопасным для себя выпустить меня из Союза, поставив условием подписать обязательство о лояльности к Советскому Союзу.

АРТЕМОВСК

В первый послевоенный приезд в Артемовск я навестил учительницу истории в моем дворе Софью Берменсон - дочь учителя моего отца и дяди Сани игре на скрипке. Она была прикована к постели распространившимся раком молочной железы. Разыскал зубного врача Ротенберга, от которого защищая бабу Лизу. Он тоже был прикован к постели - у него был цирроз печени с асцитом (водянка живота), и жидкость сочилась из поврежденной истонченной стенки живота. Два его сына жили где-то в России, и он умирал в доме у знакомых. Разыскал мою классную руководительницу Зинаиду Григорьевну Степанову, преподавательницу русского языка. Она лежала в терапевтическом отделении больницы. Меня не узнала и не вспомнила, хотя я был из ее первого памятного выпуска 1941 г., и прошло не так уж много лет. Судя по тому, что попросила купить туалетное мыло, она была очень одинока. Не было в живых дружков из дома напротив: Кима Конюхова, на два года младше меня, ровесницы Вали, на два года старше меня ее мужа, тоже соседа, Нины Тринус девочки из соседнего двора, с которой играл в папу и маму в 5-6-летнем возрасте. Умерла Лидок, дочь дворника Роменского, на три года моложе меня. Мне в тот приезд было не больше 35 лет. Гриню Махлина, с которым родился в одну ночь, не увидел. Дверь открыла молоденькая блондинка и оказала, что Грини нет дома. По словам, он вел затворнический образ жизни и славился большой библиотекой. Леня Вольман, с которым в 1941 г. ехал в Куйбышев поступать в военно-медицинскую академию, стал преподавателем в техникуме коммунистических идей.

Тогда в городе были две братские могилы. Одна за городом, где хоронили расстрелянных. В ней покоились папа и мама. Другая могила была на площади перед вокзалом Южно-Донецкой железной дороги, Здесь после изгнания немцев похоронили несколько тысяч евреев, замурованных в подzemелье. Здесь лежали Ира и бабушка. В списках погибших, хранившихся в сейфе секретаря горисполкома, имен членов моей семьи не было. Внести имена в списки можно было только на основании Свидетельства о смерти, выданного ЗАГСом. Но для этого следовало установить в судебном порядке факт смерти. Мой следующий приезд в Артемовск был с этой целью. Суд состоялся позже, в мое

отсутствие. Меня представляла на суде юрист городской юридической консультации Лидия Дмитриевна Павленко. Ее белоснежная блузка контрастировала с тем, как были одеты другие женщины. Соседи по двору дали свидетельские показания. В решении суда гибель семьи объяснялась нежеланием семьи эвакуироваться. Папа писал мне, что записался на эвакуацию. Так, неспособность советского правительства предотвратить массовое истребление евреев была оправдана по суду. Значит, у судьи была установка, как вести подобные дела. Регистрация смерти членов моей семьи была моральной необходимостью - не ушли бесследно для Артемовска из жизни мои родители, сестра, бабушка. Была и другая причина. Я хотел иметь возможность приехать на могилу моей семьи в будущем, из эмиграции. Решение суда я отослал в Артемовский ЗАГС. После длительной переписки с ЗАГСом из-за неправильной регистрации причины смерти (не указано, что погибли насильственной смертью), ошибочного написания фамилий и пересылки Свидетельства о смерти для исправлений почтой в Артемовок на Дальнем Востоке, я наконец получил Свидетельство о смерти.

Вместе с решением суда представил их секретарю Артемовского горисполкома для внесения имен в списки погибших.

В третий раз я навещал Артемовск, уже имея разрешение на эмиграцию. В списках погибших имен членов моей семьи не было. Как не думать, что гитлеровские преступления и их артемовских подручных не покрывались с самого начала, когда составляли списки погибших подворными обходами.

Встретился с Гриней Махлиным. Он был во втором браке. Сын из этого брака только что закончил среднюю школу с золотой медалью. Сидел Гриня за столом в полоборота на половине стула: его донимали почечные камни. Был он по паспорту не Гриня, а Гирш - в честь своего деда. Много сил пришлось потратить, чтобы изменить в паспорте Гирш (или Герш) на Григорий. Иначе перед сыном для поступлений в институт был бы воздвигнут большой барьер: у сына украинки не должно быть еврейской крови. Я решил проблему обучения в институтах моих детей иначе, чем умница Гриня. Но мой подход для Грини был неприемлем. Его война с заведующим отделением - немецким коллаборационистом и ни в какое сравнение не идущим с Гриней, отказавшимся от профес-

сорской карьеры в Донецке, закончилась поражением, хотя он и ездил с жалобой в московский ЦК КПСС. Искал правду, как я и многие, многие другие. Леня Вольман был тоже женат не на еврейке, и его дочь должна была вот-вот выйти замуж за украинца. Мой одноклассник Изя Зильберов жил в поселке недалеко от Артемовска. Его жена была больна паркинсоновой болезнью. Сын женился на украинке, и замужество дочери тоже было не за евреем. О намерении кого-либо из артемовчан эмигрировать никто из моих знакомых не знал.

Из двух братских могил сделали одну, в дальнем углу кладбища. Установили стандартный памятник женщине. О братской могиле кое-кто из моих расспросов не знал. Два дома в моем дворе пришли в негодность, и никто в них не жил. Я ввёл немного земли с братской могилы и уехал. С тягостным чувством, но без сожаления. Москва стала мне ближе. Не надолго.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

В первые послевоенные годы Рима часто проезжал Москву по пути из Артемовска в Ленинград, где учился заочно на мостостроительном отделении железнодорожного института. Носил черную железнодорожную шинель, был желчен и мрачен, в цвет шинели. Плохо ему было в Артемовске одному. У него на лице был глубокий шрам от тяжелого ранения нижней челюсти. В Ленинграде он женился, воспитывал сына жены, родившегося в блокаду, потом и своего сына, очень располагающего к себе умного юношу. Таким я его видел, когда с семьей был на даче у Римы в 1974 г. Он только что закончил среднюю школу, и у Римы были волнения: примут ли сына в строительный институт. Приняли. Евреев в строительные и автодорожные институты принимали. Работал Рима, как многие из нас с высшим образованием, не по специальности: проектировал спиртовые заводы, перерабатывающие в спирт древесину. Майя Вайнштейн, моя соученица и двоюродная сестра Римы, окончила в Самарканде институт народного хозяйства, переехала в Москву, снимала углы, ютилась где-то бесплатно. Потом жила у мамы, которой в награду за десять или более лет проведенных в концентрационном лагере и в память о расстрелянном муже дали комнату. Работала Майя с чернильницами и канцтоварами. Ее еврейское происхождение и не менее убедительный вид помешало

получить работу в Алданзолото. Но нет худа без добра. Она начала подписывать свои стихи - Майя Алданская. Поступила и закончила вечернее или заочное отделение литературного факультета университета. Вышла замуж и взяла фамилию мужа. Стала Лаписовой. Сойдет за русскую фамилия еврея. Детей в этом браке быть не могло. Майя стала поэтессой. На жизнь зарабатывала стихами по заказу. На выборах в Верховный Совет голосовала, не боясь зайти в кабину для голосования: стихами надписывала бюллетени. Потом в центральных газетах появились фотографии ее бюллетеней с хвалебными партии стихами. Майя гордилась этим. Свою школьную подругу Нину Земборскую осудила за то, что Нина была в оккупации. Израиль считала фашистским государством. К моей эмиграции отнеслась отрицательно. Рима потом сказал: родственников не выбирают. Ненавидел я многих. Презираю только Майю.

Навестил меня Илья Гурбанов - лучший математик класса. Он стал инженером и работал начальником турбинного цеха на Братской гидроэлектростанции. Работа отнимала у него все время. Больше чем прочитать газету вечером после работы, сил не было. Женат был на русской, имел сына.

Встретился с Леней Разумовским. Он был среднего роста толстячком. Очень жестикулировал при разговоре. Потом мне сказали, что он в дружбе с наркотиками.

Дважды встретился случайно с Колей Басовым в Москве. Первый раз во время вечернего праздничного гуляния возле Большого театра. Он был с женой. Второй раз на перроне в метро. Он стал кандидатом физических наук. Изобрел вместе со своим руководителем лазер и рассказал о возможности определения времени с высочайшей точностью и еще каких-то двух применения. Но я сказал, и, наверно, не был первым, что быть ему лауреатом Нобелевской премии. У него уже тогда была гипертоническая болезнь, и его трех-четырёхлетний сын перенес мозговое заболевание. Свое поступление в Военно-медицинскую академию, он, сын профессора физики, кажется, в Воронеже, объяснил нежеланием попасть на фронт. Жил он с женой у тещи, пригласил к себе. Моя бедность и диаррея предотвращали дружеские контакты. Свое открытие Коля опубликовал спустя два-три месяца после появления статьи об открытии лазера американским физиком. Когда Коля с трибуны мавзоля приветствовал приехавшего в Москву Фиделя Кастро "от

имени советской интеллигенции", я вспомнил его слова об укрывательстве от войны. Когда Колю выдвинули кандидатом в Совет Союза от г. Москвы, были развешены агитационные листовки с его фотографией и биографией. Были обойдены факты, что он учился в Военно-медицинской академии, Военно-медицинском училище и был военным фельдшером.

В Ташкенте случайно встретился с соучеником младших классов Мишей Белоконом. Он прошел войну в летчиках, но побывал в штрафном батальоне тоже, где получил ранение. У него была уже третья жена к тридцатилетнему возрасту, и от каждой по ребенку. Я был у него на крестинах старшего сына из уже счастливого брака. По случаю крестин был зажарен молочный поросенок.

Иногда я звонил Ане - прачке моей роты в 54-м дорожностроительном батальоне. Она была замужем за писарем батальона - он же комсорг, объявивший мне строгий выговор с предупреждением за неявки на комсомольские собрания. Стахеев окончил польское отделение университета. Развелся с Аней, оставив двух детей.

ЭМИГРАЦИЯ

Уезжали из СССР по-бедному. Из мебели везли только "стенку". Как потом оказалось, упаковщики разбили ее после того, как упаковали: не получили взятку, и я заметил, что пыгались уворовать книгу по искусству. Обменял^у нам в банке рубли на доллары. \$ 105, кажется, на человека. Везли собаку. За два года до эмиграции дочь могла убедить меня, что будет заботиться о собаке: в семь часов утра подходила к кровати и говорила, что готова идти гулять с собакой. В обществе охотников купил щенка породы ирландский сеттер, ехать с собакой в эмиграцию очень неразумно. Но собака - член семьи, и мы не противились желанию Леры и Инны. Накануне отъезда пришла попрощаться Соня. Такой состоялся разговор: "Папа, останься". "Умру, но уеду. Поезжай, Сонечка, со мной". "Умру, но останусь", - сказала Соня.*

На таможне в аэропорту мои чемоданы приняли для осмотра после восьми часов ожидания - в три часа ночи. Таможенники украли какие-то лекарства. Это была последняя кража. Первая во время

* Соня живет в США.

учебы в военно-медицинском училище, когда безуспешно пыгались украсть казенные простыни (спасибо, что мне не подкладывали ворованные). Вторая на фронте в артполку, когда украли ободранный фанерный чемоданчик с парой нижнего белья, стихами к Лёдзе и какой-то зеленой трофейной краской в порошке. В дорстройбате стащили медаль «За Победу над Германией». В Иркутске в переполненном трамвае выгнали из нагрудного кармана гимнастерки первую студенческую стипендию, полученную в мединституте. В Тахна-Таше унесли чемодан из гостиницы, где были все мои вещи. В общем, немного, но что большее можно было с меня получить?!

Взвесили таможенники стальные ножи вместе со съёмными серебряными ручками, чтобы меньше серебра ушло из страны: выполняли патриотический долг. Днем, перед посадкой в самолет, на таможенном досмотре, очень гуманным к нам по сравнению с другими, как потом рассказывали, нам разрешили взять с собой одну пару золотых часов. Светлана решила взять с собой золотые часы Аллы Липелис и оставить в Москве мои, купленные в честь смерти Сталина. На мозги ограничений в таможе не было, хотя самое ценное, что евреи везли в Америку, было мозги. Не те мозги евреев первого десятилетия века, не получившие образования и чьи профессиональные навыки ограничивались нуждами местечек в черте оседлости, не те мозги бежавших из России противников большевиков, и нашедшие применение в основном в таксомоторных парках Парижа. Ехали в своем большинстве люди с высшим образованием и профессиональным опытом, полученном в крупных городах. А самое главное, везли детские мозги, неспорченные, не покаленные советской действительностью, достойные Гарварда, Йеля, Принстона - лучших из лучших университетов мира и множества других прекрасных американских университетов. Не из Англии была утечка мозгов, когда несколько десятков ученых уехали работать в США, а из СССР. Но называлась она бегством предателей. И для таможенников, и для большинства советского народа. И остающиеся евреи осуждали нас: им-де будет от этого хуже. Так, например, сказала мне Нина (Ленина) Воль-Эпштейн, моя сокурсница, потом сослуживица. •

• Сейчас она в США на американских хлебах.

Я не хотел лететь ни на советском самолете с ярлыком предателя, ни с теми, для кого эмиграция была целью улучшить свое экономическое положение. Из передач Голоса Америки я знал, что есть ниша для меня в самолете австрийской авиакомпании. Моей мыслью в самолете перелета советской границы было вспомнить слова Лермонтова: "Прощай, немытая Россия! Страна рабов, страна господ. И вы, мундиры голубые, и ты, послушный им народ". Стюардесса сообщила, что мы покинули воздушное пространство Советского Союза. Это было 7-го июля 1979 г.

Уезжали 56-летний врач-пенсионер, домохозяйка, никогда не учившая английский язык, 17-летний сын и 14-летняя дочь. Из радиопередачи Голоса Америки знал, что первый врачебный экзамен сдали примерно восемь процентов врачей - выходцев из СССР. Я закончил институт в 1949 г., т.е. 30 лет тому назад. Рассчитывал по наивности быть дворником или лифтером (не знал тогда, для кого предназначены эти должности). Впереди нас был долгий и трудный путь - длиннее и тяжелее в становлении американцами, чем у многих других. Я об этом не задумывался, так как верил в Светлану. Страну я покидал не как врач. Я не кривил душой, когда подписал в ОБИРе требуемое обязательство не заниматься за рубежом антисоветской деятельностью. Подобная активность препятствовала бы эмиграции. Более того, я не намеревался раскрыть государственную тайну: я знал о шпионаже в пользу СССР на одной из судостроительных верфей в США, где строили подводные лодки.*

США

Через Вену и Рим мы прилетели в США 2-го сентября 1979 г. - в день рождения Левы. Какой подарок родителей может быть лучше?! Главной трудностью на пути Москва - Нью-Йорк была перевозка собаки. В Италии она стала непреодолимой для тех, кто считал, что законы для них необязательны. Такова психология людей в стране, где законами пренебрегают все: и господа, и рабы. Много породистых собак стали бездомными в Италии. В США опекающая нас еврейская организация разрешила въезд только после того, как мы отправили Тильду в США. Помог нам един-

* ЦРУ обошлось без меня в раскрытии этого шпионажа.

ственный знакомый в Америке Джон Пендлетон - американский студент, изучавший русский язык в Москве и как-то посетивший нас с Аллой Липелис.

Трудности в Америке начались с первой же ночи. Только нам из прилетевших нашим самолетом не нашлось ночлега в первую ночь. На одну встречу с социальным работником мы опоздали, ее перенесли на месяц позже, из-за чего Светлана урезала наполовину возможность изучать на курсах английский язык, т.е. всего один месяц на самом низком уровне - уровне для начинающих.

Мне не хотели давать направление на курсы подготовки к экзамену за медицинский институт - Esfmg: возраст - 56 лет, закончил советский мединститут 30 лет тому назад, в таком возрасте в ординатуру не принимают. Долго не могли найти квартиру, а когда нашли, то в самом плохом на Вашингтонских высотах в Манхэттене, в доме без лифта на 4-м этаже с полчищами тараканов. Одна стена была в таком состоянии, что ее пришлось закрыть ковром, подобранном на уличной свалке.* Светлану послали работать - пришивать этикетки к галстукам - неременное условие для моего направления на курсы. Чтобы не садиться на шею государству - ВЭЛФЕР, доступный врачам-эмигрантам, Светлана по субботам и воскресеньям ходила убирать американские квартиры. Заниматься на курсах я начала январе. В июне с первой попытки сдал медицинский раздел экзамена. Языковую часть сдал почти через год: не мог овладеть слуховым разделом в магнитофонной записи. Когда магнитофон сломался и проктор (некто вроде надзирателя) зачитал экзаменационный тест, я справился с этим разделом, будучи давно достаточно подготовленным к письменным разделам экзамена. Через год я сдал Flex - экзамен трехдневной продолжительности, дающий право работать доктором в США. Но для этого нужно было еще учиться в ординатуре (резидентуре, как ее называют в США). В поисках ординатуры ездил на собеседование. Побывал в штатах Нью-Йорк, Миссури, Айова, Миннесота, потом Пенсильвания и Мичиган. Ночевал на автовокзалах, у незнакомых мне людей - знакомых светляниных знакомых. Одно собеседование было вблизи г. Колумбия, где жила московская соу-

* Инна ни разу не пригласила американок-соучениц в эту квартиру. Подруги-эмигрантки бывали.

ченица и подруга Инны. Ее дядя, никогда не встречавшийся со мной в Москве, по своей инициативе перед моим приездом пришел на прием к заведующему кафедрой рентгенологии и разрекламировал меня в таких красках, что тот назначил мне встречу. Я пришел к нему с Феликсом. Они говорили, я молчал - еще не мог говорить. Профессор Г. Лодвиг посмотрел на меня и сказал, что предоставит мне год в ординатуре сверх установленного числа ординаторов и поэтому без зарплаты. Мечтать об ординатуре по рентгенологии было нельзя. В этом же медицинском институте были два моих заявления в ординатуры, куда можно попасть иностранцу, но меня даже не вызывали на собеседование. Из одной был даже оскорбительный отказ, подчеркивающий мой возраст. Решение Лодвига было смелым. Он принимал меня в ординатуру, не согласовывая с высшей инстанцией - учебным отделом. По инерции я продолжал поездки на собеседования, конечно, бесперспективные для меня, но с сознанием, что принят в ординатуру. 1-го января 1984 г. я начал учебу и проучился год. За это время кафедрой стал заведовать другой профессор, Д. Виттен. Профессора Лодвига пригласили в Гарвард. Когда закончился год обучения, Д. Виттен спросил меня, что он может для меня сделать. Я сказал, что позвонить в Нью-Йорк, куда я подал документы в ординатуру по радиологии. С учетом признания моего стажа в рентгенологии в СССР и года обучения в американской ординатуре я имел право на обучение в ординатуре по радиологии. После года ординатуры в радиологии я был принят в двухгодичную ординатуру в престижный Северо-Западный университет в Чикаго. В июне 1987 г. закончил ординатуру и в сентябре успешно сдал экзамен по профессии. Мне тогда было 64 года. Год до пенсии, если бы был достаточный стаж работы в США. В 64 года начиналась моя трудовая карьера, карьера пенсионера из СССР. Своими успехами я обязан Светлане, освободившей меня от забот о семье в течение первых четырех лет пребывания в США, и Феликсу, и его жене Люде, в чьем доме я жил в течение года учебы в Колумбии. Перед ними я в неоплатном долгу.

Первую работу я получил в марте 1988 г., побывав некоторое время на пособии по безработице, в Монтане, на границе с Канадой в индейской резервации. Год ординатуры по рентгенологии позволил получить работу по этой же специальности. Через год открылась возможность перейти на должность радиолога, моей американ-

ской специальности, и я воспользовался ею. С севера США я переехал на юг - Александрия, Луизиана, где работал более двух лет в госпитале ветеранов войны. Когда одновременно уволились оба рентгенолога, я остался один в отделении и на меня легла работа рентгенолога. Нагрузку не уменьшили, когда на работу был принят другой рентгенолог. Он пришел из частной практики. Сравнив мою квалификацию с его и тех, кто уволился, я почувствовал, что тоже смогу работать в частной практике. Когда мне позвонили из агентства и предложили работу рентгенолога, я согласился. Проработал один год в двух маленьких католических госпиталях в Северной Дакоте. Государственная служба, то ли в индийской резервации, то ли в госпитале ветеранов войны, позволяет получить пенсию после пяти лет работы. У меня уже были три с половиной года государственной службы. В одном из госпиталей ветеранов войны в Алабаме открылась вакансия радиолога, и я был принят на эту должность. Это была большая удача: людей моего возраста, которым через полтора года надо будет платить пенсию, на работу не берут. Мой сертификат в радиологии как доказательство высокой квалификации в этой профессии и опыт работы рентгенолога в трех американских медицинских учреждениях, включая частную практику в госпитале, нивелировали недостаточность американской подготовки в течение только одного года.

Вот уже 10 месяцев я работаю рентгенологом и выполняю обязанности радиолога. Менее чем через месяц мне будет 70 лет, и еще через семь месяцев заслужу государственную пенсию. Есть основания смотреть оптимистически в будущее: как только мы прилетели в Австрию у меня прекратилась диаррея*, в США сердце заработало без перебоев, но на это ушло много лет.

АРТЕМОВСК

Мысль о том, что в Артемовске нет и следа о моих близких, привела меня к решению установить им памятник. В этой мысли меня поддерживало умалчивание в надписи на надгробной плите места захоронения факта о гибели именно тысяч евреев г. Артемовска. Через дочь Сою в Москве я обратился к юристу Л.Д.Пав-

* Значит, авитаминоз был причиной моей болезни: свежие овощи и фрукты вылечили меня.

ленко, представлявшей меня в суде в 1978 г., с просьбой получить разрешение установить могильную плиту на артемовском кладбище в память о моих близких. Для этого нужны были свидетельства о смерти и доверенность на имя Лидии Дмитриевны. Получив ее согласие, в первый же отпуск я полетел в Москву и сделал доверенность на имя Лидии Дмитриевны, согласившейся мне помочь, не ставя никаких условий. Для поездки из Москвы в Артемовок нужно было разрешение ОВИРа г. Москвы. На вопрос, к кому еду в Артемовск, назвал Гриню Махлина. Проверим, - сказали в ОВИРе и через пять дней сообщили, что Гриня Махлин умер семь лет тому назад. Назвать другое имя, значит, ждать проверки еще пять дней. Заместитель начальника ОВИРа разрешил мне поездку в Артемовск, но без права оставаться в городе на ночь. Из-за нелетной погоды пришлось ночевать в зале ожидания в аэропорту. В Артемовск я добрался на следующий день, когда стемнело. Съездив на кладбище, зашел с разрешения в квартиру, где родился, навестил Лидию Дмитриевну, на пути к вокзалу зашел к Миле Турчину, которого встретил в Куйбышеве 14-летним мальчиком. Он в это время лежал в больнице с инфарктом миокарда. Через три часа после приезда в Артемовск я уже был на вокзале в надежде быстро уехать в Москву. Поезд пришлось ждать до трех часов ночи - опаздывал на одиннадцать часов. Это была вторая бессонная ночь. В Москву приехал в шесть часов вечера. Рано утром был в аэропорту, и "прощай ... послушный им народ".

Разрешение Горисполкома на установку могильной плиты было получено. Какую высечь надпись на могильной плите? Погибли не только мои родители, сестра, бабушка, погибли 17-летняя соседка Ханна Зельдович, косившаяся на меня, Леня Рейзенсон, мой школьный товарищ, Коля Смиренномудренокий, одноклассник и товарищ в младших классах, Леня Сагал, соученик из Б-класса, которому проспорил пять руб., но он не взял у меня денег, Саля из дома напротив, товарищ по играм в пяти-шестилетнем возрасте, сосед Сангурский, проигрывавший нам, детям дореволюционные пластинки на граммофоне с большой трубой - всех знакомых не перечислить. Все погибшие стали в моих глазах одной семьей. Памятник должен быть всем. Склонность к лаконизму подсказала надпись: **ПОГИБШИМ ОТ УЦЕЛЕВШИХ**. Деньги на памятник дал Лева.

Второй раз как американский гражданин я прилетел в Москву на встречу соучеников в Артемовске по случаю 50-летия окончания школы. Приехали семь человек из 24-х окончивших десятилетку. Два не приехали, сославшись на болезнь (один из них вскоре умер), две соученицы отказались. За два месяца до встречи умер Изя Зильберов. На нем лежало бремя подготовки встречи. В Артемовске я позвонил. К телефону подошла дочь. Я попросил позвать к телефону Лилю, не называя моего имени. Лиля взяла трубку и сказала, что знает, кто звонит, и назвала мое имя. Я не учился с Лилей после шестого класса в одном классе (я в А, она в Б-классе) и не встречался с ней со времени войны, трогательно. Тронула меня и встреча с цветами в донецком аэропорту Вовой Сикирковым. В школе у нас были прохладные отношения. В Артемовске я остановился у Милы. Так для меня было лучше. У жены Грини Махлина, Евгении Тимофеевны, я узнал о последних годах жизни Грини. Гриня умер во сне. Он очень переживал, что его сына, медалиста, не приняли в медицинский институт. На следующий год сын опять поступал в медицинский институт. Было время экзаменов, время наибольших переживаний. Если опять не примут в институт, значит впереди служба в армии. Гриня умер. Сына приняли в мединститут. Он стал психоаналитиком. В Америке это немедицинская врачебная профессия.

Через несколько дней после встречи, еще до отъезда домой, у Ильи Гурбанова случился один инфаркт, потом другой. Через два или три месяца он умер дома.

Фотографию памятника мне прислала Соня. Она побывала в Артемовске. Теперь я увидел памятник. Он был сделан, как я хотел, по американскому типу - вертикальная плита. В Артемовске это было неуместно. Поэтому я заказал цементное надгробье и воспользовался возможностью сделать ограду.

На официальную церемонию встречи, одобренную горкомом партии и потом описанную в газете, я не остался и улетел домой. В Америку.

Впереди предстояла еще одна встреча, по американскому примеру. Отпраздновать общий день рождения, когда нам исполнится 70 лет. Но, в отличие от американцев, приехать из разных стран, так как СССР развалился. Визу прислали сегодня, ценою потери паспорта и визы консульством. Недипломатично описывать трудности

получения визы в украинском консульстве, на что ушло три месяца.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Примерно в тридцатилетнем возрасте меня, молодого врача, под разными предложениями не принимали в ординатуру. В моей родной стране. В США меня в шестидесятилетнем возрасте и позже, еще не имевшего гражданства, приняли в три ординатуры. Из Московского мединститута меня исключили. В этот же институт пригласили мою дочь по студенческому обмену с Гарвардским университетом. Министр здравоохранения СССР "рвал на голове волосы", читая в 1949 г. мой дневник производственной практики. Моя дочь в числе студентов Гарвардского университета была приглашена на прием к министру.

Январь-октябрь 1993 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГОЛЬБЕРГИ: Ничего не знаю о братьях или сестрах деда.

Из пятерых детей деда у четверых было по ребенку, у моего отца было двое детей. В моем поколении трое детей у меня, двое у Игоря, сына тети Лиды, один у Виктора, сына дяди Сани. Нет детей у Эры, дочери тети Фриды. У младшего сына деда, дяди Яши, сын утонул в подростковом возрасте. Игорь и я - во втором браке. Игоря нельзя считать счастливым ни в одном.

С обеими снохами у тети Лиды сложились враждебные отношения, унаследованные внучкой по отношению к бабушке. Дочь Виктора развелась с мужем после пятнадцатилетней несмирной семейной жизни.

У Игоря внук русский, у Вити правнуки будут украинцами. Из моих детей у Сони потомства не будет. Вряд ли дети Левы будут евреями, Инна замужем за израильтянином. Надежда на сохранение еврейского племени на моей дочери. Уже появилась первая внучка.

БЕРЕЖИНСКИЕ: У бабушки были две дочери и сын Мотя.

В 14-летнем возрасте в 1913 г. он эмигрировал в США к отцу. Попытки установить факт иммиграции дяди и деда в США были безрезультатными: о них нет сведений в иммиграционном ведомстве в Нью-Йорке, не нашел их имен в телефонных книгах Бруклина 20-30-х годов. У младшей дочери бабушки детей не было. У

Берты Марковны Маневич были сын Мара и дочь Рая. Они вступили в брак, когда детей уже быть не могло. У младшей сестры бабушки были четыре сына. Двое сыновей были бездетными. У одного из сыновей - дочь в Москве, у другого - сын в Прибалтике. Так, у трех сестер в СССР в потомстве было всего три внука. Вымирание евреев в СССР, очевидно на примере обеих моих родословных линий.

Mark L Goldberg

МАРК ГОЛЬДБЕРГ

- 1923 Родился в г. Артемовске
- 1931-1936 Ученик школы им. Тимирязева. Артемовск.
- 1936-1937 Ученик школы по ул. Профинтерна. Артемовск.
- 1937-1941 Ученик школы № 5 им. Кирова. Артемовск.
- 1941-1942 Слушатель военно-медицинской академии. Куйбышев.
- 1942-1943 Курсант Киевского военно-медицинского училища. Звание: лейтенант мед. службы. Свердловск.
- 1943-1944 Фельдшер дивизиона 123 артполка. Украинский, Белорусский фронты.
- 1944-1946 Фельдшер роты 154 дорстройбата, Белорусский, Забайкальский фронты.
- 1946 Фельдшер полкового медпункта гвардейской пехотной дивизии, Иркутск, и студент 2-го курса Иркутского мединститута одновременно.
- 1946-1949 Студент 3-5 курсов лечебного факультета 2-го Московского мединститута.
- 1949 Исключен из института и комсомола «за антисоветские взгляды и пренебрежительное отношение к врачебной профессии».
- 1949-1950 Заурядврач. Денгизский район. Казахстан.
- 1950 Провален на госэкзамене по марксизму-ленинизму в Астраханском мединституте.
- 1950-1951 Заурядврач. Яванский район. Таджикистан.
- 1951 Сдал государственные экзамены в Сталинобадском мединституте и получил диплом врача.
- 1951-1952 Врач-инспектор лечебно-профилактических учреждений Всесоюзпромсоветкасс. Москва.
- 1952-1953 Терапевт медсанчасти при строительстве Главного туркменского канала. Тахиа-Таш. Узбекистан.
- 1953-1954 Врач санчасти концлагеря для иностранцев. Тахиа-Таш, Чуама. Узбекистан.
- 1954 Курсы специалистов по рентгенологии. Ташкентский институт усовершенствования врачей.

- 1954-1955 Рентгенолог в санчасти текстильного комбината и студент химического факультета Среднеазиатского университета. Ташкент.
- 1955 Исключен из университета за отказ убирать хлопок.
- 1956-1969 Рентгенолог поликлиники № 55. Москва.
- 1969-1971 Рентгенолог поликлиники № 60. Москва.
- 1971-1979 Рентгенолог поликлиники № 19. Москва.
- 1979 Эмигрировал с семьей в США.
- 1980 Выдержал экзамен на звание доктора (FCMG).
- 1982 Выдержал экзамен на право работать доктором (FLEX).
- 1982-1984
- 1984-1985 Ординатура по радиологии. Больница в Нью-Йорке.
- 1985-1987 Ординатура по радиологии. Сев.-Зап. Университет. Чикаго.
- 1987 Сдал экзамен на звание доктора высшей категории по радиологии (BORD).
- 1988-1989 Рентгенолог в индейской резервации. Браунинг, Монтана.
- 1989-1991 Радиолог/рентгенолог в Мед. центре ветеранов войны.
- 1991-1992 Рентгенолог в католических госпиталях Ролла и Ботино. Сев. Дакота.
- 1992- Рентгенолог-радиолог в мед. центре для ветеранов войны. Тускеги, Алабама.

